

The background of the entire page is an abstract, painterly composition. It features a complex interplay of colors, including shades of blue, red, yellow, and white. The textures are created with visible brushstrokes, giving it a sense of movement and depth. There are swirling patterns, some resembling waves or smoke, and small, scattered dots and speckles throughout the composition. The overall effect is one of dynamic energy and artistic expression.

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ

**РОМАН С
СОЦИОЛОГИЕЙ
ДЛИНОЙ БОЛЕЕ
ПОЛУВЕКА**

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Г. Е. Зборовский

**РОМАН С СОЦИОЛОГИЕЙ
ДЛИНОЙ БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА**

**Беседы Бориса Докторова
с Гарольдом Зборовским**

Екатеринбург
2018

УДК 316:316.477
ББК 60.5г
3-41

3-41 Зборовский Г. Е. Роман с социологией длиной более полувека. Беседы Бориса Докторова с Гарольдом Зборовским. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. – 333 с.

ISBN 978-5-7741-0344-7

В книге характеризуется жизненный и профессиональный путь российского социолога, профессора, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки РФ Г. Е. Зборовского. Содержание книги складывалось в ходе бесед автора с известным советским и российско-американским социологом, профессором Борисом Докторовым. Они велись несколько лет посредством электронной переписки. На страницах книги прослеживается становление личности автора в детские и юношеские, школьные и университетские годы, показывается его появление в социологии, профессиональное становление и взросление. Сквозь призму биографических сюжетов рассматриваются личное исследовательское поле и проблемы развития отечественной социологии. В книге уделено внимание учителям, соратникам, коллегам и ученикам автора, показан мир его интересов и увлечений.

УДК 316:316.477
ББК 60.5г

ISBN 978-5-7741-0344-7

© Г. Е. Зборовский, Б. З. Докторов, 2018
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

И это все о нем – о герое настоящего романа. Предисловие профессора Ю. Р. Вишневого	5
Часть 1 Досоциологический этап, или Предыстория романа (1938–1963)	12
Часть 2 Мое появление в социологии: годы профессионального становления и взросления (1963–1991)	42
Часть 3 Новый формат отношений с социологией (1991–2018)	84
Часть 4 Мое исследовательское поле	129
Часть 5 Мир близких людей	219
Счастливый роман с социологией Гарольда Зборовского. Послесловие профессора Б. З. Докторова	286
Библиография научных трудов Г. Е. Зборовского	304

**И это все о нем – о герое настоящего романа.
Предисловие профессора Ю. Р. Вишневого**

Прежде всего, о каком *романе* идет речь? Из двух самых распространенных значений сразу отмечаем первое («большое по объему повествовательное произведение, обычно в прозе, со сложным и развитым сюжетом») и принимаем второе («любовные отношения между мужчиной и женщиной»)¹.

В конкретном случае все совпадает: *Он* (мужчина – Гарольд Ефимович Зборовский) многие годы любит *Её* (Социологию). И не беда, что вначале ему пришлось полюбить других женщин (Историю и Философию) и даже делать вид, что очень любит мужчину (Научный коммунизм). Вся его жизнь – это путь к любви к социологии, сама любовь к социологии и стремление, чтобы пространство Любви к социологии постоянно расширялось, привлекая все новых и новых акторов, а темпоральность этой Любви, сочетая линейные и нелинейные стратегии, становилась бесконечной.

Зборовский Гарольд Ефимович (что подтверждается анализом его фамилии, имени, отчества) был предназначен любить социологию, даже тогда, когда эта любовь рассматривалась официально как одно из самых опасных сексуальных извращений – любить что-то «не наше»!!!

Действительно, стоит набрать в поисковой системе «Яндекс» фамилию «Зборовский» и мы сразу получим не только «Г. Е.», но и «Зборовский *мир*», «Зборовский *договор*». А мир и договор всегда выше разграничения на «наше» и «не наше». И не случайно, что наш герой всегда был на стороне тех, для кого Социология как предмет Любви не делилась на части. Нет, не будем приписывать ему какие-то сверхъестественные качества (он – подобно многим своим сверстникам и ровесникам – сын своего времени). И не могла его кандидатская диссертация по философии не критиковать «буржуазную социологию досуга». Но оценим и мужество диссертанта, фак-

¹ Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М., 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/17/ma372919.htm?cmd=0&istext=1>; Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940). – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3d8108.htm?cmd=0&istext=1>

тически назвавшего «Социологию досуга» чем-то реальным (а, значит, – вернемся к нашему анализу – и защитившему свою Любовь).

Еще более информативно в рамках нашего анализа значение отдельных букв его имени (а самое главное – их сочетание). Судите сами:

Г – стремление к знанию, умение все понять в неразрывной связи с жизнью, внимание к деталям и потребность все делать добросовестно;

А – символ начала и желание что-то начать и осуществить;

Р – способность не обманываться видимостью, а вникать в существо;

О – присутствие этой буквы в имени показывает, что цель ему предуготована и нужно воспользоваться своей богатой интуицией, чтобы выделить ее из суеты существования;

Л – тонкое восприятие красоты, артистические (художественные) таланты, стремление поделиться знаниями и ощущениями с партнером;

Б – способность классифицировать, разделять, раскладывать по полочкам;

Д – размышление, обдумывание перед началом дела, готовность помочь².

По каждому из отмеченных параметров можно было бы – применительно к нашему герою – написать отдельную статью. Хотя с учетом юбилейного характера книги лучше обратиться к творчеству самого Героя. Лишь несколько примеров:

Стремление к знанию, способность вникать в существо... Уже на первых этапах возрождения отечественной социологии (а Б. З. Докторов справедливо отнес Героя к третьему поколению) наш Герой вник в суть пространства и времени и увидел в них не только общепризнанные «формы существования материи», но и «формы социального бытия»³. Но в те времена действовал иной принцип: большинство, не видевшее, что «король-то голый», осуждало тех немногих, кто это видел, – за «неправильное видение». В более поздние

² Что означает имя «Гарольд» [Электронный ресурс]. – URL: <http://novoston.com/imena/g/garold/>

³ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974.

времена, когда этот принцип во многом (хотя и не совсем) был преодолен, наш Герой умудрялся увидеть нечто новое в том, на что до него смотрели многие. В социологии образования и социологии знания он «вдруг» увидел и обосновал проблему «образовательного знания»⁴. В той же социологии образования увидел (вместе с Е. А. Шуклиной) необходимость развития самостоятельной подотрасли (социология самообразования)⁵. Они же, включившись в дискуссию об образовании в информационном обществе, углубили и развили идею «реального, заявляемого и потенциального образования»⁶. Но потенциал Любви нашего Героя к Социологии поистине неистощим и устойчиво носит инновационный характер. То, обратившись к истории теоретической социологии, он развивает подход П. Штомпки и предлагает рассматривать ее как смену парадигм, обосновывая метапарадигмальную модель теоретической социологии⁷. На базе обоснованной им теории социальных общностей наш Герой рассматривает в ряде своих недавних работ проблематику взаимодействия образовательных общностей. А возвращаясь к любимой проблематике социального времени, привносит в социологию образования идею темпоральных стратегий этих образовательных общностей. Да и сами перспективы системы высшего образования соотносятся им с переходом ее от линейных стратегий к нелинейным⁸.

⁴ Зборовский Г. Е. Образовательное знание как проблема социологии // Социс. – 2012. – № 6.

⁵ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Самообразование в условиях формирования новой образовательной парадигмы // Гуманизация и гуманитаризация профессионально-педагогического образования. Ч. 1. – Екатеринбург, 1994 ; Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Самообразование как социологическая проблема // Социс. – 1997. – № 10.

⁶ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества // Социс. – 2005. – № 7.

⁷ Зборовский Г. Е. Метапарадигмальная модель теоретической социологии // Социс. – 2008. – № 4.

⁸ Зборовский Г. Е. и др. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе. – Екатеринбург, 2017 ; Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Взаимодействие между образовательными общностями российского мегаполиса: проблемы управления // Муниципалитет: Экономика и управление. – 2017. – № 3 ; Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Возможности практической реализации нелинейной модели высшего об-

Потребность все делать добросовестно... В его добросовестном отношении к делу легко убедиться, прочитав любую из его статей, а тем более монографию и поняв, какой огромный труд стоит за ними, сколько было прочитано (а зачастую и переведено), осмыслено... Сам добросовестный до самоотдачи, он требует того же от своих аспирантов, коллег, соавторов. В этом мне удалось убедиться лично и в ходе совместной работы над трилогией о Л. Н. Когане, историей социологии Урала, историей Уральских социологических чтений, и во время его блестящего (очень поучительного) редакторства моей истории зарубежной социологии образования, пока ограничившейся первым томом. Но особенно эта черта нашего Героя заметна в его нетерпимости к недобросовестности. Когда стало известно о плагиате в работах одного из его бывших соавторов, человека весьма заметного в академических кругах, Гарольд, не раздумывая, порвал с ним всякие отношения.

Стремление поделиться знаниями, готовность помочь... Эта черта нашего героя проявляется многопланово. О своей Любви к социологии он рассказал в многочисленных учебниках и учебных пособиях – от небольшого учебного пособия «Введение в социологию», подготовленного вместе с Г. П. Орловым в 1992 г., до солидного учебника по «Общей социологии», от одного из лучших (неоднократно переиздаваемых) учебников по «Истории социологии» до учебников по различным отраслевым социологиям – социологии образования, социологии культуры и досуга, социологии управления.

Другой аспект – активная и продуктивная работа по подготовке кадров высшей квалификации. На сегодняшний день под его научным руководством (термин «научный консультант» применительно к докторским мне никогда не был понятен) подготовлено и защищено 10 докторских и 48 кандидатских диссертаций. И, как говорится, «еще не вечер». Не-

разования в УрФО // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – № 4 ; Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Возрастные общности и проблемы регулирования темпоральных стратегий их поведения // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 3 ; Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время социальной общности. – Екатеринбург, 2017.

давно кафедра обсудила и утвердила тему еще одной его докторантки.

Любовь – феномен генетический. Убедиться в этом можно, обратившись к отчеству нашего Героя. Значение имени «Ефим» показывает, что этот мужчина – настоящий трудоголик, который может браться за любое дело. Нет, Гарольд не повторил буквально путь своего отца – главного бухгалтера крупных предприятий (среди которых – Черноморское пароходство!!!). Но, взявшись за социологическое дело, он проявил настоящий трудоголизм. И еще один – уже личностный момент. Для меня в оценке моего друга и коллеги особенно значимо его трогательное, уважительное отношение к родителям.

Завершить свое предисловие мне хотелось бы, применив к Любви нашего Героя соответствующую типологию. К этому нас подтолкнул неоднократно услышанный от него анекдот о лекторе общества «Знание», приехавшего в деревню с лекцией «О любви», обосновавшего существование разных видов любви и в конечном итоге рассказавшего о любви народа к партии.

Первоначально мне хотелось применить классификацию Э. Фромма, выделявшего *пять элементов любви*, которым нужно учиться, чтобы любить по-настоящему: Давание, Забота, Ответственность, Уважение, Знание. Но затем обнаружили, что о многих из них написали, анализируя имя Героя. Пришлось обратиться к традиционной греческой классификации. Выдвинутая в начале исследования гипотеза (Любовь нашего Героя к Социологии проявляется во всем многообразии ее типов) полностью подтвердилась. Ограничимся лишь итоговыми выводами.

Агапэ – чувство любви, независимо от того, достоин ли объект любви этого чувства. Это робкая любовь подростка, безответная любовь. Именно такой была Любовь Гарольда к Социологии, когда ее (как и Секса) в СССР не было.

Филео – чувственная и нежная любовь, она подразумевает привязанность или дружбу в душевной сфере, предполагает ожидание ответного чувства. Именно такие ответные чувства испытывают к Гарольду члены Российского общества социологов, неоднократно избиравшие его федеральным вице-президентом РОС, одарившие его всеми возможными на-

градами РОС и, что особенно важно, – серебряной медалью П. Сорокина. Аналогичными были и чувства членов научного сообщества РФ, которые за неимением почетного знака «Заслуженный социолог» признали его просто «Заслуженным деятелем науки» (как бы вспомнив о классификации наук по О. Конту).

Сторге – любовь-привязанность, которая проявляется как удобные, привычные взаимоотношения. Именно к этому роду любви (точнее – к разрыву этих отношений) применима формула «разошлись, как в море корабли». Любовь Гарольда к Социологии имела – институционально – различные проявления. Он проработал в нескольких институтах (университетах) Свердловска (Екатеринбурга) – юридическом, педагогическом, профессионально-педагогическом, гуманитарном, федеральном. В одних он руководил кафедрами, в других – факультетами и институтами. В каждом (особенно – в РГПИУ и Гуманитарном) он создавал мощный научный центр, получавший федеральную известность. Но как только положение его подразделения ухудшалось (чаще из-за нарушения руководством вуза обговоренных условий, а в Гуманитарном университете – из-за объективного ухудшения условий негосударственных вузов), он уходил. И все начинал сначала.

Людус – любовь, похожая на игру, ее никогда не принимают всерьез. А этот вид любви в жизни Гарольда связан с его двоелюбием. Ведь даже в институт он поступил не в один – а в два (университет и консерватория). И, выбрав науку, а затем, остановившись на социологии, он сохранял теплые отношения и с музыкой. Личное впечатление – об очередном посещенном концерте он рассказывал с неменьшим воодушевлением, как и об интересной недавно прочитанной книге.

Прагма – прагматическая любовь, реалистические и приземленные отношения. Их традиционно называют «любовью по расчету». Это спокойное, благоразумное чувство. Если многих преподавателей УрФУ смещение акцентов в стимулировании их труда в сторону «публикационной и грантовой активности» напугало, то Гарольд воспринял это весьма прагматично. Его давно беспокоило противоречие, которое наш общий друг Валера Шапко выразил шутливой фразой: «Что я буду иметь за свою бескорыстную любовь». Во фроммовской

формуле «Быть или иметь?» мы, конечно, стояли за «быть», но «имели» явно недостаточно.

Мания – любовь-одержимость (от греч. «мания» – болезненная страсть). Привычка исследовать, писать, открывать настолько присуща нашему Герою, что интенсивность его научной деятельности с годами только нарастает. Казалось бы, уже почти 20 лет человек на пенсии, а он остается на первых строчках рейтинга в ИГУП, а по некоторым параметрам и в УрФУ.

И такой страстной любви можно только позавидовать!!!

ЧАСТЬ 1
Досоциологический этап,
или Предыстория романа (1938–1963)

Гарольд, в твоей краткой сетевой биографии указывается, что ты родился в Баку. В этом городе давно жили твои предки или судьба забросила туда твоих родителей? Вообще, пожалуйста, расскажи о твоей родительской семье. Я заметил, у людей, имеющих историческое образование, это хорошо получается. И еще, какова история твоего не часто встречающегося имени? Не ты первый, кому я задаю такой вопрос. Я спрашивал Ж. Т. Тощенко о происхождении его имени Жан и Б. Г. Тукумцева о его имени – Будимир Гвидонович.

Я родился в Баку 17 сентября 1938 г. в семье служащих. Папа всю жизнь работал бухгалтером (сначала рядовым, потом старшим, главным), мама – машинисткой. Насколько я помню из рассказов родителей, особенно мамы (она намного пережила папу, он умер в 1964 г., а она – в 2002-м), в Баку они оказались потому, что там жили родители и родственники папы, и они могли помочь на первых порах молодой семье. До Баку родители жили на Украине в маленьких городках Гайсине и Тетиеве. В этом смысле они были самыми настоящими местечковыми евреями. Мой единственный брат (1933 г. рождения) родился в Крыму, в Евпатории. Видимо, жизнь в Крыму тогда была непростой, и родители вскоре переехали в Баку.

Сразу о своем имени, его историю мне рассказала мама. У нее была любимая подруга, армянка, у которой родился на полгода раньше, чем я, сын. Мальчика назвали Гарик. Маме он очень нравился, и она договорилась с папой, что если родится мальчик, они его тоже так назовут. Папа был не против. Когда я появился на свет, меня назвали Гариком. Но когда родители пришли в ЗАГС меня регистрировать, инспектор стала всячески их отговаривать от этого имени. Главный аргумент был такой: пока мальчик маленький, это имя звучит нормально, но когда он вырастет, его будут называть Гарик Ефимович. Хорошо ли это будет для него? Родители растерялись, и она им предложила модное в то время имя Гарольд (Гарольд Ллойд и пр.), при этом она их убедила, что сочета-

ние «Гарольд Ефимович» очень звучное и красивое. Так я стал обладателем этого имени. Естественно, дома меня все всегда звали Гариком, и сейчас брат зовет так же.

Справедливости ради скажу, что мне до самого зрелого возраста взрослое имя мое не нравилось, равно как и детское (потом смирился). Когда я поступил в университет, то назвался Игорем (одного из моих товарищей по двору звали именно так). И те, кто учился со мной и все еще живы, до сих пор так меня и зовут, а когда по телевидению и радио слышат подлинное имя, страшно удивляются, даже звонят и говорят об этом. Кстати, мое трудное и мало привычное имя «Гарольд» очень легко научились менять школьники. Первые четыре года после университета я учительствовал в школе, преподавал историю, и дети меня звали «Король Ефимыч». Похоже, я для них действительно был королем: ходил с ними в турпоходы, играл в шахматы, баскетбол, настольный теннис, вел хор, конечно, исторический кружок и делал много всякого другого, поэтому авторитет был непререкаемым, и учились дети хорошо, а про дисциплину и говорить не приходилось. Такова история моего имени.

Теперь о родителях. Папа, несмотря на то что имел только среднее образование (10 классов) и «инвалидность пятой группы» (это означает пятую графу в анкете – национальность), быстро продвигался по служебной лестнице, стал сначала старшим, а затем и главным бухгалтером на заводе Паркоммуны в Баку. Видимо, он был способным специалистом, вводил механизацию в бухучете и еще делал что-то такое, в чем я не разбираюсь.

В 1948 г. семья переехала в Одессу, где вскоре отец стал главным бухгалтером Черноморского пароходства. В Одессе мы прожили всего четыре года, и в 1952 г. переехали на Урал, в Уфу. Причины этого переезда мне рассказал папа незадолго до своей смерти (он умирал мучительно, от рака желудка, и я целое лето просидел у его постели; когда он не чувствовал сильных болей, то кое-что мне рассказывал). Эти причины были связаны с известным «делом врачей», к которому, конечно, он не имел никакого отношения, но был евреем. Когда в Одессе начались эти события, папа был в командировке в Москве и сдавал какой-то отчет о работе пароходства министру финансов Звереву. Тот лично знал отца, очень высоко

его ценил, поскольку он одним из первых в стране вводил механизацию счетного дела (папа даже получал от него конверты с деньгами – персональную министерскую зарплату или надбавку, не знаю, как правильнее сказать). Зверев спросил отца, понимает ли он, что происходит, и как видит для себя лично последствия этого «дела», на что папа ему сказал, что, конечно, все понимает и уверен, что будет снят с работы, как минимум, а возможно, произойдет что-либо похуже... Тогда министр тут же предложил ему написать заявление на имя начальника пароходства с просьбой о разрешении перевода на другую работу, в г. Уфу. В то время там строились очень крупные нефтеперерабатывающие заводы. Министр предложил папе стать главным бухгалтером строительства и эксплуатации одного из них с получением в течение двух месяцев квартиры и последующим переездом туда семьи. Папа, не раздумывая, согласился, министр подписал его заявление и послал его правительственной телеграммой в Одессу. На следующий день папа вылетел из Москвы в Уфу, принял завод, а через 2 месяца приехал в Одессу за нами.

Мама всю жизнь, вплоть до пенсии, проработала машинисткой – сначала рядовой, а последние лет 15 – начальником машбюро. Когда-то это была очень нужная и популярная профессия, впрочем, она давно исчезла. Особенно ценились грамотные машинистки, за них всегда шла борьба. Мама была очень грамотной и, насколько я помню, пользовалась большим уважением в коллективе.

Где прошли твои школьные годы? Чем запомнилось тебе то время? Каковы были твои интересы?

Учился я в школах Баку, Одессы и Уфы, причем в каждом городе занимался одновременно в двух школах – обычной и музыкальной, по классу скрипки. В Уфе, закончив музыкальную семилетку, параллельно с общеобразовательной школой я учился и в музучилище. Летом, в каникулы, работал скрипачом в оркестре кинотеатра «Победа». Помнишь советские кинотеатры 1950–1960-х гг. в крупных городах, где в течение получаса перед вечерними сеансами оркестры исполняли популярную музыку? От работы в оркестре я получал большое удовольствие и осваивал практику игры «с листа». Потом она меня сильно выручила, когда я после окончания школы и учи-

лища в 1955 г. приехал в Свердловск, чтобы поступать в университет и консерваторию одновременно. Через год, обучаясь в университете на истфаке и бросив учебу в консерватории после первого семестра (совмещать то и другое оказалось невозможно), я устроился работать в эстрадно-симфонический оркестр, победив в конкуренции с более сильными по технике скрипачами за счет именно навыков игры «с листа».

Школьный период жизни оказался крайне важным для меня. Учеба в двух школах, любовь к спорту, особенно к баскетболу и шахматам, заставили меня ценить время и рационально использовать его. Думаю, что первые в социологии мои научные страсть и интерес – сначала к свободному времени, а затем и к социальному времени – коренятся в школьном детстве. Я буквально кожей чувствовал время, без часов на руке днем определял время с точностью до 10–15 минут, а ночью – до 30 минут (специально многократно проверял). Мои школы – общеобразовательная и музыкальная, а потом и музучилище – как правило, находились далеко друг от друга, что усложняло и без того непростую жизнь. А ведь, помимо уроков в них, нужно было дома играть на скрипке часа по 2–3 в день и еще выполнять школьные домашние задания. Пишу обо всем этом, вспоминаю и думаю: неужели сейчас я выдержал бы такой напряженный ритм? Была же еще масса и других интересов: книги (которые я безумно любил читать и поглощал их залпом), баскетбол (за который мне изрядно доставалось от родителей и от педагогов по скрипке, руки-то грубели от мяча), шахматные турниры, из которых я не вылезал (в десятом классе у меня был первый разряд, что по тем временам встречалось нечасто)... В 8-м классе появилась первая любовь. До сих пор помню Маринку Корсунскую, которой я предложил дружбу, она сразу согласилась, а потом мы смотреть боялись друг на друга, так все это было трепетно.

Дважды школа была для меня настоящей школой жизни: первый раз, когда учился в ней, а второй – когда после окончания университета четыре года работал учителем истории. Вообще, о школе могу говорить бесконечно, боюсь только, все это займет слишком много места.

Совсем не затронул вопрос об учителях. Очень коротко: своих учителей в Баку (с 1-го по 4-й класс) и Одессе (с 5-го по 7-й класс) совсем не помню, никого. Зато учителей уфим-

ской, точнее, черниковской школы № 26 (Черниковск – это был промышленный город, по существу район Уфы в 20 км от нее, сейчас это просто Орджоникидзевский район Уфы) помню прекрасно, а с одним из них дружил после школы лет 15, до самой его смерти.

Недавно в моем интервью Елене Рождественской, известному специалисту в области биографического анализа, я достаточно подробно рассказал о своей жизни. Мне кажется, она очень точно, с пониманием многих нюансов коснулась еврейской темы. Я повторю её вопрос: «В какой момент к тебе пришло осознание своей этничности? Это было семейной культурой? Тебе об этом напомнили? Какие истории у тебя связаны в юности с этим сюжетом?»

Это, действительно, важные вопросы. Раньше мы от них старались уходить или, по крайней мере, не акцентировать внимание. Но всему приходит свое время, и для каждого – тоже, если такие вопросы так или иначе его касаются. Меня – касаются. Я ведь родился и жил, вплоть до окончания школы и поступления в университет, в чисто еврейской семье. Родители, бабушки, дедушки, тети, дяди – все были, как говорят, чистокровными евреями. Дома часто говорили на еврейском языке, на идише. Я до сих пор помню многие фразы, слова, пословицы на этом языке. Иногда даже, если они касаются существа обсуждаемого вопроса и вдобавок остроумны, не стесняюсь произнести их вслух на еврейском, перевести на русский и тем самым сказать людям, которые не знают о моем еврейском происхождении, что я еврей. Несмотря на то что дома родители иногда говорили на идише, особенно когда была жива бабушка – мамина мама (она много лет была с нами), основным языком, конечно, был русский. У родителей он был чистейшим и «интеллигентным», я бы так выразился. Нам с братом в этом смысле досталось хорошее наследство.

Так вот, дома часто обсуждали проблему еврейства в СССР: кого-то уволили, кого-то не взяли на работу из-за «инвалидности пятой группы», кто-то не поступил в институт, кого-то не приняли в партию из-за ограниченной разрядки по позиции «национальная принадлежность» (что впоследствии коснулось и меня) и т. д. Это были очень болезненные вопросы, и когда обсуждалось мое будущее (какое и где полу-

чать высшее образование), всегда присутствовал тот самый пресловутый «пятый пункт».

Как известно, антисемитизм в обществе был широко распространен, и его проявления на самых разных уровнях были весьма многообразны. Так что осознание собственной этничности пришло ко мне достаточно рано, в школьные годы. Родители мне все время говорили, что я должен знать, уметь, делать все чуть-чуть лучше, чем мои сверстники, чтобы добиваться результата и не чувствовать своей «ущербности». Но последняя, так или иначе, время от времени напоминала о себе в отношениях с определенной категорией людей, о чем сейчас даже вспоминать не хочется. Однако это уже было в период «взрослости». В школе же все было хорошо, и я не чувствовал никакого предвзятого отношения к себе. Это было одной из причин, по которой у меня сохранились самые теплые воспоминания о школе, особенно в годы жизни в Уфе.

О некоторых вещах, связанных с «национальным вопросом», я дальше немного скажу, поскольку это касалось поступления и в университет, и в аспирантуру, и дальнейшего прохождения по ступенькам карьеры, вплоть до 1993 г., когда переход к постсоветской эпохе должен был, казалось, положить конец старому. И хотя ситуация, о которой я сейчас вспомнил, отвечая на поставленный вопрос, несколько опережает хронологию моего жизненного пути, все же я ее опишу – хотя бы просто потому, что боюсь забыть о ней.

А ситуация в том 1993 г. оказалась следующей. Я заведовал в Уральском государственном профессионально-педагогическом университете кафедрой социологии, был доктором философских наук, профессором, много и успешно публиковался, под моим руководством активно защищались аспиранты. Кафедра была большая и считалась процветающей (к концу 1990-х на ней работало 30 человек, из них 7 докторов наук, остальные были кандидаты, причем значительная часть – мои личные ученики). И вот однажды меня приглашает ректор и предлагает мне должность проректора по международным связям. Я оцепенел, остолбенел и, по-моему, лишился дара речи. Наконец, я ему задал глупый вопрос: а вы знаете, что я еврей? (Конечно же, он все знал). Он расхохотался и сказал мне следующее: а вы думаете, что я предложил бы вам эту должность, если бы не поставил в известность о вашей на-

циональности министра, губернатора (и еще кого-то – сейчас не вспомню) и не заручился их согласием?

Пришлось ли тебе в школе встретить учителя, который на долгие годы стал тебе другом? Ведь и такое случается...

Да, такой учитель у меня был. Его звали Николай Иванович Дьячков. Когда мы переехали из Одессы в Уфу, я попал в 7-й класс средней школы, где учителем русского языка и литературы и классным руководителем был как раз Н. И. Дьячков. Прекрасно помню высокого полнеющего молодого педагога, очень солидно державшегося и говорившего глубоким бархатным баритоном. У него была нетипичная для того времени манера называть всех учеников по имени и на «Вы». Тем самым он показывал свое уважительное отношение к личности учащегося. Это было вообще его кредо – видеть в каждом Человека и Личность, что вовсе не значит, будто он проявлял какую-то особую мягкость и излишнюю гуманность (если таковая вообще может быть).

Он был требовательным педагогом, но никогда не придирался по пустякам. И еще: он умел прощать ребятам их «прегрешения». Что интересно: у него единственного не было клички (в сравнении с другими учителями), несмотря на молодость. Николай Иванович прекрасно знал свой предмет, замечательно читал стихи, причем много по памяти (особенно хорош был «Евгений Онегин», которого он помнил целыми главами). В те годы было принято регулярно и часто писать сочинения на заданные, а у него еще и на свободные, темы. Думаю, что своему умению писать во многом я обязан не только гигантскому количеству прочитанных в детстве и юности книг, но и уфимской школе и лично Николаю Ивановичу, который учил нас этому искусству. Именно так я определяю умение писать сочинения.

Но дело не только в этом. Он, действительно, прививал нам любовь к искусству и литературе. Каждое лето на оба месяца учительского отпуска он уезжал в Москву или Ленинград, где ходил по музеям и театрам, привозил репродукции (тогда это была большая редкость), а в течение учебного года на уроках и после них рассказывал о писателях, композиторах и художниках, сопровождая все это демонстрацией репро-

дукций. Это были настоящие уроки культуры. С ним можно было разговаривать на любые темы, доверять тайны и даже советоваться по «личным» вопросам.

После окончания школы и поступления в университет, во время приезда домой – из Свердловска в Уфу – в дни зимних и летних каникул не припомню ни одних, когда бы я не приходил к Николаю Ивановичу. И тогда начиналось самое любимое – длительные прогулки и беседы на самые разные темы: об учебе, о школе и университете, о будущем, об интересах, о товарищах школьных и университетских... Он знал все про своих учеников: кто, где и как учится, с кем дружит, чем занимается, приходит ли в школу после ее окончания.

Спустя несколько лет после завершения мною учебы в университете, когда он работал уже не в школе, а был зав. районо, и я к нему постоянно приходил во время приезда в Уфу, он находил время для прогулок. Иногда я ждал окончания его рабочего дня, а иногда, бывало, даже днем мы с ним уходили гулять в парк. Я ведь после окончания университета два года учительствовал в Уфе, и тогда наши встречи были очень частыми. А потом, когда я уехал в Свердловск, мы встречались все реже и реже.

Он был первым, кому я сказал, что хотел бы заниматься социологией. Его очень интересовал предмет и возможности этой науки, но уровень моей компетентности в ответах на задаваемые им вопросы оставлял желать много лучшего. Он расстраивался из-за этого и просил меня к следующей встрече что-нибудь дополнительно почитать. Увы, эти возможности были весьма ограниченными в то время. Думаю, тогда я не оправдывал его надежд.

А после моей защиты кандидатской диссертации в 1965 г. Н. И. был первым (после мамы и брата, отца уже не было в живых), к кому я прибежал после приезда в отпуск поделиться радостью. И мы много в тот раз говорили о будущем – моем, общества, нашей науки. Он спрашивал меня, чем буду заниматься, что собираюсь изучать. А потом, когда я приехал через год в Уфу, его уже не было в живых – он умер от какой-то болезни почек, умер совсем не старым человеком. Я думаю, что его вклад в мое гуманитарное и педагогическое становление и развитие был очень большим.

Не могу не сказать еще об одном нашем педагоге – учительнице английского языка Асе Марковне Лившиц. Вот уж точно через нее любовь к английскому языку стала «константой» всей моей последующей жизни. Многие из нас были буквально влюблены в эту молодую, красивую, умную, с великолепным чувством юмора женщину. Похоже, что и Николай Иванович тоже – по крайней мере, так нам казалось. Но она была «другому отдана». Уроки английского были едва ли не самыми желанными, однако их было всего два в неделю.

Интересно узнать, какие пути-дороги избрали твои школьные друзья. Давно все это было, но какие-либо связи вы поддерживали после окончания школы?

Да, конечно, товарищей было много. Первые годы после окончания школы и даже университета мы встречались, когда я приезжал в Уфу. Я хорошо помню школьные вечера-встречи с нами – выпускниками 1955 г. Особенно тепло отмечали пятилетие выпуска, многие ребята приехали из разных городов и весей. Потом как-то все стало «улетучиваться»: перешли в другие школы многие наши учителя, и интерес к нашей школе как месту встречи начал постепенно угасать. Встречи со многими приятелями стали происходить все реже и реже.

Но были двое, с которыми они, хотя и крайне редко, происходили до недавнего времени. Причем один из них учился в нашей школе, а второй – в другой, недалеко от нее. Я имею в виду двух братьев-погодков Маканиных: Геннадия (просто Генку в школьные времена) и Владимира (Володю).

Мы были с Геной ровесниками, а Володя старше нас на год. Соответственно и школу он кончил на год раньше (с золотой медалью), причем сразу поступил на матмех МГУ. Тогда это было неслыханно: из глухой провинции, из ничем не примечательной школы, из провинциального Черниковска поступить в МГУ считалось подвигом и знаком отличия учебного заведения на многие годы. А через год такой же подвиг совершил Гена, поступив туда же, на тот же факультет. Надо сказать, что братья были очень близки всю жизнь и всегда младшему помогал старший, тем более что большую часть жизни Гена болел (почками, одну из которых ему удалили, а вторая практически не работала: значительную часть жизни

жить на гемодиализе – три раза в неделю десятилетиями – это, мне кажется, почти невозможно).

Теперь пора о них и обо мне в связи с ними сказать чуть больше. Нас несколько школьных лет объединяла одна страсть – шахматы. Мы играли запоем, устраивали между собой блиц-турниры, изучали теорию на серьезном уровне (ведь все мы были перворазрядниками, Володя потом стал кандидатом в мастера спорта). В те годы имели первый разряд очень немногие шахматисты, а уж выше поднимались вообще единицы. Володя играл чуть лучше нас. Когда он принимал участие в финале первенства Башкирии по шахматам, мы с Геной постоянно ездили вместе с ним, «болели» за него, помогали анализировать отложенные партии, бесконечно радовались его победам.

В последующей жизни шахматы мне очень помогли. Будучи студентом университета, я читал публичные лекции «Советская шахматная школа в борьбе за мировое первенство», а потом давал сеансы одновременной игры. Благодаря этому я объездил всю Свердловскую область, увидел много новых для себя интересных мест, получил богатую практику общения с людьми. Заодно зарабатывал и неплохие деньги, что для студенческого бюджета было совсем не лишне. Это позволяло мне не пропускать ни одного фильма, ни одного театрального спектакля, ни одного концерта в филармонии с участием известных солистов. А когда после окончания университета я уехал в Уфу учительствовать, то совмещал работу в школе с тренерской работой в Доме пионеров – руководил шахматным кружком. С гордостью могу сказать, что за короткий срок этой работы воспитал чемпионку Башкирии по шахматам среди девушек.

Нередко увлечение шахматами, вообще спортом, люди сохраняют надолго, на всю жизнь. Ты – из таких?

Думаю, что да. Шахматы, как и в целом спорт (а я еще занимался легкой атлетикой – бегал спринт – и баскетболом) были заметной частью жизни вплоть до 45–50 лет. Работая в пединституте, я принимал участие в шахматных турнирах не только институтского, но и городского масштаба, выступал за команду вуза на первенстве города на одной из первых досок (правда, без большого успеха).

Лет до 35 я ходил на тренировки по баскетболу вместе со студентами, причем сразу после лекций и в этом же здании: лекции читались на 4-м этаже, а тренировки проходили на 1-м этаже в спортзале. Студенты меня даже заявили в команду института на первенство города среди вузов. Но на это я, естественно, не сподобился, представив на минуту, как я буду на площадке среди молодых ребят «сверкать лысиной». А спустя лет десять, уже ближе к 45–50, у нас организовалось неформальное сообщество знавших друг друга товарищей, человек десять, и мы ходили во Дворец молодежи, где играли сначала в футбол и баскетбол, а потом плавали в бассейне. И так каждую неделю по понедельникам и четвергам с 18.00 до 21.00 на протяжении лет пяти. Увы, все это теперь в прошлом. Так и хочется сказать словами поэта: были когда-то и мы рысаками...

Теперь только зарядка по утрам, правда, интенсивная. Дома у меня стоит тренажер, и я активно его использую. А от прежних увлечений осталась любовь к быстрой ходьбе, путешествиям и прогулкам.

Однако я хотел бы вернуться к своим товарищам – Гене и Володе Маканиным. Впоследствии первый стал очень крупным математиком, в честь которого проводились международные конгрессы. Я видел программу такого конгресса в Вене (вероятно, это было в начале 1990-х гг.), где из семи докладов четыре делал сам Г. Маканин, а остальные три – ученые из других стран, но по его проблематике. Что касается второго – Володи, то он стал очень крупным писателем не только европейского, но и мирового масштаба. Его книги переведены на десятки языков и изданы большими тиражами, сам он является обладателем нескольких очень престижных премий – Букера, Большой книги и других. Иногда мне кажется, что за границей его читают и знают больше и лучше, чем у нас в стране. Но, возможно, я ошибаюсь.

Дома у меня в книжном шкафу стоит несколько подаренных им книг с теплыми дарственными надписями. Он, действительно, очень крупный отечественный писатель. 13 марта 2017 г. ему исполнилось 80 лет. А в ноябре 2017 г. он умер после тяжелой болезни и был похоронен на сельском кладбище в Ростовской области.

Не буду рассказывать о его жизненном пути и написанных книгах, все есть в Интернете. Мы очень редко с ним встречались, последний раз лет семь назад в Питере на международной конференции, которая проводилась в Гуманитарном университете профсоюзов. Мы были оба туда приглашены, заранее не зная об этом, тем более о том, что встретимся. Поэтому встреча оказалась абсолютно случайной и неожиданной. Не знаю, как Володя, но я был ей бесконечно рад. Думаю, что ему тоже было приятно увидеться с товарищем из детства и юности. Много общались, вспоминали о друзьях, говорили о Гене, его здоровье, пили коньяк, гуляли по набережной Невы... В память о той встрече у меня сохранилась замечательная фотография: мы вдвоем стоим на набережной, опираясь на парапет.

А до этой питерской встречи виделись в Москве у Гены дома, правда, тоже очень редко. Когда я приезжал в Москву в командировку и приходил к Гене, как правило без звонка, на правах старого товарища, тот звонил Володе и говорил о моем приезде. Если Володя был в Москве, он приходил, и мы весь вечер «резались» в шахматы, за игрой разговаривая о самых разных вещах. Первое время это было просто, потому что они оба жили в одном подъезде дома рядом с метро «Юго-Западная». А потом Володя получил квартиру на Фрунзенской набережной (если я ничего не путаю). Он ее не очень любил и большую часть времени проводил на даче, где и работал. В последние годы, насколько мне известно, он переехал жить в Ростовскую область и поселился в сельской местности.

Но пора рассказать о Гене, все-таки вместе учился я с ним, а не с Володей. Я бы осмелился сказать, что в своей области деятельности Гена известен не намного меньше, чем Володя среди читателей художественной литературы. Как я уже говорил, он – очень крупный и очень известный математик, специалист в области математической логики, уравнений в свободной полугруппе и свободной группе. В 2010 г. он получил одну из самых престижных в отечественной математике премию им. Виноградова (премия РАН) за цикл работ 1977–1984 гг.

В свое время мы с ним обсуждали событие первой нашей публикации: у обоих оно состоялось в 1964 г. В то время, если я не ошибаюсь, он начал заниматься проблемой кос, их со-

пряженности. Когда он мне назвал эту тему, я спросил его, что это такое и кому это нужно. А он предложил мне представить переплетенные женские косы. Я, понятно, мало что понял – зачем это делать? И что это может дать людям? Он ответил, что точно не знает для чего, но задача такая в математике есть, и ее нужно решить. Возможно, это пригодится при создании космических систем, когда в космосе будут создаваться различные комплексы, нуждающиеся в особых типах сверхпрочных материалов. Возможно, по его мнению, и иное предназначение решения таких задач. И вообще, сказал он в конце разговора, дело математиков – решать задачи математического характера, а задачи иного характера пусть решают другие люди. Как тут не вспомнить О. Конта и его пирамиду наук! Но тогда я Гене об этом не говорил точно. Скорее всего, потому, что не знал толком творчества О. Конта.

Мои респонденты, которые немного старше тебя, помнят свои первые впечатления о смерти Сталина. Что у тебя по этому поводу сохранилось в памяти?

Я думаю, что мои воспоминания о смерти Сталина мало отличаются от воспоминаний моих сверстников. Тогда я учился в 8-м классе. В день смерти Сталина всех нас – учащихся второй смены школы – построили в зале. Учителя плакали, директриса тоже. Сквозь слезы она объявила нам о его смерти и сказала, что мы теперь должны еще лучше учиться и это будет ему лучшей памятью. Хорошо помню, что я не плакал, а просто стоял и смотрел. Девчонки плакали все, мальчишки – почти никто. А потом мы даже об этом и не говорили. Были другие интересы и занятия. Но в этот день мы никуда не ходили. Дома мама спрашивала отца, что же теперь будет с нами. Их разговора на эту тему я не помню, скорее всего, даже не слышал. Все последующие разговоры о Сталине и обсуждения были уже в университете, куда я поступил в 1955 г.

Есть два повода задать тебе следующий непростой вопрос. Первый повод – это наш возраст, когда позади уже много, и мы произвольно и непроизвольно обращаемся мыслями к нашему прошлому. Второй повод – наш интерес к пониманию механизмов, природы социологического твор-

чества. Из нашей переписки ты знаешь, что в последние несколько лет меня интересует вопрос о «биографичности» социологического творчества, т. е. присутствия в нем (у одних больше, у других – меньше) «следов» даже детской и юношеской социализации. Согласен ли ты с такой постановкой? В чем ты усматриваешь связь твоей социологической деятельности с особенностями твоего развития в те далекие годы?

Это, действительно, очень непростой вопрос. Скажу честно, я к нему оказался не готов. Он меня, выражаясь фигурально, застал врасплох. Мне очень трудно найти в следах, даже «остатках и осадках» (по Парето) детской и юношеской социализации то, что связано с механизмами и природой социологического творчества. Было ли в моей биографии на ее раннем этапе что-то такое, что потом превратилось в интерес к социологии? Если бы ты меня спросил о музыке, пристрастии к ней в первые годы жизни, я бы мог тебе на этот счет привести мамины воспоминания. Она рассказывала, что когда мне было что-то около трех лет, я любил садиться за стол и изображать пальцами обеих рук игру на фортепиано, напевая при этом известную мне музыку (песни, арии из опер). Что же касается социологии... Не знаю, разве что общий гуманитарный склад ума, умение четко формулировать какие-то положения, радость, извлекаемая из изложения мыслей устно и особенно на бумаге. Еще раз скажу – трудный для ответа вопрос.

Выше ты упомянул своего брата. У вас большая разница в возрасте? Его тоже тянуло к музыке? Он тоже рано увлекся историей? Какой профессиональный путь он избрал?

Мой брат старше меня на 5,5 лет. Он давно уже не работает, на пенсии. Живет в Уфе. По профессии – инженер-строитель. Так что в профессиональном плане нас ничто не сближает. Гуманитаристика его не привлекает, музыка – тоже. Но родной брат есть родной брат, тем более единственный. И этим все сказано. В детстве, конечно, как старший брат, он оказывал на меня влияние, хотя бы своей подготовкой к школьным урокам. Она была у меня на глазах и на слуху. Когда я пошел в школу, он уже учился в 6-м классе. Естественно, все,

что он учил вслух, становилось достоянием моей памяти (в детстве она была у меня неплохая). Это облегчало процесс обучения, хотя учиться мне было и так не трудно, по крайней мере в области гуманитарного знания. С математикой и физикой было похуже. Но когда я дошел до 6–7-го и тем более до старших классов, его уже не было ни в Одессе, ни потом в Уфе, поскольку он уехал учиться в инженерно-строительный институт в Куйбышев (сейчас Самара). Так что помочь мне он уже не мог. Но особенно я в этом и не нуждался. В последние годы вижусь с братом редко, и это очень плохо. До 2012 г. я регулярно приезжал в Уфу, был членом диссертационного совета по социологическим наукам в авиационно-техническом университете. Но в 2012 г. я вышел из его состава. Потом совет закрыли, и частые поездки в Уфу прекратились. Раз в год, как минимум, я навещаю его, но по сравнению с тем, что было, это, конечно, мало. В Уфе у меня ведь не только живые брат с женой, но и могилы родителей.

Ты жил в Уфе, крупном промышленном городе, и был бы естественным твой выбор какой-либо технической профессии; откуда такой высокий интерес к истории, что ты даже решил поступать на исторический факультет? Как тебе виделась тогда твоя будущая работа?

Мой выбор профессии никак не был связан с особенностями города, его промышленно-техническим профилем. Я изначально был предрасположен к гуманитарному, точнее социогуманитарному знанию. Не могу сказать, что безумно любил историю, скорее отдавал предпочтение литературе, очень интересовался географией (экономической). Сейчас, по прошествии почти 60 лет, думаю, что главным был интерес к социальной и даже к политической проблематике.

Кроме того, я ведь был еще и музыкантом по профессии. Главный выбор был между университетом и консерваторией. Тогда, а мне еще не было и семнадцати (я поступал в вуз за несколько месяцев до этого возраста), я понял, что приличного скрипача из меня не получится, и, даже закончив консерваторию, я буду сидеть в оркестровой яме, чего мне очень не хотелось. И выбор был сделан в пользу университета. Дома мне пришлось выдержать настоящий бой с отцом, который был категорически против гуманитарного образования и нас-

таивал на том, чтобы я, во-первых, не уезжал из Уфы, а во-вторых, поступал в нефтяной институт. Поскольку он был главбухом крупнейшего нефтеперерабатывающего завода, у него были тесные связи с руководством этого вуза, которому завод помогал, брал на практику студентов, выпускников и т. д. Папа гарантировал мне поступление в этот институт, при этом он не был уверен в том, что в Свердловске я поступлю в университет. Конкурсы были очень большие. На истфак, когда я поступал, конкурс составлял 12 человек на место, а проходной бал оказался предельно высоким – 25, мы сдавали 5 экзаменов. Кроме того, был еще один работавший против моей поездки в Свердловск аргумент; я был евреем, на истфаке в те годы – явление не частое. Папа меня об этом предупреждал, и здесь он чуть было не оказался прав: при поступлении, точнее при сдаче экзамена, я впервые столкнулся с откровенным антисемитизмом, чего потом в моей жизни, к счастью, было не так много. Я сдавал последний экзамен по географии, до этого у меня были четыре пятерки. Отвечал я на «отлично», что отметил преподаватель. Он сказал, что ответ абсолютно пятерочный, открыл экзаменационный лист, чтобы поставить оценку, прочел вслух фамилию, имя и отчество, посмотрел на меня и спросил, кто я по национальности. Естественно, я мог соврать, но не стал этого делать, и сказал как есть. И в ответ услышал: «Тогда я вас буду спрашивать еще». Он мне задал очень много вопросов, сложных, рассчитанных на знание каких-то мелких фактов. Я удивляюсь до сих пор, что ответил на все его вопросы. Конечно, он мог поставить мне любой балл, ведь контроля не было никакого. И для меня было просто удивительно, что длившаяся целый час экзекуция завершилась все-таки отличной оценкой. Так я оказался студентом истфака.

Но на этом я не успокоился, мне хотелось узнать что-нибудь конкретное про консерваторию, про класс скрипки. И тут произошло то, что, по-моему, в советские годы по определению произойти не могло. В приемной комиссии меня тщательно выспросили обо всем. Оказалось, что по классу скрипки в консерватории в том году был недобор. Меня отвели в учебный класс, вызвали какого-то преподавателя, дали инструмент, время (где-то около часа) на его «освоение» и попросили в присутствии педагога что-нибудь сыграть.

Я сыграл первую часть концерта Мендельсона, по-моему даже не до конца. Они меня прервали, пошушукались, попросили посидеть в классе и не уходить никуда. Потом пришли и предложили мне забрать документы из университета и стать студентом 1-го курса консерватории. Я сказал, что документы забирать не буду. Потом они еще куда-то ходили, попросили снять у нотариуса копии моих документов, которые в университете мне не хотели давать. Потом звонили из консерватории в университет. В общем, была целая история, результатом которой оказалось зачисление меня на первый курс консерватории, правда без стипендии.

Так я стал студентом двух вузов. Но, как говорят, недолго музыка играла, а в этом случае не только в переносном, но и в прямом смысле слова. К концу семестра я понял, что не сумею так учиться. Времени катастрофически не хватало, на скрипке, которую я привез из дома (после поступления я уехал домой до 1 сентября), нужно было играть по 6 часов в день. Это было практически невозможно. До сих пор помню, я учился в классе проф. Затуловского, что мне дали в качестве программной вещи «Вечное движение» Паганини – произведение сложнейшее для студента первого курса. Оно оказалось для меня неподъемным, так что из консерватории я ушел.

Что касается моих представлений о будущей работе именно в тот период, когда я поступал, то, насколько я помню, они были очень неопределенными и размытыми. Интересовала сама учеба. Четко помню, что о науке, об исторических исследованиях я даже не задумывался. Наиболее вероятной перспективой была профессия учителя истории. И здесь я перейду сразу к ответу на следующий вопрос.

В студенческие годы какие области истории тебя особенно привлекали? Повезло ли тебе с преподавателями? Мне кажется, что в годы твоего студенчества история была очень идеологизирована, не так ли?

Ни одна из областей истории не вызывала у меня особого интереса. Его вызывали, скорее, отдельные преподаватели. Среди них я бы выделил в первую очередь выдающегося византиниста профессора М. Я. Сюзюмова, который свободно владел шестью иностранными языками, перевел целый ряд важнейших источников, касавшихся экономической жизни

Византии во времена Юстиниана, Феодоры и других. Вот уж кто был напичкан знаниями. Его можно было слушать бесконечно, хотя он не был оратором. Говорил тихо, повторяя многие фразы и трясая при этом головой. Любили его слушать не многие. Он читал лекции в длинной аудитории (студенты ее называли «кишкой»), кто хотел слушать, садились за первые столы. Остальные могли играть в шахматы, в карты, болтать, вязать, делать что угодно, он ни на кого не обращал внимания. Иногда он мог перейти с русского на латынь или греческий, и когда студенты ему робко говорили о том, что им непонятно, он обычно отвечал, что «вы все равно ничего не поймете». Потом Сюзюмов пригласил меня к себе в аспирантуру, но я уже сделал другой выбор – в пользу социологии (1963 г.).

Могу отметить смешной эпизод, связанный в моей жизни с его именем. Когда в апреле 1965 г. я защищал кандидатскую диссертацию в Уральском госуниверситете (по критике буржуазной социологии досуга), он был членом диссертационного совета. Тогда в него входили представители многих гуманитарных специальностей, в том числе и историки. Едва на заседании совета началась неофициальная часть дискуссии по моей диссертации, он первым попросил слова, что вызвало у членов совета удивление: что Сюзюмов понимает в социологии вообще, в зарубежной – в особенности? Еще больше удивления и настороженности вызвала его первая фраза, которую я хорошо запомнил: «Мне очень жаль, что мой уважаемый ученик пошел по неправильному пути». Все, а я первый, ожидали услышать анализ и критику работы. Но вместо этого он стал говорить о том, что неправильный путь – это выбор социологической, а не исторической темы, а затем в течение нескольких минут, уже под улыбки, а затем и откровенный смех, говорил о том, какой бы из меня получился прекрасный ученый-историк.

Если же продолжать разговор о преподавателях, которые оказали на меня самое сильное, если не решающее, влияние в выборе дальнейшего пути, то абсолютно однозначно, не колеблясь ни минуты, должен сказать, что это был Лев Наумович Коган. Он преподавал у нас и диамат, и истмат, и историю философии. Лекции читал он просто великолепно. В них и в него самого мы все были просто влюблены (о его роли в моей жизни я еще скажу дальше). И хотя это были

лекции по философии, а не по социологии (тогда, в 1956–1959 гг., этого слова мы даже не знали), сам его подход к анализу общественных явлений и процессов был по духу своему скорее социологическим. Конечно, вряд ли тогда это осознавалось в полной мере даже им самим. Я бы сказал, что лекции Когана были не просто содержательными и очень четкими по позициям, но эффектными, яркими, даже красивыми. Те, кто слушал его и знал манеру его выступлений, помнят, каким он был блестящим оратором.

И здесь нужно специально остановиться на вопросе об идеологизированности учебного процесса. Конечно, это так. Даже у Сюзюмова на первом месте стояло знание Маркса. Помню, что на втором курсе писал у него курсовую на тему «Суд над Яном Гусом на Констанцском соборе». Работа писалась мной исключительно на латинских, немецких и чешских источниках, которые я сам же и переводил. Сюзюмов очень высоко оценил работу, отметил ее исследовательский характер, но поставил четверку, а не пятерку, – за то, что я не использовал «Хронологические выписки» Маркса, в которых у последнего содержались оценки гуситского движения. Конечно же, не могло не быть идеологизированным и преподавание Л. Н. Когана.

Это было время, когда любая лекция и любая статья (не говоря уже о книгах) начиналась и завершалась ссылками на партийные документы, работы Маркса, Энгельса, Ленина и до 1956 г. – Сталина. Идеологизированными были не только история, но и все остальные предметы (исключая разве что математику, но нам ее не преподавали: а может быть, и в ней что-то находили?).

Вбито в голову все было очень сильно, если сравнивать с гвоздем, то по самую шляпку. Поэтому избавление от этого впоследствии было тяжелым и мучительным для очень многих. Для себя не делаю исключения. Но мне было, как мне кажется, чуть легче, чем другим. Это было связано с тем, что, начиная с 1963 г., я стал читать зарубежную социологическую литературу. Преподавание философии в вузе и научная работа в области социологии, начавшиеся синхронно с осени этого года, постепенно стали менять мои идеологические представления.

Как я понял, твой дом был в Уфе, а учился ты в Свердловске. Ты жил в общежитии или снимал комнату? Тогда мы не знали слова «тусовка», но где-то и как-то вы тусовались? Пожалуйста, расскажи о твоих друзьях той поры.

С общежитием в университете в те годы были большие проблемы. Студентов было много, а мест в двух общежитиях – мало. Комнаты были очень густонаселенными. В одном из общежитий, которое занимало два верхних этажа в шестиэтажном учебном корпусе, в комнатах проживало от 20 до 40 человек. Жили в них только девочки. Рядом находился спортзал. В другом общежитии комнаты были поменьше, но тоже достаточно большие. Попасть в комнату, где жило 8 человек, считалось верхом счастья. Первокурсникам, за редким исключением (сиротам, очень бедным), общежития не давали. Мы жили на частных квартирах, в неблагоустроенных домах. До сих пор помню свою первую такую квартиру, находившуюся в доме в переулке Окопном. Название-то какое колоритное! В доме было постоянно холодно. Полы были гнилые, из-под половиц хлюпала вода. Сидели постоянно в валенках, спали часто в одежде. Хоть хозяйка топила печь регулярно, но все выветривалось. В начале второго курса я сильно заболел, высокая температура не спадала несколько дней, несмотря на лекарства. Ребята испугались за мою жизнь и срочно вызвали отца. Кое-как меня подняли на ноги. После этого папа пошел к проректору по АХЧ, видимо, все рассказал ему в красках. Тот сжалился и дал мне место в общежитии, в той самой комнате на 8 человек, которая казалась если не раем, то дворцом точно.

С моим переселением комната превратилась в шахматный клуб. Дело в том, что в ней жил мой товарищ по истфаку (он был на 2 курса старше) и шахматным баталиям, член сборной университета по шахматам (как и я) Миша Шитиков. Умница, прекрасный специалист по медиевистике, занимался исследованием взглядов и практической деятельности Савонаролы еще в студенческие годы. Потом он стал доктором наук, работал культурным атташе на Кубе в советские времена. Затем вернулся, уже в немолодом возрасте, в Екатеринбург, читал курс истории философии в университете, работал на кафедре философии в Уральском отделении РАН, в Горном

университете преподавал у аспирантов и соискателей философию. К сожалению, недавно его не стало (сердце).

В нашей комнате постоянно устраивались турниры, проигравшие бегали в находившийся неподалеку пивной ларек с общежитским чайником. Жили очень весело, но и серьезно и много работали – как умственно (в читальных залах), так и физически (разгружали сахар, уголь, арбузы – попасть на такие работы было счастьем). Была постоянная связь с товарной станцией, овощебазой. Денег всегда не хватало, стипендия была маленькая, да и получали ее единицы. До сих пор помню, как мы вшестером взялись разгружать вагон с асфальтом за 1 тысячу рублей. Мы недооценили опасность этой работы. Дело в том, что сверху асфальт был рыхлый, и работа вначале шла споро. А внизу асфальт слежался, и его нужно было долбить ломом. В общем, мы проработали всю ночь, вагон до конца не разгрузили, денег нам не дали ни копейки. Но после этой ночи мы сутки отсыпались и приходили в себя.

Сколько помню себя студентом, мы никогда не были днем в общежитии, никогда днем не спали. Найти любого из нас было очень легко: либо в читальных залах истфака и университета, либо в Белинке (это название областной публичной библиотеки). До сих пор она так и называется – библиотека им. Белинского, хотя старое здание уже не является главным, рядом выстроили прекрасное новое здание. А вечером – спортзал, кино, театр, самодеятельность... Да мало ли какие интересы бывали у студентов. Ну и девочки-мальчики, свидания, гуляния – это как положено у нормальных студентов.

Выпускники университетов обычно не идут преподавать в школу. Вы стремились стать учителем истории или так «сложилось»?

Я не соглашусь с такой постановкой вопроса, точнее, его первой части. Университет университету – рознь. МГУ, ЛГУ – да. Выпускники этих вузов в школу направлялись редко, чаще – преподавать в вузы или шли в НИИ. Но провинциальный университет, а именно таким и был Уральский госуниверситет им. Горького (УрГУ), готовил специалистов по большей части для работы в школе. Это вовсе не значит, что так оно и получалось у выпускников. У нас был очень сильный курс, и после нескольких лет обязательной работы в шко-

ле по распределению (причем не только в городской, но и в сельской) многие из школы уходили. Из студентов моего курса человек пять защитили докторские, с десятков – кандидатские диссертации. И у меня не было большого выбора, ибо в аспирантуру брали только после обязательной отработки в школе. Для меня же эта дорога была закрыта по вполне понятной причине – «не той» национальности. Было и еще одно требование – партийность, которая оказывалась также несовместима с первой причиной.

Спустя четыре года после работы учителем истории в школе я попытался поступить в заочную аспирантуру – уже не по истории, а по философии (реально – по непризнанной тогда, в 1963 г., в качестве профессии социологии), но тщетно. Заведующий кафедрой мне намекнул, что, была бы его воля, он взял бы меня, но... Так что мне пришлось идти другим путем.

Поэтому могу сказать, что, с одной стороны, я стремился стать учителем истории, и эта работа мне очень нравилась. Я всегда говорил и повторяю это сейчас: школа была для меня настоящей школой жизни. Я очень многому в ней научился. У меня в школе многое получалось (хотя далеко не все), и из меня со временем мог бы получиться приличный учитель. По крайней мере, знаниями я был напичкан, как хорошая бочка селедкой (сравнение несколько грубоватое, но мне нравится). А именно таких знаний и не хватает (и в то время это было так, и сейчас, как мне кажется, мало что изменилось) многим учителям. И если дети ходили за мной табуном, то это получалось только потому, что им было со мной интересно, что я им много рассказывал из того, чего в учебнике не было, что играл с ними в шахматы, баскетбол, настольный теннис, ходил в турпоходы, руководил хором и т. д. В школу я уходил к 8 ч. утра, а возвращался после 8 вечера, хотя самих уроков было не так много – всего 18 ч. в неделю (это была ставка, за которую платили 68 руб. в месяц).

С другой стороны, то, что я стал учителем истории, оказалось неизбежным следствием существовавшей ситуации – я в принципе больше никем сразу стать тогда не мог. Нужно было поработать в школе – в качестве необходимого первого этапа профессиональной жизни, и только потом искать что-то другое.

Гарольд, или я нечетко сформулировал свой вопрос о «биографичности социологического творчества», или ты слишком быстро сказал: «Мне очень трудно найти в следах, даже “остатках и осадках” (по Парето) детской и юношеской социализации то, что связано с механизмами и природой социологического творчества». Но разве твой ранний интерес к истории и пять лет обучения на историческом факультете не отразились на твоём стремлении к изучению истории социологии, чем ты многие годы успешно занимаешься? Не вынес ли ты из обучения определенные навыки исторических поисков? Нельзя ли рассматривать это направление твоих исследований в той или иной степени как возвращение к «первой любви»?

Если под «первой любовью» (в твоей интерпретации) считать любовь к истории, то, конечно, в такой постановке вопроса ты прав: овладение основами исторической науки в университете, сама методология научного исследования, которая впиталась «в плоть и кровь» формирующегося творческого мышления, безусловно, способствовали в дальнейшем развитию интереса к истории социологической науки. Тем более что меня не интересовала как таковая историческая фактология.

Говорят, что без интереса к фактам нет историка. Не уверен, что это так. Видимо, бывают разные историки и разные интересы, движущие ими. Ведь в социологии тоже имеют место такие различия. Сколько угодно тех социологов, которым интересно собирать эмпирический материал и его определенным образом интерпретировать. Много тех, которые даже не интерпретируют, а просто собирают материал. И гораздо меньше тех, кто выходит на уровень серьезного теоретического обобщения собранных социологических фактов.

Не берусь здесь развивать сравнения между двумя социально-гуманитарными науками, к каждой из которых я имел прямое отношение. Причем не берусь не потому, что не могу это сделать. Просто тот жанр, который избран нами в этой книге, не нуждается в углубленном сравнении двух любимых и близких мне научных дисциплин. Может быть, я когда-нибудь напишу что-то на эту тему, но точно не сейчас. Все же, справедливости ради, я должен сказать, что более близкой по духу, по интересу, по тому, что больше «мое» из этих двух сфер дея-

тельности, является, конечно, социология. А иначе зачем я в нее ушел? Я же имел возможность работать в исторической науке, но абсолютно сознательно отказался от такой перспективы, сохранив при этом к ней самые теплые чувства, однако уже «освобожденные» от любви.

Рискну сравнить, благо мой личный жизненный опыт позволяет мне это сделать: так иногда мужчина уходит от одной женщины к другой, сохранив с первой добрые личные отношения, но не более того. И так же, как жизнь с этой покинутой им женщиной дала ему богатый жизненный опыт, которым он потом воспользовался, так и «жизнь с историей» дала мне крайне много важного и полезного знания, которое потом стало неотъемлемой частью моего социологического бэкграунда.

Однако все дело в том, что в социологии я далеко не сразу стал заниматься историей этой науки, когда мое «историческое» прошлое помогло освоить новые пласты знания. От непосредственного начала занятий социологией (1963) до обращения к ее истории (вторая половина 1980-х) прошло около четверти века. Здесь-то и дали о себе знать мои исторические штудии и накопленные умения работать с источниками. Но должен разочаровать и тебя, и себя – возвращение к «первой любви» не было. А как могло бы «красиво» получиться – не реализовавшийся в исторической науке некто делает попытку вернуться к началу, к истокам полученного им научного знания спустя энное количество лет, но уже с помощью другой науки – социологической.

Скажу сразу и коротко здесь (а далее в соответствующих разделах постараюсь развить эту мысль): в своем научном творчестве я лишь один раз возвращался (и продолжаю делать это сейчас) к первой любви. Ею была проблема времени. И появилась она – любовь к этой проблеме – как раз в 1963 г. (хотя ее предпосылки сложились гораздо раньше, о чем я тоже буду говорить). А при каких обстоятельствах, благодаря чему это возвращение к первой любви состоялось – предмет специального, нового и позднего «объяснения в любви».

Я с родителями

Мой старший брат Давид

Школа № 26 г. Черниковска (пригород Уфы), 10 «б» класс (выпускной)

С Владимиром Маканиным, Санкт-Петербург, 2008 г.

Утренняя гимнастика

Шахматы – любимая игра в юности и молодости

Моя учительская работа в школе в 1959–1961 гг.

ЧАСТЬ 2

Мое появление в социологии: годы профессионального становления и взросления (1963–1991)

В хронологическом отношении мы остановились в разговоре о твоей жизни, когда ты был учителем истории в школе. Что заставило тебя или что повлияло на тебя настолько, что ты решил идти в науку? Как это происходило? Было ли это движение сразу в социологию или были какие-то промежуточные ступени?

Работая учителем в школе, я понял, что надолго в ней не задержусь. Не потому, что мне в ней было некомфортно, как раз наоборот, мне нравилась профессия педагога. Но в то же время тянуло в науку. Причем первые два года работы в школе (а это были школы в г. Уфе, куда я поехал работать после окончания университета) я не осознавал до конца, чем хочу заниматься в науке. И тогда я решил сдать кандидатские экзамены. Я прикрепился для этого в Башгосуниверситет и за год, во второй сезон работы в школе, сдал английский язык и диамат с истматом.

В 1961 г. я по семейным обстоятельствам переехал в Свердловск и вновь поступил работать в школу историком. В это время в Свердловске начала проводить исследования научная группа Академии педнаук СССР. В ней работали опытные педагоги, только началось преподавание обществоведения в школе, что меня особенно привлекало. Я приглянулся этим людям как молодой учитель, тем более что у меня были сданы два кандидатских экзамена и открывался простор для написания диссертации. И именно в это время, примерно с 1962 г., я стал задумываться о работе не в педагогике, а в сфере науки, о которой почти ничего не знал, но именно поэтому и хотелось попробовать в ней свои силы. Это была социология, о которой в начале 1960-х гг. не знал не только я, но и подавляющее большинство тех, кто работал в общественных и социально-гуманитарных науках.

Здесь произошла история, которая сильно подтолкнула меня к выбору дальнейшего пути. В 1963 г. меня рекомендовали (все та же научная группа АПН) для приема вступитель-

ных экзаменов по истории в Свердловский юридический институт. Я принимал экзамены в июле-августе с завкафедрой истории государства и права Б. Ф. Ливчаком. Тогда он был доцентом, а через несколько лет блестяще защитил докторскую диссертацию. Это был умнейший, интеллигентнейший и образованнейший человек, при этом он оставался всегда предельно скромным и деликатным. Мы с ним вели долгие и очень интересные разговоры. В конце концов, он мне сказал: «А почему бы Вам не пойти на прием к ректору и не попроситься на работу в институт?» Я так и сделал. Просто пришел к ректору и сказал: «Хочу работать у вас в институте на кафедре философии». Ректор очень удивился и спросил меня, кто я такой и что знаю и умею делать. Я сказал, кто такой, назвал три сданных кандидатских экзамена (к этому времени я, работая в школе Свердловска, сдал еще один экзамен по французскому языку, хотя никакой необходимости в этом не было, просто хотелось самостоятельно изучить этот язык). Сказал также, что в вузе не преподавал, делать это не умею, но очень хочу научиться, хочу стать хорошим педагогом и заниматься социологической наукой. Ректор удивился еще больше, поскольку о ее существовании только смутно догадывался, он был юристом, специалистом по международному праву. О социологии как науке почти ничего не слышал и толком не представлял, чем она занимается. Последнее, естественно, плохо представлял тогда и я.

Увидев страстное желание молодого человека работать в вузе, ректор вызвал исполняющую обязанности заведующего кафедрой философии. Сам завкафедрой – Г. П. Орлов – тогда был в Москве, в ИПК. (С ним я познакомился позже, на ноябрьской демонстрации 1963 г., и с тех пор дружу почти 55 лет. Сейчас он уже не работает, на пенсии, в декабре 2018 г. ему исполнится 90 лет, и дай Бог ему долгой жизни и здоровья.) Ректор поручил найти для меня почасовую нагрузку и походить на мои занятия. Занятия, видимо, были признаны не самыми плохими (у меня за плечами была четырехлетняя работа в школе, так что методикой преподавания я владел довольно сносно), и меня взяли в штат. Переход в вуз означал для меня начало новой жизни, новой, большой работы, и в ее «омут» я самозабвенно «кинулся». Мне очень нравилось работать со студентами, читал я им диамат.

Почему все-таки ты выбрал предметом своих научных исследований социологию, а не философию, о которой ты в тот момент знал много больше?

Начну с того, что меня привлекало и в то же время отталкивало в философии, причем не вообще, а именно в то время, когда я оказался перед выбором: чем дальше заниматься? Все было за философию. Я получил в университете на истфаке солидную философскую подготовку, прослушал шесть больших курсов: диамата, истмата, этики, эстетики, научного атеизма и, что особенно было интересно, истории философии. Причем прочел массу первоисточников, начиная с древних мыслителей и кончая представителями экзистенциализма, неопозитивизма, неотомизма, феноменологической философии. Сдал самый сложный кандидатский экзамен по диамату и истмату. Плюс к этому работал на кафедре философии, читал диамат, увлекался философскими проблемами естествознания (хотя в этой области имел крайне низкий уровень научной осведомленности).

Но по-настоящему профессиональных знаний в философии не хватало, и я постоянно ощущал свою ущербность. Может быть, со стороны это было не очень заметно, тем более что я, по мнению многих, хорошо владел материалом, и как молодой лектор пользовался успехом. Но я-то лучше знал, чего стою на философском поприще. Тогда я думал, что не обладаю стилем и складом философского мышления. В самом деле, высокие абстракции были мне чужды. Тянуло на конкретные проблемы, на такие, к которым был лично причастен. Да и исторические «уши» торчали сильно. Кроме того, центральные философские проблемы того времени были не очень привлекательными для меня: материя, сознание, законы и категории диалектики, гносеологическая проблематика, единство диалектики, логики, теории познания... Все это близко не трогало, не пробуждало личностного интереса.

Другое дело – социология. Она манила таинственностью, ее полным незнанием, практически отсутствием литературы на русском языке и необходимостью (возможностью) заказывать книги на иностранных языках по межбиблиотечному абонементу, будила большое желание разбираться в этих книгах. Новые проблемы, новые термины, новые имена... Я чувствовал себя первооткрывателем. Чуть позже, когда я начал

работать над кандидатской диссертацией и читать зарубежных авторов в подлиннике, оказалось, что многие книги в стране я читал первым: часто страницы были склеены или не разрезаны. От этого чувство «первооткрывателя» только росло.

Так главным моим интересом и главным полем деятельности стала работа в области социологии. Об этом следует сказать подробнее, поскольку именно с осени 1963 г. все началось. Было это так.

Как я уже говорил, на ноябрьские праздники 1963 г. из Москвы приехал завкафедрой философии Георгий Петрович Орлов. На демонстрации мы с ним познакомились. Сразу, буквально в одну секунду почувствовали взаимное расположение и подробно поговорили о том, чем бы я хотел заниматься. Я ему сказал, что только социологией. Тогда он поднял вверх указательный палец, сказал «О!» и тут же предложил мне тему. Дело в том, что в Москве, в ИПК он начал заниматься проблемой свободного времени. Его научным руководителем там был М. Т. Иовчук. И он сказал Г. П., что только что приехал из Парижа, и там этой проблемой активно занимается (далее цитирую Иовчука со слов Орлова) «то ли Мумазедье, то ли Дюмазедье». При этом Иовчук сказал, что если бы нашелся парень, который владеет, хотя бы плохонько, иностранным языком, то было бы здорово, потому что нам надо заниматься критикой буржуазной социологии, а что такое буржуазная социология досуга, никто толком не знает. По существу, я получил предложение и тему. Судьба моя была решена, и безвозвратно.

Не припомнишь, по каким отечественным и зарубежным книгам ты осваивал теорию и методы социологии?

Я представляю то старшее поколение отечественных социологов, которое не имело возможности получить настоящее профессиональное образование. Парадокс ситуации состоит в том, что в нашей стране социологов-профессионалов готовят в большинстве все еще социологи без соответствующего систематического профессионального социологического образования. Понятно, что в молодости приходилось читать по социологии все, что оказывалось перед глазами. С отечественной социологией было просто в том смысле, что лите-

ратуры выходило не так много, и вся она, так или иначе, доходила до меня. Поэтому читал все, что было и что издавалось. По зарубежной социологии были вообще крохи: перевод книги Дж. Морено «Социометрия» (1958), «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» под ред. Г. Беккера и А. Боскова (1961). Вышли переведенные материалы (не все, конечно) V Всемирного социологического конгресса (1962 г., Вашингтон). По-моему, они были опубликованы в 1964 г. и готовил их Г. В. Осипов. Поскольку я был членом Советской социологической ассоциации (ССА), то получал информационные бюллетени, они издавались на ротационном тиражом 980 экз. Это было самое интересное. Там были и переводы зарубежных работ по методике и технике исследований.

Сложнее было с первоисточниками – работами зарубежных социологов: по межбиблиотечному абонементу (МБА) книг высылалось мало, поэтому любую командировку в Москву (кроме самой первой, о которой еще скажу) я стремился сочетать с работой в библиотеках. Это было ужасно, потому что в Москве, кроме библиотек, были еще театры, Большой зал консерватории... Проблема состояла в том, чтобы успеть как можно больше – и поработать, и послушать, и посмотреть.

Работая дома, старался как можно больше заказывать литературы на английском и французском языках по МБА. Присылали книги (правда, далеко не все, в среднем каждую пятую из заказа), микрофильмы. Помню, что читал на французском Ж. Фридмана (крупнейшего представителя социологии труда, его знаменитую работу «*Où va le travail humaine?*» – «Куда идет человеческий труд?»), Ж. Фурастье, Ж. Дюмазедье и др.

Поскольку назвал последнего, чуть отвлекусь от канвы изложения. С Жоффром Дюмазедье мне посчастливилось познакомиться лично в Варне в 1970 г., на VII Всемирном социологическом конгрессе, за что огромное спасибо Б. А. Грушину – они хорошо знали друг друга. Б. А. очень тепло представил меня французскому социологу, который был президентом исследовательского комитета по социологии досуга и вел его заседание. На этом заседании я делал доклад на английском языке о проблемах теории свободного времени. Перед конгрессом у меня как раз была опубликована брошюра на эту тему. До сих пор помню публичную полемику Дюма-

зедье со мной после моего доклада. Он мне сказал тогда, что мы (в СССР) неправильно интерпретируем Маркса. (А получилось так, что мы не знали еще его «Философско-экономических рукописей 1857–1859 гг.», они не были переведены в то время на русский язык, это было сделано лет через пять. А там есть целый параграф о свободном времени.) Дюмазедье же читал эту работу. Так что урок был преподан хороший. Кстати, на самую фундаментальную работу Дюмазедье «К цивилизации досуга» (*Vers une civilisation du loisir*) я написал большую аналитическую рецензию и опубликовал ее, по-моему, в «Вопросах философии».

Продолжая разговор о том, кого из социологов я читал в первой половине 1960-х, должен назвать американцев М. Каплана, Г. Виленски, Н. Андерсона и других. Всех уже не вспомню, их было много. Но должен сразу сказать, что «классиков» в оригинале читал мало. Так, Парсонса в спецхране Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР (ФБОН) мне просто не давали на том основании, что у меня нет необходимой формы допуска. Поэтому работал в основном с социологической литературой по проблемам труда и свободного времени. Этому еще способствовал и резкий дефицит времени на научную работу, приходилось тщательно отбирать то, что нужно в первую очередь. А эта «очередь» – кандидатская диссертация. Жилось бедно, содержать семью на ассистентскую зарплату (105 руб.), выплачивать за кооперативную квартиру было непросто. Родился сын. Поэтому первоочередной задачей было написание кандидатской диссертации. Между тем приходилось зарабатывать деньги (дополнительные к зарплате), в основном путем чтения лекций по линии общества «Знание». На это уходило немало времени.

Мощным фактором, способствующим моему социологическому образованию, стала самая первая научная командировка в московские библиотеки – это было в апреле 1964 г. Я провел в них ровно 30 дней – с 1-го по 30-е, что называется, от звонка до звонка. Приходил первым, уходил последним. Работал в трех библиотеках: в уже названной ФБОН, Ленинке и Библиотеке иностранной литературы (она находилась на ул. Степана Разина в Зарядье, за Красной площадью), без выходных дней. Привез, без преувеличения, че-

модан переводов, что позволило мне за последующие полгода написать кандидатскую диссертацию (которую в начале апреля 1965 г. защитил).

Изучение бюджета времени – одно из направлений социологии, которое, несмотря на запреты социологических исследований в стране, – полностью не прекращалось никогда. Плановые органы на уровне страны, республик и регионов, плановики на производстве пытались замерять направленность временных расходов населения и его отдельных групп. Академик С. Г. Струмилин и – под его прикрытием – ряд экономистов проводили бюджетные исследования. В Новосибирске Г. А. Пруденский занимался социально-экономическим изучением временных затрат. Его статья о свободном времени в социалистическом обществе («Коммунист», 1960, № 15), по свидетельствам И. С. Кона и В. А. Ядова, дала импульс развитию ленинградской социологии. Какую проблематику ты разрабатывал в своем диссертационном исследовании? Была это чисто теоретическая работа или удалось что-то измерить?

Скажу сразу, у меня в диссертации не было ни проблемы бюджета времени, ни анализа свободного времени в советском обществе. Естественно, ни о каких измерениях, тем более связанных с бюджетами времени, тогда не могло быть и речи. Да я просто не был к этому готов не только в профессиональном, но даже в «полупрофессиональном» плане. Проблема измерения возникла в 1966 г., уже после защиты диссертации, когда мы с Г. П. Орловым, одними из первых в стране, начали изучать использование свободного времени школьниками-старшеклассниками, провели в Свердловске эмпирическое исследование и написали о его результатах в большой статье, опубликованной в журнале «Советская педагогика»⁹. Благодаря этому исследованию, а затем изучению образа жизни учителя сквозь призму его бюджета времени (в начале 1970-х гг.) я стал вхож в научную «тусовку» педагогов, как в Свердловске, так и в других городах. В частности, могу сказать о появившихся отношениях с исследователями Ленинграда,

⁹ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Правильное использование свободного времени школьников – одно из средств воспитания // Советская педагогика. – 1966. – № 6.

где я познакомился с Л. Н. Лесохиной (женой В. А. Ядова), С. Г. Вершловским (с ним я потом много лет поддерживал профессиональные отношения). Помню, что по его просьбе специально приезжал в Ленинград в Институт образования взрослых АПН СССР (если мне не изменяет память относительно названия института) и делал в нем большой доклад о наших исследованиях. Меня тогда волновала проблема типологии учительства, которую я предложил на основе многомерного социологического исследования его образа жизни и бюджета времени.

Была еще одна социологическая и в то же время педагогическая проблема, которая меня также интересовала и по которой я тоже много писал, – проблема непрерывного образования взрослых. Собственно, именно она привела меня непосредственно в названный мной институт в Ленинграде, в нем активно занимались исследованием непрерывного образования. Дополнительным стимулирующим фактором была работа одной из моих первых аспиранток – Нины Меньшиковой, которая написала очень хорошую диссертацию, посвященную проблеме непрерывного образования рабочих, на материалах социологического исследования на большом металлургическом заводе в Новокузнецке. В 1971 г. она ее успешно защитила. Хорошо помню, что Л. Н. Коган очень хвалил эту работу и называл ее «прорывом» в социологических исследованиях образования.

Но это все было потом, в 1960–1970-х гг. Сейчас же, возвращаясь к кандидатской диссертации, я должен сказать, что работа была исключительно о западной социологии досуга, в исследованиях представителей которой я обнаружил три школы – французскую, американскую, немецкую. Я постарался раскрыть их предпосылки, комплекс проблем, которые они изучали, их направленность и прогноз, касающийся свободного времени вплоть до конца XX века. Тогда я даже не мечтал, что попаду на международный социологический конгресс, познакомлюсь с некоторыми из тех, чьи работы изучал. Более того, выступлю сам с докладом, а блистательный Ж. Дюмазедье (чуть выше я о нем говорил) будет не только слушать меня, но и задавать вопросы, а заодно и выговаривать мне, что я, хоть и считаю себя марксистом, толком Марксову теорию свободного времени не знаю. Попутно (поскольку

VII Всемирный социологический конгресс был в Варне), не могу не сказать о щемящем чувстве ностальгии, которое охватило меня несколько лет назад, в 2014 г., когда я, будучи на международной конференции в Албене (курорт недалеко от Варны), проехал мимо Дворца, в котором проходила работа того самого конгресса. Воспоминания о том времени нахлынули...

Моя кандидатская диссертация была чисто теоретической работой, в значительной мере направленной на социологическое просвещение отечественного читателя в форме передачи ему знания об одном из направлений зарубежной социологии¹⁰. Нужно учитывать особенности того времени (декабрь 1963 г., время начала работы над диссертацией – апрель 1965 г., время ее защиты) и специфику темы (характеристика одной из отраслей западного социологического знания). Имело значение и то обстоятельство, что в силу слабого знания иностранных языков среди наших социологов представление об отраслевой социологии и ее зарубежных представителях было крайне ограниченным.

Когда я собирал материал для диссертации в московских библиотеках, то старался найти какую-нибудь уже защищенную диссертацию аналогичного типа, посвященную характеристике какой-либо отрасли знания в зарубежной социологии. Помню, нашел всего одну работу, она была защищена за год до моей и касалась критики буржуазной индустриальной социологии. По-моему, она шла через Академию общественных наук при ЦК КПСС и писал ее Ян Матров (он был из Риги). Больше его работ в социологии я не встречал. Работа была очень простая, понятная, я ее воспринял как алгоритм диссертации по зарубежной социологии. На душе сразу полегчало, мне стало ясно, что такую работу я напишу.

В то время сложился определенный стереотип в отношении к зарубежным социологическим работам: нужно было обязательно их критиковать с позиций единственно верного учения – марксизма-ленинизма и применять соответствующую ему единственно верную методологию – диалектического и исторического материализма. Причем чем «смачнее»

¹⁰ Зборовский Г. Е. Критика буржуазной социологии досуга : дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск, 1965.

была критика, тем более благосклонно в советах относились к диссертациям, в которых «шла борьба с нашими идейными врагами».

Не могу не вспомнить смешной эпизод на моей защите. Первым официальным оппонентом был Л. Н. Коган. Когда он выступал оппонентом, в зал всегда приходило много людей, «ходили на Когана». Слушать его было наверняка интереснее, чем соискателя. Он был невероятно остроумным человеком, выступал ярко, блестяще. Часто он спорил (как правило, на коньяк) с каким-либо членом совета по какому-нибудь поводу, что, скажем, часть выступления будет говорить стихами (и если пари заключалось, он срочно садился писать несколько четверостиший на тему защищаемой диссертации), или в речи приведет не менее трех анекдотов «по случаю», или еще что-либо. Мне неизвестно, было ли у него пари с кем-нибудь на моей защите. Но хохот во время его выступления стоял почти непрерывный. На самом деле он учил сидящих в зале, как нужно критиковать наших идейных противников. Первое, с чего он начал (помню, будто это было вчера): для критики буржуазной социологии нужно регулярно, лучше вперемежку, использовать три слова: пресловутый, якобы, в кавычках. Если у диссертанта этого хватает, база для позитивного голосования уже достаточна. После этого он стал говорить о том, что у меня в диссертации есть даже больше, чем три слова (почти как у людоедки Элочки из известного романа Ильфа и Петрова). Но тут он вставил мне «фитиль»: я, мол, активно цитирую зарубежных социологов, но почему-то подбираю такие фрагменты в их работах, с которыми нужно скорее соглашаться, чем их критиковать. Хорошо это или плохо, он тогда не сказал. Зато отметил включение в научный оборот многих терминов и буквально десятков фамилий зарубежных исследователей, про которых у нас никто раньше никогда не слышал. В общем, просветительскую функцию диссертации он поддержал. После этой защиты за мной прочно закрепилась «слава» главного специалиста по буржуазной социологии, по крайней мере в нашем регионе.

Хотя, вероятно, не только в нашем. Где-то через год-два после защиты мне передали приглашение от Т. И. Заславской переехать в Новосибирск и возглавить в институте, в котором она работала, соответствующий сектор (критики буржуазной

социологии или что-то в этом роде) – с предоставлением квартиры в Академгородке и зарубежными поездками. Но я под каким-то благовидным предлогом отказался.

После защиты кандидатской диссертации мой интерес к изучению проблематики времени резко усилился, причем в двух направлениях. Во-первых, мне стало мало интересно заниматься только лишь западными теориями досуга. Я понял, что нужно идти к отечественным теориям и практикам использования свободного времени. Во-вторых, возник интерес к свободному времени как социологической категории, что потребовало широкого социально-исторического анализа этого феномена. Так возникла тема докторской диссертации, которую я защитил в 1973 г.

Но уже в процессе ее написания и подготовки к защите родилась новая идея, которая меня захватила в начале 1970-х гг. целиком и полностью. Возник интерес к социальному времени, а вместе с ним – и к социальному пространству. Естественно-научная идея единства и взаимосвязи времени и пространства, нашедшая в естествознании и философии оформление в виде категории «пространства-времени», не отпускала меня и заставила обратиться к социологическому анализу социального пространства-времени (и введению в научный оборот этой категории). Конкретизацией этого анализа стала появившаяся в 1974 г. моя книга «Пространство и время как формы социального бытия»¹¹, принесшая мне и известность, и скандальную славу.

Отношение «власть имущих» в социологии к моей книге стало отражением их отношения к новому подходу и новому понятийному аппарату в исследовании социального времени и социального пространства. Отсюда вытекали и трудности для меня как автора, стремящегося выразить свое понимание проблемы социального времени и его соотношения с социальным пространством.

Эти трудности я очень быстро почувствовал, что называется, на собственной «шкуре». Научный анализ привел меня к выводу о том, что необходимо выделять реальное время (существующее как объективно, так и субъективно), percep-

туальное (определенным образом воспринимаемое) и концептуальное время. Поскольку фактически я признавал не только объективную, но и субъективную реальность времени, да еще и описал это в упомянутой выше книге, нетрудно догадаться, что могло произойти вслед за этим.

Последовала команда «фас» из Москвы, от директора Института социальных исследований АН СССР (перед этим было послано его письмо на имя первого секретаря Свердловского обкома КПСС, смысл которого сводился к характеристике меня как антимарксиста, которого вырастили под носом у обкома): обсудить книгу на городском семинаре, примерно наказать ее автора, чтобы другим неповадно было писать такие работы. Книгу обсудили и осудили, а меня обвинили в антимарксизме и субъективном идеализме. Воистину «времена не выбирают, в них живут и умирают». Последнего, к счастью, тогда не произошло, хотя кое-кому, вероятно, этого очень хотелось. Я должен сказать, что и сейчас не откажусь ни от одного принципиального положения, сформулированного в той книге. Но, конечно, сегодня они уже не воспринимаются, как тогда. Анализ социального времени и социального пространства, предпринимаемый с самых различных позиций, с тех пор ушел далеко вперед.

Гарольд, твой рассказ об исследовании социальных проблем времени охватил немалый период. Для меня, как человека, давно работающего в советской/российской социологии и изучающего ее историю, многие вещи знакомы и понятны. Но для наших молодых социологов, тем более – наших будущих коллег, история о том, что директор главного социологического института – ИСИ АН СССР пишет первому секретарю Свердловского обкома КПСС с просьбой «проработать» исследователя за его теоретические построения, наверное, будет выглядеть как «дикость». Как тебе кажется, насколько эта история типична для того времени, возможно ли, что к несогласию с твоими построениями добавлялись еще и какие-либо личные чувства?

Полагаю, что вполне типична. В период застоя, тем паче в предшествующие ему периоды, теоретические построения в общественных науках (а социология относилась к их числу

¹¹ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974.

вне всяких сомнений) считались частью идеологии, более того, сферой идеологического противоборства. Тот, кто в те годы рассматривал пространство и время не только как объективные, но и как субъективные феномены, автоматически вставал на позиции идеализма и антимарксизма. Ни у Маркса, ни у Энгельса субъективные характеристики этих феноменов не выявлялись, их качества и свойства носили исключительно материалистический и объективный характер. Идти хотя бы частично вразрез с этим (в книге объективность пространства и времени на самом деле ведь не отвергалась) уже означало большую крамолу.

Из всех ругательств «антимарксизм» выглядел как одно из самых страшных (густой мат в сравнении с ним был бы просто похвалой). И субъективный, и объективный идеализм, особенно если они еще «приправлялись» метафизикой, противоречили в корне диалектическому материализму со всеми вытекающими идеологическими последствиями для тех, кто хоть косвенно мог быть заподозрен в недостаточных симпатиях к последнему.

Что касается личных чувств ко мне, которые могли быть примешаны в описанной выше ситуации, то не исключая и их наличия. У меня никогда не выходила из головы фраза директора института, когда он еще не был им, а заведовал кафедрой в Уральском госуниверситете. Речь шла о приглашении работать на его кафедре, которое я получил от него, будучи преподавателем юридического института. В приглашении была озвучена цель моей будущей деятельности: заниматься критикой буржуазных теорий социальной структуры. В ответ на мой отказ это сделать я услышал: «Вы еще об этом горько пожалеете».

Потом эти угрозы я неоднократно испытывал на себе и во время подготовки к защите кандидатской диссертации (защита трижды переносилась без сколь-либо уважительных причин), и во время подготовки к защите докторской диссертации и ее последующем прохождении в ВАКе, и в зубодробительной критике моей книги «Пространство и время как формы социального бытия». Лягнуть меня при любом удобном случае считалось нормой. Но самое любопытное заключалось в том, что его примеру другие (за редким исключением) не следовали. Впрочем, приведу образец редкого иск-

лучения, чтобы стала понятной атмосфера, складывавшаяся вокруг меня. Представь картинку: иду по улице, навстречу завкафедрой из Высшей партийной школы, известный в городе человек, авторитетный профессор. Обычно мы останавливались, встречаясь, чтобы перемолвиться о новостях. А тут он мне: «Да вы, батенька, оказывается, антимарксист. О чем же мы будем говорить с вами?» Некоторые просто переставали здороваться.

Гарольд, ранее ты дважды вскользь упомянул тему вступления в партию, я понимаю, что и при обучении на идеологическом факультете, и в годы учительства, особенно когда ты уже задумывался о работе в социологии, эта тема была значимой для тебя. Когда ты смог вступить в КПСС, были ли у тебя какие-либо сложности?

Проблема вступления в партию передо мной встала только тогда, когда я начал работать на кафедре философии Свердловского юридического института (в 1963 г.), и то не сразу, а через год – осенью-зимой 1964 г. В ноябре месяце того года я представил к защите кандидатскую диссертацию. Пока ее не было, вопрос о моей партийности остро не стоял. Я был комсомольцем и мог работать на кафедре общественных наук, не имея ученой степени, вплоть до истечения комсомольского возраста (28 лет), т. е. до осени 1966 г. Не защити я раньше кандидатскую диссертацию, вопрос бы встал ребром в 1966 г.: на «партийной» кафедре работать беспартийному преподавателю не разрешалось.

Но в моем случае ситуация обострилась раньше: было крайне желательно, почти обязательно защищать диссертацию по философским наукам если не члену, то хотя бы кандидату в члены КПСС. Но в том районе г. Свердловска, где находился мой вуз (Кировский район), была большая очередь, которую нужно было «выстоять», чтобы вступить в партию. Район был сплошь «интеллигентским»: вузы, отделение Академии наук, очень много НИИ. Если бы я работал в вузе, находящемся в каком-либо рабочем районе города, вероятно, было бы легче, очередь была бы не такой большой.

Каждый район города получал определенные квоты на поступление в КПСС рабочих (там очередей не было никогда), служащих (там они уже возникали) и интеллигенции (где бы-

ли самыми большими). В моем случае начинала действовать еще одна квота – по национальной принадлежности (представитель интеллигенции плюс еврей было уже большим перебором). Поэтому, когда в начале 1965 г. решался вопрос о допуске меня к защите, он всерьез обсуждался не только в университете, где я защищался, но и в отделе науки Свердловского обкома КПСС. Учитывая, что я вел большую общественную работу: руководил семинаром пропагандистов, читал много лекций по линии партийных органов, было принято решение допустить меня к защите. Тем более что случай был единичный, «зеленая» молодежь по общественным наукам защищалась крайне редко.

На защите одним из членов совета мне был даже задан вопрос, почему я до сих пор не в партии и защищаю диссертацию, не находясь в ее рядах. Я что-то ответил – типа того, что готовлюсь в самое ближайшее время сделать это. Все прошло нормально, в апреле 1965 г. я защитил диссертацию, через 2 месяца был утвержден в ВАКе. А в партию (причем кандидатом) вступил только через полтора года – даже кандидату философских наук, активно сотрудничавшему с партийными органами, послаблений не было. Сказать, что я от этого сильно убивался, не могу, но временами было неприятно. Из обкома, горкома, райкома звонили непрерывно, просили сделать и то, и другое, и третье. Иногда мне так и хотелось им сказать: ребята, я же не член КПСС, что вы все время ко мне обращаетесь? Но это означало бы появление новых проблем, а они мне точно не были нужны. Зато из партии я выходил совсем по-другому. Это было во время перестройки, в 1990 г. И о той истории нужно рассказывать совсем по-другому и в другом месте.

Спасибо за обстоятельный рассказ о твоём вступлении в КПСС, в частности – за описание некоторых деталей сложного и многоуровневого процесса вступления в партию представителей интеллигенции. Мне кажется, что лучше рассказать о твоём выходе из рядов КПСС прямо здесь, пусть получится нечто цельное. Иначе в том разделе, где мы намеряем вспомнить о периоде перестройки, придется делать отсылку на только что рассказанное тобой или кратко повторять эту информацию. Итак, пере-

несемся в 1990-е, интересное было время, шумное, «катастрофически» новое... Пожалуйста, вспомни о твоём вступлении в КПСС...

Пожалуй, ты прав, лучше, действительно, сразу. Это не тот случай, когда нужно создавать повод для интриги. Почему-то вспомнил случай на 1-м курсе университета, который произошёл в нашей студенческой группе. Как будущие историки, мы изучали латынь. Курс был большой, годовой. У нас были замечательные латинисты – Шуйский, Вознесенский, тогда еще совсем молодой Матвеев (он потом стал членом-корреспондентом РАН по филологическим наукам). Я к тому, что с нами очень хорошо работали. Мы много учили наизусть (до сих пор помню фрагменты из «Дедала и Икара»). Считалось шиком произносить фразы и выражения, ставшие афоризмами. Писали контрольные на знание таких выражений – на латыни и в переводе. Ошибки воспринимались на смех. И вот – к слову – одна из них. Мой сокурсник выражение «veni, vidi, vici» – «пришел, увидел, победил» (это слова Юлия Цезаря, которые, по свидетельству историков древности, содержались в его донесении Римскому сенату о победе над понтийским царем Фарнаком) перевел как «пришел, увидел и ушел». Этими словами я, вероятно, мог бы сейчас, по прошествии стольких лет, определить свое 25-летнее пребывание в КПСС.

Конечно, решение о выходе из нее далось не просто. Но шла перестройка. Она обострила все ощущения, напрягла социальное самочувствие. Хотелось каких-то действий, активности. Чувствовал кожей, что пришло время решений, за которые не нужно будет стыдиться перед людьми, детьми, собой. Незадолго до этого, в 1989 г., я опубликовал большую, на целую газетную полосу, статью в одной из самых в то время популярных газет – «Советской культуре». Это было то издание, за которым с утра выстраивались очереди, и далеко не всем удавалось его купить. Киоскеры в то время вообще считались одними из самых значимых людей, с которыми многие старались заводить «особые отношения», что гарантировало покупку нужной газеты.

Так вот, моя статья была посвящена полемике с известной сталинской формулой «незаменимых у нас нет». Я доказывал, что каждый из нас по-своему незаменим и именно благодаря

этому резко возрастает роль личности и значение ее поступков. Вслед за выходом статьи одно из издательств заказало мне книжку, и она вышла под названием «Как стать незаменимым»¹². И получилось так, что собственная статья и собственная книга активно стимулировали задуманное расторжение отношений с КПСС.

А тут мне в голову вдруг пришла мысль посчитать, сколько же я заплатил денег в качестве партвзносов за 25 лет. Все эти годы я получал хорошую зарплату – сначала как кандидат наук, потом как доцент, потом как доктор наук и, наконец, как профессор. И когда я посчитал, сколько же это примерно рублей, ужаснулся: то была цена самого дорогого тогда автомобиля «Волга». Получалось, что я подарил партии эту машину. Сразу же стали возникать всякие разные вопросы: чего ради? зачем? что партия сделала ради меня? чем я ей обязан? и т. д. и т. п. Конечно, вопросы касались уже не денег, а более существенных проблем – свободы (точнее ее отсутствия), цензуры (ее присутствия, она «зарубала» некоторые мои анкеты, не говоря уже о книгах и статьях), выговоров, унижений и угроз, которым я подвергался, и многого другого.

И я решил: что бы потом ни случилось, я не вернусь в нее. Уходить так уходить. Решил я одновременно выйти и из профсоюзов. Вся эта затея не казалась простой, тревога была. И не только за себя, была ведь еще и семья. В начале декабря 1990 г. ситуация была не вполне однозначная, всякое могло произойти. Я знал, что не исключен вариант снятия меня с работы. Но начали уже выходить из партии отдельные рабочие. Это стало очень важным обстоятельством для активизации «бракоразводного» процесса. Потом уже, когда я, спустя полтора месяца, вернулся из Москвы и вышел на работу, мне сказали, что я был первый профессор, сдавший партбилет.

Сам же «бракоразводный акт» был мною продуман до мелочей, и во многом благодаря этому произошло все очень просто. Я решил использовать командировку в Москву. Накануне отъезда в ИПК (Институт повышения квалификации) я вызвал на работу секретаря парткома (он в тот день был дома), сказав ему, что вопрос архиважный, не телефонный и до завтрашнего дня не терпит отлагательства. Он ругнулся, но на работу пришел, немного побаиваясь ситуации, о кото-

рой ничего не знал (вдруг что-то очень важное, его об этом предупредили, а он не пришел – как бы чего не вышло. Мужик был, прямо скажем, трусливый). Появился он, как сейчас это помню, около 4 часов пополудни, зашел в кабинет и со страшно недовольным видом спросил, что случилось. Я, ни слова не говоря, достаю из кармана партбилет и кладу ему на стол. Он даже не понял вначале, что происходит. Потом спросил: что сие значит? Я ему спокойно сказал: выхожу из партии. Он: как? так сразу? Я: да. Он: хоть напиши заявление. Я: ничего писать не буду. Он: а что я должен делать с ним (партбилетом)? Я: что хочешь, можешь сдать в райком, можешь положить под подушку и спать с ним. После чего встал и ушел. Время для этой акции я выбрал не случайно: конец дня, рано утром завтра улетаю в Москву, так что в контакт со мной никто не вступит, ничего от меня не потребует. А когда вернусь из Москвы, будет видно.

Через месяц с небольшим возвращаясь, ректор (он потом стал министром просвещения РФ) со мной не здоровается, на меня не смотрит. Чувствую, ему за меня от парторганов досталось. Прихожу на следующий день на госэкзамен (я был членом ГЭК), заходит на экзамен лаборантка, говорит: Вас просит выйти для разговора первый секретарь райкома партии. Я ее прошу передать ему, что не могу, занят, принимаю госэкзамен. Она выходит, минут через 40 снова появляется, говорит, что он не уходит, ждет. Пришлось мне выйти. В жестком по существу (по форме нет) разговоре я ему сказал, что просить меня не выходить из КПСС, хотя бы до съезда партии, бесполезно. Решение принято, и оно окончательное.

Через несколько дней встречаюсь с Л. Н. Коганом. Он мне рассказывает (а я об этом даже ничего не слышал и не знал), что в университете после моего отъезда в Москву состоялось, в связи с моим поступком, экстренное партийное собрание. Причем, как он сказал, голоса разделились примерно поровну: половина назвала меня предателем, подонком и еще как-то (понятно, что в этом случае могло быть сказано), зато другая половина говорила о героическом поступке с моей стороны. Я уж не знаю, стоил ли мой поступок такой оценки, думаю, что нет. Но хорошее тоже было сказано про меня, а это и есть самое дорогое. Через полгода из партии стали выходить, правда, не массово, но по своей инициативе некоторые мои коллеги.

¹² Зборовский Г. Е. Как стать незаменимым. – Свердловск, 1989.

Мой следующий вопрос связан со стремлением понять механизмы формирования нашего профессионального сообщества. Я входил в социологию в середине 1960-х, когда ты уже всю работал над кандидатской диссертацией. Это было в Ленинграде, и я сразу попал в круг коллег, работавших с основателями Ленинградской социологической школы: А. Г. Здравомысловым, И. С. Коном, О. И. Шкаратаном и В. А. Ядовым. Через несколько лет я стал часто ездить в Москву, в ИСИ АН СССР, и оказался в группе социологов моего возраста, со многими из которых сохранились до сих пор добрые товарищеские отношения. Другими словами, я стал членом довольно большой группы специалистов, разрабатывавших одно предметное направление – для нас это было использование математических методов в социологии, – и образовавших со временем определенную коммуникационную сеть. Конечно, в значительной степени это произошло в силу социальной и географической близости Ленинграда и Москвы. Было ли что-либо подобное в твоей практике? Возможно, это была уральско-сибирско-поволжская «сеть»?

Ты знаешь, было нечто подобное. Может быть, не такое выраженное, как в вашей научной «тусовке». Но были достаточно хорошие контакты между уральскими и сибирскими социологами, а также отдельными москвичами и ленинградцами, теми, кто исследовал проблемы времени, начиная с 1960-х гг. Назову лишь некоторые имена: В. Д. Патрушев, В. А. Артемов, Б. П. Кутырев, В. И. Болгов, Э. А. Елизарьев, А. В. Неценко, Г. С. Петросян, Л. С. Колобов, мы с Г. П. Орловым из Свердловска и др. Регулярно проводились всероссийские конференции: в Новосибирске, Москве, Свердловске и других городах. Я хорошо помню самую первую из них – в Новосибирске. Она состоялась в 1969 г. накануне Всемирного конгресса в Варне (за год до нее). Одним из ее условий было определение трех лучших докладов, которые рекомендовались на конгресс в Варну. Причем был избран очень демократичный путь рекомендации – открытое голосование. Лучшим был назван доклад Патрушева, третьим – мой (к сожалению, запамятовал, чей доклад был назван вторым). И на этом основании было принято решение: рекомендовать на конгресс

нас троих. Это обстоятельство мне сильно помогло в получении права на поездку в Варну.

Правда, среди тех, кто занимался, прямо или косвенно, проблемами вне рабочего и свободного времени, были две группы исследователей, которые слабо контактировали друг с другом. С одной стороны, это были так называемые «бюджетники» (к нынешнему употреблению термина «бюджетник» не имевшие никакого отношения), т. е. те, кто использовал метод изучения бюджета времени как основной и даже единственный. Среди этих исследователей было немало экономистов, статистиков, работавших в ЦСУ СССР, поскольку они очень активно изучали и публиковали в открытой и закрытой печати данные об использовании времени (в тот период регулярно собиралось по 50 тысяч бюджетов времени самых разных групп населения страны). С другой стороны, это были социологи (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, В. Н. Пименова и др.), которые использовали иные, чаще опросные, методы для анализа проблем использования времени. Типичный пример – исследование в Таганроге и книга, написанная Гордоном и Клоповым на его материале – «Человек после работы» (М., 1972). Мы с Г. П. Орловым «дружили» и с теми, и с другими, но поскольку теоретический ракурс был больше представлен у второй группы исследователей (яркий пример – время как самоценность у Гордона), к ним духовно, идейно мы тяготели больше.

Гарольд, в 1981 году ты защитил докторскую диссертацию, этот важный момент в жизни любого исследователя и преподавателя мы обсудим ниже. Сейчас же мне хочется спросить, чем были заполнены полтора десятилетия между двумя защитами? В стране складывался период, который мы теперь характеризуем как «застой». В какой мере события тех лет, та социально-политическая и нравственная атмосфера отражалась на твоей деятельности? Ты смог найти интересные для себя направления и активизировать свои исследования, приобрести публичность в социологическом сообществе или ты вынужден был приглушить свои научные поиски и писать «в стол»?

Сейчас, с «высоты» прожитых лет, этот «междиссертационный» период (назову его так, вслед за тобой) представляется мне весьма непростым и противоречивым. Вспоминая свои ощущения того времени, я бы сказал, что тогда он мне таким не казался. Молодость, активность, неутолимая жажда жизни и работы, причем всякой – педагогической, научной, культурной, досуговой, – приглушали многие негативные моменты. Немало значили коллеги и товарищи, студенты и аспиранты. Когда возвращаешься в такой круговерти дел и впечатлений, большое значение приобретают компенсаторные механизмы. Для меня в таком качестве выступали музыка (я постоянно жил в ее мире, посещая театры, филармонию, слушая записи дома), чтение, занятия спортом и спортивное «боление» (на стадионе и через телепередачи).

Выручало зачастую чувство юмора. В этом смысле мне страшно повезло: мои товарищи и коллеги были, как и я, большими любителями анекдотов. Естественно, что каждая встреча начиналась – на улице, в вузе, дома – с пересказа новых анекдотов, подчас очень злых, антивластных, политических. Но они создавали особый настрой – не просто веселый, а саркастический, и это был тоже компенсаторный механизм. Какие-то нечаянно услышанные фразы, будучи пересказанными, вдруг приобретали характер цитат либо афоризмов. Приведу лишь один пример. Захожу вечером, часов в 9, в один из лучших гастрономов в центре города, чтобы купить что-нибудь поесть. Это было время, когда в магазинах, даже самых больших и престижных, уже трудно было что-либо купить. Оглядываю полки: одни консервы, килька в томате, морская капуста и т. д. В это время стремительно в магазин вбегает женщина, также лихорадочно оглядывает пустые полки и тут же буквально «выпаливает»: смотрите, еще ничего не было, а уже ничего нет; что же будет, когда ничего не будет? – и убегает. Я стою с открытым от удивления ртом, и вдруг начинаю хохотать. Потом, встречаясь с товарищами, я пересказываю им этот «аферизм», и они тоже смеются. Через какое-то время эта фраза начинает гулять, жить своей жизнью, я ее уже слышу от других людей. А домой я пришел в этот вечер без продуктов, но с новым афоризмом.

Гнусности в жизни встречались. Про книгу «Пространство и время...» и все, что с ней было связано, я уже говорил.

Не могу не коснуться еще одного эпизода, удивительно точно демонстрирующего идеологическую ситуацию эпохи застоя. Работая в юридическом институте, я читал студентам курс диалектического материализма. Поскольку одна из тем была связана с законами диалектики, в том числе с законом единства и борьбы противоположностей, я читал студентам целую лекцию о противоречиях. Один из вопросов специально был посвящен проблеме противоречий при социализме. Говоря о видах противоречий, я доказывал студентам, что при социализме, наряду с внутренними и внешними, основными и не основными, имеют место антагонистические и неантагонистические противоречия. При этом я подчеркивал, что для будущих юристов, следователей, судей и прокуроров это особенно важно знать, поскольку в ряде случаев отношения между преступниками и государством (обществом) могут приобретать антагонистический характер. Рассматривая отдельные такие случаи, я говорил студентам, что от правильного определения характера противоречий между этими субъектами может зависеть и определение меры наказания. Студентов все это очень интересовало, но поскольку в литературе в то время (начало 1970-х) проблема антагонизмов при социализме не только не рассматривалась, но даже (если мне не изменяет память) и не ставилась, то ответ на этот вопрос найти было не просто. Тогда они стали спрашивать других преподавателей, читавших у них лекции: что они думают о существовании антагонистических противоречий при социализме? Такой вопрос они задали и проректору по учебной работе, историку партии доценту А. Н. Она тут же у них спросила, откуда они это взяли. Студенты назвали мою фамилию, и при этом добавили, что я очень убедительно отстаиваю эту точку зрения.

И тут началось такое! Меня немедленно вызвали в ректорат, потребовали объяснить свою позицию. Я сказал, что сделаю это только на теоретическом семинаре. Вместо него решили собрать расширенный состав Ученого совета, пригласили многих профессоров. Поставили мой доклад «О характере противоречий при социализме». Я говорил час, два часа отвечал на вопросы, держал удар как мог. Один из самых «болезненных» вопросов и соответствующее замечание было примерно таким: газета «Правда» пишет что-нибудь об этом?

А журнал «Коммунист»? Если нет, какое я имею право выступать с такой точкой зрения, да еще и перед студентами? Естественно, доказать отсутствие антагонизмов при социализме было невозможно, но и соглашаться с моей аргументацией было нельзя. А. Н. публично пригрозила вынести «сор из избы», т. е. доложить обкому КПСС о том, что творится в юридическом институте. Ректору с большим трудом удалось уговорить ее не делать этого. Вопрос кое-как замяли, меня серьезно предупредили о недопустимости читать в лекциях студентам то, чего нет в партийной печати. Аргумент был примерно такой: опубликуйте сначала свои идеи, а потом читайте об этом студентам. Я даже и не попытался это сделать, понимая безнадежность такой попытки и ее возможные негативные последствия. Писать же в стол об антагонистических противоречиях просто не хотелось — это была не моя проблема. Время, а вслед за ним образование и образ жизни (как сугубо теоретическая проблема, как научная категория) интересовали куда как больше.

«Противностей» же хватало и так. Чего стоила только необходимость обращения к материалам съездов и пленумов ЦК КПСС, постоянные цитирования генсека — ведь без этого ни одна статья, ни в какой журнал, не могла быть принята. И вот представь себе: пишу статью по какой-то конкретной научной проблеме, написал, а потом открываю партийные документы последних лет и начинаю искать, на что бы сослаться, что ближе к моему тексту, потому что знаю: без этого статью даже рассматривать не будут. Это был важный элемент нравственной (точнее, безнравственной) атмосферы эпохи застоя. Но сделать с этим ничего было нельзя. В ином случае нужно было перестать писать для публики. Я предпочел первый вариант, писал и активно печатался, тем самым поддерживая свою публичность. Единственное, чего я никогда не позволял себе ни письменно, ни устно, — славить партию, ее вождей, государство, социализм. Наоборот бывало, но в очень закамouflированной форме.

Кстати, с этим «наоборот» была однажды история. Читаю я лекцию пропагандистам, и мне задают вопрос, точнее, просят: назовите в четкой форме отличия социализма от капитализма. Я называю отличия по формам собственности, по классовой структуре, еще какие-то... И потом говорю: при

капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме — наоборот. Зал как-то пропустил этот пассаж, не обратил внимания, поскольку я говорил быстро, был уже конец лекции, и я отвечал на вопросы. Но, видимо, были люди, обратившие внимание на эти слова. Не прошло и следующего дня, как меня вызвали в отдел пропаганды и агитации обкома КПСС и заставили писать объяснение по поводу того, что я имел в виду, говоря об эксплуатации человека человеком при капитализме и «наоборот» — при социализме.

Я привел лишь несколько примеров из «застойного» периода, серьезно ограничивавших свободу творчества. Реально их было намного больше. Вероятно, дальше о каких-то из них я вспомню еще в связи с обсуждаемыми проблемами. Подводя итог ответу на твой вопрос о том, как сказалась ситуация брежневского «застоя» на моей жизни и моем творчестве, я бы сказал — весьма неоднозначно. Была активная, не прекращавшаяся работа, были какие-то достижения, публикации. Был, и это, может быть, главное, интерес к социологии. Но я не сумею забыть и о тех унижениях и моральных издержках, которые постоянно сопровождали жизнь и творчество в тот период.

Я замечая существование двух (по крайней мере) путей движения к подготовке докторской диссертации. Один путь: аналитик разрабатывает некую тему, обнаруживая в ней все новые аспекты, публикует статьи и книги, выступает на конференциях, приобретает известность в определенном кругу специалистов, оформляет текст диссертации и выходит на защиту. Второй: исследователь задумывает подготовить докторскую диссертацию, подыскивает тему и начинает ее изучать. Все публикации завязываются на будущую диссертацию и так далее. В действительности, такие «чистые» модели не встречаются. Каким было твое движение?

Действительно, «чистых» моделей не бывает, хотя... Я подумал сейчас немного о другом — в плане твоего вопроса — о типах поведения диссертанта. Это на самом деле любопытная проблема. Я бы различал типы поведения авторов кандидатских и докторских диссертаций. Среди первых немало таких, которых волнует не столько исследуемая проблема, сколь-

ко желание стать кандидатом наук – по грубой аналогии со студентами, большинство которых в современной российской действительности интересуют не реальные знания и квалификация качественного специалиста, а «корочки», сам диплом.

Причем у одних желание стать кандидатом наук вызвано такой же мотивацией – нужны «корочки», которые в дальнейшем помогут продвинуться, повысить статус, занять должность, стать руководителем и т. д. Если нет, рассуждают они, тоже ничего страшного, диплом же «кушать не просит», пусть лежит, вдруг пригодится. Другим интересно прикоснуться к науке, найти путь к собственному развитию, доказать себе (часто и другим), что ты можешь, как сейчас часто говорят, это сделать. Конечно, многое зависит от возраста, обстоятельств жизни, профессии, коллектива, семьи... Раньше все это было легче, теперь значительно сложнее. В советские времена путь к кандидатской степени проходил через аспирантуру. Не случайно тогда говорили: «Что ты ходишь дура дурой? Поступай в аспирантуру». Но тогда не было рынка, бизнеса, частной собственности, и возможности продвижения, карьеры были значительно более ограниченными. Сейчас ситуация в корне изменилась, и ценность кандидатской степени значительно снизилась, особенно в материальном плане. Доплата в 3 000 руб. в месяц ничтожна по нынешним временам. Но все же люди приходят писать диссертации, однако крайне редко с какими-либо идеями и интересами. Больше просят предложить посильную для них тему.

Совсем другое дело – поведение человека, пишущего (или желающего писать) докторскую диссертацию. Естественно, изредка имеет место и описанная выше мотивация. Но возникает немало нового. Оно связано с реальными трудностями, которые появились в последние несколько лет в связи с написанием докторских диссертаций. У государства исчез интерес к этой форме научного продвижения людей – и в системе академических институтов, и в высшем образовании. Строго говоря, интерес у него пропал практически ко всему, на что нужно тратить средства и усилия, а остался только на то, где можно найти дополнительные материальные ресурсы.

В конечном итоге, это приведет к гибели существующего режима. Но пока страдают десятки тысяч, а возможно, и боль-

ше людей, которые не имеют условий для самореализации. Нищенские зарплаты, постоянно растущая учебная нагрузка, сокращение научно-педагогических кадров, безграничная бюрократизация научно-педагогического труда, сокращение аспирантуры и докторантуры, ликвидация диссертационных советов (пример: на днях узнал, что в одном из уральских университетов из 16 диссертационных советов остался лишь один, 15 закрыли под разными предлогами)...

Многое можно в этом плане перечислять. Перешагнуть через такие барьеры дано не каждому. Часто люди просто пасуют перед трудностями, связанными с написанием докторских диссертаций и продвижением их к защите. Поэтому сегодня каждая защищенная и в особенности утвержденная (а это еще одна серьезная проблема, утверждение работы в ВАКе подчас превращается в сложнейшее испытание) докторская диссертация рассматривается как героический акт. В 2016 г. на всю Россию, согласно приказам ВАК, было утверждено менее десяти докторских диссертаций по социологии.

Все это была преамбула к непосредственному ответу на твой вопрос – о прояснении ситуации сегодняшнего дня с выбором тем и написанием докторских диссертаций.

Что касается меня и моей докторской диссертации, то она была естественным следствием и продолжением того, что я делал раньше. У меня расширилось и углубилось поле научных интересов. Осталось время (социальное, и в особенности его важная часть с точки зрения реализации принципа свободы – свободное время), и внешне добавилась новая сфера интересов – изучение образа жизни. Но главной «добавкой» стала внутренняя – потребность рассматривать образ жизни под углом зрения использования времени. Деятельностный и темпоральный подходы стали основными. Будучи соединенными, они дали хорошую возможность и для теоретико-методологического, и для эмпирического исследования. Эта же ситуация коснулась и публикаций. Все шло своим чередом, и никаких дополнительных усилий мне не нужно было прилагать. Но в те годы требования к ним не были такими, какие есть сейчас. Не было понятия ваковских, ринцевских статей, статей в зарубежных базах цитирования. Основным критерием значимости работы были публикации монографий

и статей в центральных издательствах и журналах. Такие публикации моментально становились достоянием научной общественности и формировали статус и имидж диссертанта.

В 1973 году ты вынес на защиту докторскую диссертацию по теме: «Свободное время как социологическая категория (соц.-ист. анализ)». Безусловно, в те годы советская социология была новой наукой и требовалась тщательная проработка ее языка. Возможно, сегодня и в будущем читатели с трудом будут понимать, как ты вводил эту категорию. Пожалуйста, поясни. И еще: в скобках указано: соц.-ист. анализ. Имеется в виду «социально-исторический» анализ? Это нечто из того, что развивал А. Я. Гуревич?

В этом большом вопросе я вижу две части (два вопроса): о докторских диссертациях 1973 и 1981 гг. и моем отношении – при написании первой диссертации – к работам и идеям известного советско-российского историка А. Я. Гуревича. Сначала о диссертациях. Скажу сразу: мне не очень приятен этот вопрос. Он заставляет меня снова вспомнить об эпохе застоя и о том, что было связано в то время с авторитарной властью партии и тех, кто старался последовательно осуществлять свою власть, прикрываясь так называемыми высшими партийными интересами.

В своей жизни я столкнулся с двумя категориями таких людей. Это были партийные работники (на уровне руководства отделом науки обкома КПСС) и облаченные высокими научными степенями и званиями люди, узурпировавшие право говорить от имени социологической науки. Когда они объединяются в каких-то позициях, возникает «горючая смесь». Я на себе это сполна испытал.

Начну по порядку. В 1972 г. я представил к защите в диссертационный совет Уральского госуниверситета докторскую диссертацию «Свободное время как социологическая категория: социально-исторический анализ»¹³. В ней я попытался показать сквозной характер проблемы свободного времени (в докапиталистические эпохи – досуга) с точки зрения как

¹³ Зборовский Г. Е. Свободное время как социологическая категория: социально-исторический анализ : дис. ... д-ра филос. наук. – Свердловск, 1973.

его практического использования, так и теоретического анализа (сначала в философии, а затем – с XIX в. – в социологии), доведя исследование до наших дней. Значительную часть работы составлял анализ зарубежной социологической литературы (на английском, французском, польском, чешском, болгарском языках). Для того времени введение в оборот в одной диссертации десятков исследований на иностранных языках было крайне редким и, как показала защита, высоко оцененным. Сейчас этим никого не удивишь, более того, такая вещь является необходимым элементом нормальной диссертации. Но для рождающейся и становящейся на ноги отечественной социологии тогда это было явлением не рядовым. Предваряя последующий ход событий, связанный с защитой работы, скажу сразу, что высшей похвалой для меня (помимо единогласного голосования, один бюллетень оказался испорченным) была оценка диссертации В. А. Ядовым и Л. Н. Коганом: оба были моими официальными оппонентами.

К этому времени сменился председатель совета: вместо уехавшего в Москву возглавлять ИСИ АН СССР М. Н. Руткевича совет возглавил проф. Л. М. Архангельский (сферой его профессиональных интересов была этика), человек совершенно позитивно настроенный к людям (в том числе и по отношению ко мне), но испытывавший давление со стороны обеих обозначенных выше мной двух категорий лиц.

Стоило мне сдать в диссовет работу, как тут же о ней стало известно и в обкоме КПСС, и в Москве. Меня немедленно вызвали в отдел науки обкома и предложили снять с рассмотрения диссертацию на основании того, что я слишком молод и поэтому являюсь социально не зрелым человеком для того, чтобы стать доктором наук. Мне было тогда 33 года. Я спросил, когда же должна наступить социальная зрелость, чтобы я имел возможность защищаться. Мне сказали: дорастите хотя бы до 40 лет. Естественно, я вступил в полемику, не согласился с такой постановкой вопроса и даже привел – в качестве аргумента – пример ранней защиты докторской И. С. Коном, который к 33 годам защитил две кандидатских и докторскую диссертацию. Этот аргумент у партийного начальства вызвал гомерический хохот: вроде как нашел, с кем себя сравнивать. В конце разговора я заявил, что снимать работу не буду, и ушел, услышав вослед (не в первый раз в жизни): вы еще пожалеете об этом.

Придя к Архангельскому, я рассказал ему об этом разговоре, но он уже все знал и предупредил о том, что у меня будут проблемы. Вскоре он вызвал меня на предмет разговора об официальных оппонентах. Один из них должен был быть членом диссовета, в таком качестве он предложил Л. Н. Когана. Второй, по его мнению, должен был представлять Ленинград, который тогда считался крупнейшим социологическим центром страны, и Архангельский назвал фамилию В. А. Ядова. Третий должен был представлять Москву. Поскольку у меня в диссертации было очень много зарубежного социологического материала (его составляли мои собственные переводы с английского, французского, польского, чешского, болгарского языков), нужен был специалист по зарубежным теориям. Архангельский назвал Г. К. Ашина, который возглавлял кафедру философии МГИМО. Тут же мне было выставлено условие получить от каждого из них, помимо письменного согласия, предварительный отзыв (что вообще не требовалось по Положению о защите). Я прекрасно понимал, откуда идут эти требования, тем более что директор ИСИ узурпировал в своих руках все, что можно: он стал и председателем Советской социологической ассоциации, и председателем Экспертного совета ВАК.

Мне ничего не оставалось делать, как принять эти требования. Звоню В. А. Ядову, с которым знаком был лишь шапочно: через него проходили мои статьи в журнал «Философские науки», где он был членом редколлегии и, по-моему, если не ошибаюсь, заведовал отделом. Прошу согласия стать официальным оппонентом, называю тему своей работы. Он мне отвечает: не могу сразу согласиться, пока не прочту работу, статьи у тебя интересные, но статьи — это статьи, а диссертация — совсем другое дело. Сговорились на том, что я ему вышлю диссертацию и через месяц звоню, чтобы услышать его решение. Звоню через месяц и слышу в трубке восторженные слова о работе и о том, что он готов приехать оппонировать в любое время, хоть завтра.

Тот разговор до сих пор в моей памяти, поскольку уже тогда В. А. был для меня кумиром, социологом № 1 в СССР. Естественно, я все это передал Л. М. Архангельскому, равно как и согласие Г. К. Ашина. Л. Н. Коган знал мою работу хорошо, поэтому здесь вопросов не было. После всей этой ис-

тории с мнениями и отзывами оппонентов председатель Совета сказал мне: все, больше я не могу препятствовать с формальной точки зрения защите. Была назначена дата: 5 апреля 1973 г., разрешили печатать автореферат.

За неделю до защиты меня снова вызвали в обком КПСС и строжайшим образом запретили устраивать банкет по случаю защиты, пригрозив в случае нарушения запрета сделать все для аннулирования защиты. Это было как раз то время, когда начали бороться с «послезащитными» банкетами — после появления в печати фельетона на эту тему. Если не ошибаюсь, он назывался «Профессор, закругляйтесь, стынут табака». Фельетон начинался именно этими словами из записки, перехваченной досужим журналистом, сидевшим на защите докторской диссертации, записка же была послана кем-то из зала выступавшему официальному оппоненту.

Мне пришлось после защиты пригласить всех членов совета и оппонентов в мою тесную двухкомнатную квартиру. Приглашение же передано было от имени тещи, у которой якобы в этот день был день рождения. Внизу стоял автобус, и все мы дружно поехали ко мне домой. Участники банкета удивились такому приглашению (чувство юмора не сработало) и, поднявшись в квартиру «хрущевского» дома на 5-й этаж, стали поздравлять тещу, вызвав полное ее недоумение. Когда же поняли, в чем дело, стали хохотать, признав меня за эту шутку достойным степени доктора наук. Сама же защита была весьма напряженной, шла почти четыре часа и закончилась почти единогласным голосованием (один голос был признан недействительным).

Но я не рассказал еще об одной истории, непосредственно предшествовавшей дню защиты. Буквально накануне вечером в Москве проходило заседание Президиума ССА, после которого М. Н. Руткевич пригласил к себе домой Ядова и Ашина распить коньяк, который он привез из Франции. Те стали отказываться, говоря, что им нужно ехать в аэропорт, чтобы улететь в Свердловск на завтрашнюю защиту Зборовского. М. Н. стал им говорить, что плевать на эту защиту, поехали ко мне, машина внизу ждет. Понятно, что мои оппоненты отказались и вылетели ночью в Свердловск. Обо всем этом я услышал от В. А. Ядова, который прилетел вместе с Ашиным и Коганом из Москвы ночью, почти утром в день защиты.

В машине же он мне сказал, что дружочек у меня в Москве «будь здоров» и пакостей от него будет немало, так что готовься к ним.

В. А. Ядов знал, что говорил. Меня долго не утверждали. Как я потом узнал, работу направляли «черному» рецензенту, но он дал очень хороший отзыв. На заседании экспертного совета, где мою работу должны были рекомендовать для утверждения на Президиуме ВАК, Руткевич сказал (пишу со слов члена экспертного совета, который мне спустя несколько лет рассказал об этой истории), что отзыв рецензента хороший, но он написан всего на 5 страницах. Если бы было хотя бы шесть, то тогда можно и утверждать. Поэтому он предложил направить диссертацию еще одному рецензенту – В. Д. Патрушеву. Прошло еще полгода. Потом я узнал, что Патрушев написал «кисло-сладкий» отзыв, причем кислый больше, чем сладкий. В то время я встречался с В. Д. часто на конференциях, смотрю, он все время отводит глаза и ничего не говорит. Я, честно сказать, не придавал этому значения. Потом же узнал, в чем дело. Когда Руткевич стал разгонять коллектив ИСИ, ему понадобились свои верные люди. Среди них оказался Патрушев. Руткевич пригласил его из Новосибирска, ему дали квартиру в Косино, и он отрабатывал свою «верность» новому хозяину, как мог. В эту «отработку» попал и я. Поскольку решение о моей диссертации долго не принималось (прошло около трех лет), мне эта история изрядно поднадоела, и я снял работу с рассмотрения на радость некоторым людям из Свердловска и Москвы.

В это время я заведовал кафедрой в Свердловском педагогическом институте, и на меня стали давить теперь уже с другой стороны – ректората вуза. Поскольку я все еще оставался молодым человеком, но считался хорошим заведующим кафедрой, от меня стали требовать новую защиту. Сначала я долго отказывался, но в какой-то момент уступил и стал думать о новой работе и новой защите. К этому времени я активно занимался изучением образа жизни, мне интересна была эта категория, особенно своей связью с темпоральной проблематикой. В конце концов, появилась работа «Образ жизни и деятельность в свободное время при социализме»¹⁴.

¹⁴ Зборовский Г. Е. Образ жизни и деятельность в свободное время при социализме : дис. ... д-ра филос. наук. – Москва, 1981.

Я ее успешно защитил в Москве, в Московском государственном педагогическом институте в 1981 г. В. А. Ядов снова приехал оппонировать, но когда читал работу и писал отзыв, сказал, что да, эта диссертация неплохая, нормальная, она как все средние работы, та же, первая, 1973 г., была диссертацией блестящей.

А потом снова начались пакости, и опять та же персона, которая была садистски последовательна в своих действиях. Он уже не был директором института, но по-прежнему возглавлял экспертный совет ВАК. Была по его инициативе проведена какая-то дозащита в МГУ. Через два с небольшим года это все закончилось. Утверждению предшествовала его фраза, которую он мне сказал в коридоре во время какой-то мимолетной встречи: все, больше мешать вашему утверждению я не буду. Полагаю, дело не в изменении его отношения ко мне, а в том, что был исчерпан ресурс противостояния с точки зрения чисто формальных требований. На всех уровнях работу оценили позитивно, и ему трудно было этому сопротивляться. Кроме того, на дворе был 1984 год, «вирусы» серьезных перемен носились в воздухе все более явственно.

Теперь та часть вопроса, которая касается А. Я. Гуревича. Использовал ли я социально-исторический анализ проблемы, имевший место у него? Занимаясь социально-историческим анализом времени, рассматривая проблему социального времени как сквозную для всей истории социальной мысли, я не мог не обращаться к творчеству этого блестящего историка. Я делал это и в докторской диссертации (1973), и в книге «Пространство и время как формы социального бытия» (1974). В последней подряд пять страниц (стр. 112–116) были посвящены рассмотрению его взглядов, изложенных в работах 1960–1970-х гг. Я имею в виду, прежде всего, такие его работы, как: «Об исторической закономерности» в кн.: «Философские работы исторической науки» (М. : Наука, 1969); «Время как проблема истории культуры» в журнале «Вопросы философии» (1969, № 3); «Категории средневековой культуры» (М. : Искусство, 1972). В каких-то аспектах проблемы времени, его социально-исторического анализа я соглашался с подходом Гуревича, в каких-то – спорил. Но мой анализ времени как социальной категории и свободного времени как социологической категории шел в другом направлении, чем у Гуревича.

Ну и история! О двух-трех защитах докторских диссертаций мне рассказывали наши коллеги, две или три диссертации, правда, кандидатские, готовил С. И. Голод, но чтобы две докторские по «соседним», но разным темам – не было; ты, в моем поле зрения, – первый. Получается, что ты, подобно Б. А. Грушину, Ю. А. Леваде, В. А. Ядову и другим, попал под «каток» М. Н. Руткевича (напомню, Грушин называл его «бульдозером»). Я понимаю, что прошло много лет после твоей второй защиты докторской диссертации, я понимаю, что для тебя – не очень приятно вспоминать всю ту эпопею. И все же – приоткрой смысл «и» в названии твоей работы «Образ жизни и деятельность в свободное время при социализме». И заодно (вижу, что это «заодно» может потащить широкий круг рассуждений) обозначь твое сегодняшнее отношение к достаточно масштабным исследованиям образа жизни в СССР. В Ленинграде эта тема предлагалась многим, но как-то я встретил И. С. Кона в Публичной библиотеке, он сказал: «Образом смерти я бы занялся, образом жизни – не хочу».

Получилось так, что после защиты докторской диссертации в апреле 1973 г. почти через два года (в феврале 1975-го) меня избрали заведующим кафедрой Свердловского государственного педагогического института. Я очень не хотел идти ни в этот вуз, ни на эту должность. Свердловский обком КПСС заставил меня пойти на эту работу под угрозой применения самых жестких санкций. Мне пришлось буквально впрягаться в новое дело. Особенность моей натуры такова, что я не умею халтурить, и если мне что-либо поручено, то делать это спустя рукава я просто не смогу.

Здесь пришло мне на ум сравнение моей ситуации с названием недавно вышедшего на экраны фильма А. Звягинцева (получившего одну из премий Каннского кинофестиваля 2017 г.) «Нелюбовь». Я эту работу не любил, но делал добросовестно все, что требовалось. А требовалось немало. Вуз считался одним из крупнейших и ведущих в стране педагогических институтов. Меня почти сразу избрали в Научно-методический совет Министерства просвещения СССР. Было много и других общественных позиций и поручений, которые пришлось соответственно занимать и выполнять, конечно,

без всякой радости, просто по необходимости. И одно из самых плохих следствий всего этого заключалось в резко сократившемся объеме времени, которое я мог использовать для научной работы.

Кроме собственных исследований, добавились кафедральные. Всех членов кафедры нужно было объединить каким-то одним, общим научным направлением, поскольку кафедра рассматривалась как единый не только учебный, но и научный коллектив. Должна была быть единая тема, по ней ежегодно нужно было проводить научные конференции и издавать сборники научных трудов. На это давались бюджетные пусть небольшие, но все же средства. Институт имел редакционный отдел, типографскую (издательскую) базу. Кафедра ежегодно отчитывалась о соответствующей работе. То есть все это было серьезно поставлено и считалось одной из основных зон ответственности заведующего.

Передо мною встал вопрос: какую тему взять в качестве ведущей, как определить основное направление кафедральных исследований? Изучив все то, чем занимались преподаватели, я пришел к выводу, что такой «научной крышей» может стать исследование образа жизни. Я предложил тему «Образ жизни: социологический анализ». Мне, однако, «сверху» не разрешили. Скажем мягче: не рекомендовали тему, лишенную идеологической направленности, и предложили «Социалистический образ жизни». В конечном итоге прошел предложенный мною относительно компромиссный вариант – «Образ жизни при социализме». Необходимость именно такого названия я доказывал с помощью многих аргументов, но один из них – наиболее убедительный для партийных руководителей – состоял в том, что при социализме имеет место не только социалистический, но и несоциалистический и даже антисоциалистический образ жизни. И эти типы образа жизни нужно специально исследовать. Так это все продолжалось с 1975-го вплоть до осени 1981 г. (когда я перешел на работу в другой вуз).

В середине 1970-х гг. проблематика образа жизни очень быстро набирала «обороты» в стране, в ИСИ ею занимался сектор И. Т. Левыкина. В Ленинграде тоже этим интересовались, помню работы Игоря Травина на этот счет. По-моему, писал об этом и А. Г. Здравомыслов, даже у В. А. Ядова что-

то было. Но я никак не был связан с другими исследователями, хотя внимательно следил за их работами. Постепенно мне эта проблема стала интересна – только потому, что я соотносил образ жизни (как определенный способ деятельности людей, их групп) с социальным (в том числе очень близким мне по исследованиям свободным) временем. Я стал очень много писать по проблематике образа жизни – как самостоятельной, автономной, так и связанной с временными аспектами, проводил эмпирические исследования на этот счет. Одним из них было многомерное исследование образа жизни учительства, объектом которого стали школьные педагоги Свердловской области¹⁵.

В конце концов я понял, что лучшим средством, инструментом исследования образа жизни является бюджет времени, с помощью которого можно получить совершенно точную количественную характеристику образа жизни любой социальной группы. Каждый вид деятельности в структуре образа жизни и человека, и социальной группы, так или иначе мог быть измерен в расходах на него времени (часов и минут). Соотношение этих временных затрат, их пропорции показывали определенные векторы поведения, интересов, ценностных ориентаций социальных субъектов. Конечно, такие исследования являются очень трудо- (и время) ёмкими. Но такова уж их особенность.

После истории со снятой мною с рассмотрения докторской диссертацией 1973 г. и усилившегося на меня давления ректората с требованием ее защитить я пришел к трем выводам: 1) от меня не отвяжутся, поэтому защищаться придется; 2) нужно сменить тему и даже специальность; 3) нет ничего лучше для достижения этой цели, как соединить в теме время, прежде всего свободное, с образом жизни при социализме, по проблемам которого у меня было много написано и опубликовано. Теперь, я надеюсь, становится понятным, почему тема диссертации 1981 г. получила такое название.

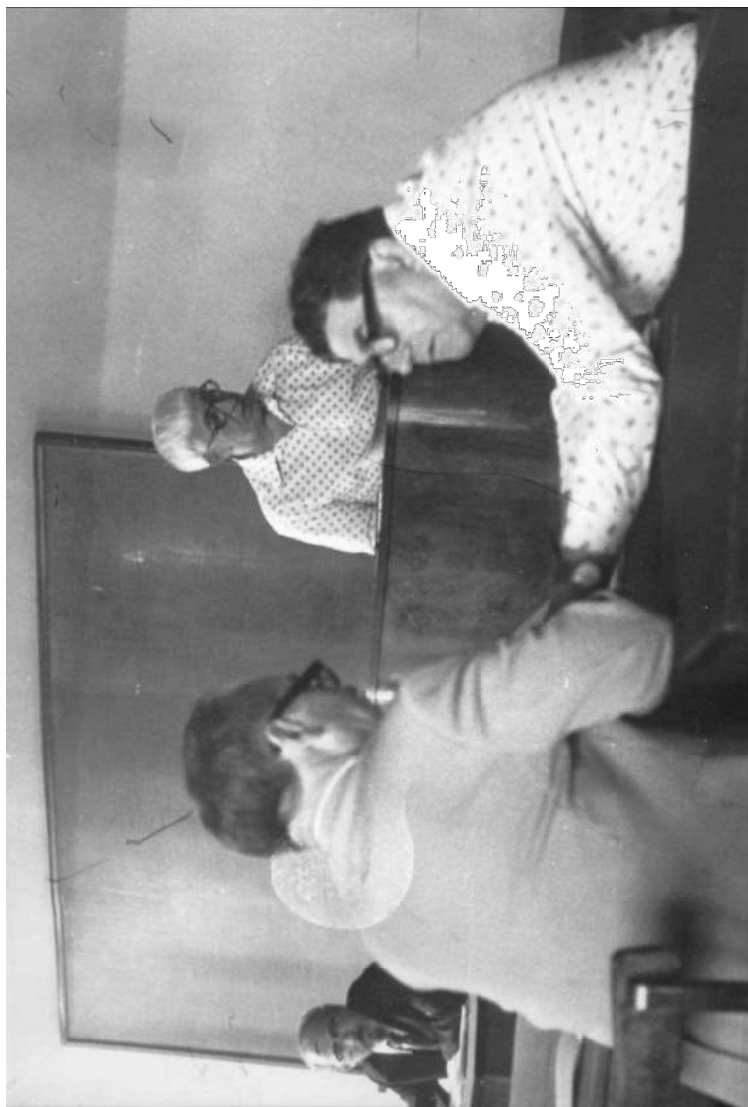
Что касается союза «и», то это был не лучший вариант соединения двух проблем, двух частей, двух моих интересов. Но в Москве, в совете МГПИ, где я защищал работу, это при-

няли. Вообще же я противник использования в таких случаях союза «и», это вариант механистичный, нужно искать органическое соединение, связь, взаимодействие рассматриваемых феноменов.

Теперь о самой проблеме образа жизни. Как известно, в начале 1990-х гг. в отечественной социологии отказались от рассмотрения многих проблем, связанных с социализмом. Такой отказ коснулся и проблематики образа жизни. Однако произошло то, что я определяю, пользуясь формулой классиков, одной фразой: вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка. На том основании, что в литературе образ жизни чаще всего идентифицировался с социалистическим образом жизни, отказались вообще от категории образа жизни. Но категория эта – работающая, и не случайно после 1990-х гг. социологи к ней вернулись, сначала весьма робко, а потом вполне активно.

Я считаю, что образ жизни и его исследование – это весьма значимая и важная социологическая проблема. И то, что в последние 10–15 лет ею вновь стали заниматься, очень хорошо. Здесь не требуется никакой идеологии. Нужен лишь объективный, спокойный анализ социальных общностей, социальных групп в обществе под углом зрения выявления специфики их образа жизни.

¹⁵ Опыт исследования образа жизни учительства / рук. автор. колл. Г. Е. Зборовский. – Свердловск, 1978.

Г. П. Орлов, Л. Н. Коган и я в зале диссовета Уральского госуниверситета

Нина Меньшикова – моя аспирантка 1968–1971 гг.

*Коллектив кафедры в Свердловском педагогическом институте,
1975–1981 гг.*

Подготовка к выступлению на VII Всемирном социологическом конгрессе в Варне, 1970 г.

Интервью московскому журналисту о состоянии профессионального образования в России, МГУ, 1990 г.

Выступление на Уральском турбомоторном заводе с презентацией собственной книги, 1989 г.

ЧАСТЬ 3

Новый формат отношений с социологией (1991–2018)

Гарольд, ясное дело, никакой рассказ о прожитом не может быть четко линейно-упорядоченным во времени, и все же мы стремились к рассмотрению событий твоей профессиональной жизни, развивавшихся до перестройки. Теперь будем постепенно входить в 1990-е, а затем – в новый век. Выше ты вспомнил о своей статье в «Советской культуре» (1989 г.), но о том времени стоит поговорить подробнее.

Свердловск, насколько я помню, был одним из главных центров перестроечных настроений и дел. Достаточно сказать, что две центральные политические фигуры рубежа 1980–1990-х были свердловчанами. Конечно, я имею в виду Б. Н. Ельцина и Г. Э. Бурбулиса. Как ты воспринял приход М. С. Горбачева и его первые социально-политические заявления и трансформации? Был ли ты публично активным? Посещал ли митинги, выступал на них, участвовал ли в выборах как кандидат в тот или иной властный орган?

Прежде чем я буду отвечать на твои непосредственные вопросы, сопровождающиеся вопросительными знаками, хотел бы расширить рамки твоих суждений о Свердловске как одном из главных центров перестроечных дел и настроений, если быть более точным, о значимых персонах из этого города, которые сыграли немалую роль в жизни страны в перестроечный и особенно в постперестроечный период. Сразу хочу высказать свое суждение о двух центральных политических фигурах, которые ты назвал. Позволю себе не согласиться с тобой относительно второй из них. Несмотря на высокий пост, который был занят Бурбулисом в администрации Ельцина, он недолго оставался значимым политическим деятелем. Думаю, что были, из числа свердловчан, не менее серьезные фигуры. Одной из таких я считаю Сергея Сергеевича Алексеева, председателя Комитета конституционного надзора, народного депутата СССР (1989–1991), одного из авторов Конституции РФ, члена-корреспондента РАН. О своих личных впечатлениях о нем скажу чуть ниже.

Со многими из свердловчан, которые переехали в период перестройки и постперестройки в Москву и заняли заметные позиции в руководящих структурах страны, я был лично знаком, поскольку они вышли из академического (в широком смысле этого слова) мира. Если быть более точным, из вузовского. Они обладали учеными степенями и званиями, подчас самыми высокими. К слову, уральцев, которые при первой возможности уезжали в Москву, меткие и злые на язык их коллеги называли «удральцами».

Ты можешь спросить меня: откуда я знал этих людей? Отвечу: не забывай, что я работал 12 лет в Свердловском юридическом институте (с 1963-го по 1975 г.), а многие непосредственные участники и творцы тех процессов, которые происходили в стране в конце 1980–1990-е гг., учились и работали именно в этом вузе и в то самое время, когда я там преподавал. Многих я хорошо знал. И хотя я был переведен из этого очень хорошего вуза в 1975 г. на работу в другой вуз, «на повышение» (против своей воли, но по воле Свердловского обкома КПСС, о чем выше я уже говорил), связи и добрые человеческие отношения с выпускниками и преподавателями юридического института сохранились на многие последующие годы.

А теперь буквально пара примеров о некоторых из моих коллег того периода. В юридическом вузе многие десятилетия, вплоть до переезда в Москву в 1989 г., проработал проф. С. С. Алексеев, о котором чуть выше я уже начинал разговор. Кафедры теории государства и права (которой он заведовал) и философии (на которой работал я) разделяла стенка, но сближала, сближала многолетняя дружба заведующих этими кафедрами – С. С. Алексеева и Г. П. Орлова (об Орлове выше я уже говорил и еще скажу дальше). Оба были заядлыми туристами, вместе обходили и объездили не только СССР, но и ряд зарубежных стран. Естественно, я неплохо знал Сергея Сергеевича, однако большого общения между нами не было. Уже в 1960-х гг. он был авторитетнейшим ученым-юристом, автором большого количества серьезнейших научных публикаций и учебников по теории государства и права. Он создал на Урале большую научную школу теоретиков права и цивилистов.

Авторитет Алексеева был высочайшим, причем на всех уровнях – от студентов до крупных ученых. Говорил он всегда очень тихим голосом. Но на его поточных лекциях, где сидело по 250–300 человек, было слышно, как муха пролетела. Для меня, человека, который читал лекции и продолжает это делать сейчас (правда, уже намного меньше, чем раньше) на высоком эмоциональном накале, это долго оставалось загадкой – до той поры, пока я сам не посидел у него на лекции и не понял секрета Алексеева, бывшего любимейшим лектором у студентов. Ларчик открывался очень просто – ученый «брал» студентов железной логикой своих рассуждений. В те годы лекция была монологом чистой воды, никаких тебе интерактивов, тем более презентаций. Доска, мел, изредка схемы, плакаты, таблицы – вот и все технические средства обучения (ТСО, как их раньше называли). Но он их практически не использовал. Его основным «орудием труда» было слово – живое и печатное.

Мне был хорошо известен образ и стиль жизни С. С. Алексеева, точнее, его профессиональной деятельности – прежде всего через рассказы о нем Г. П. Орлова. Во многом особенности стиля его научной работы, может быть, точнее, способа ее осуществления были созвучны моим. Так, он писал каждый день, без исключений, с утра по 3–4 часа. Принцип «ни дня без строчки» был очень типичен для него, отсюда – большое количество публикаций. Он никогда не читал лекций в первой половине дня, равно как и не приходил с утра в институт. Вторую половину дня Алексеев использовал для работы над литературой, для чтения и редактирования рукописей. У него было много учеников – аспирантов и докторантов. На кафедре бывал не часто, но она работала «как часы». Мне тогда уже пришла в голову мысль о том, что хорошая кафедра – не та, которая хорошо работает при заведующем, а та, на которой полный порядок без него.

Многое мне импонировало в нем как в ученом. Но, скажу честно и откровенно, – С. С. Алексеев не был человеком «многого романа». Мне он казался всегда несколько высокомерным, буквально cedящим слова при разговоре, сухим в общении с людьми. Иногда у меня создавалось впечатление, что ему хотелось демонстрировать свое величие всем окружающим. Естественно, я могу быть неправым в таком суждении и в такой

оценке. Но это, конечно, чепуха в сравнении с его заслугами и достижениями на научной ниве.

Не могу не вспомнить Юрия Скуратова, одного из моих любимых студентов, который стал при Б. Н. Ельцине генеральным прокурором России. Я не хочу касаться того, что с ним происходило в 1990-х гг. (он был прокурором с 1995-го по 1999 г.), что о нем говорили и писали тогда – хотя бы потому, что не могу квалифицированно судить о том периоде в его жизни, да и не моя это задача. Говорю только о том, что лично знаю, что было на моих глазах. Я же видел весь процесс формирования этого человека как специалиста, молодого ученого. Он слушал мои лекции, работал в семинарах, сдавал мне экзамены, студенческие и кандидатские (по философии), в течение 1968–1975 гг. Потом уже, после моего ухода из юридического института, он защитил две диссертации – кандидатскую и докторскую, став в 35 лет самым молодым доктором юридических наук в СССР. В 1989 г. он стал очередным «удральцем». Я как раз летел с ним в одном самолете в Москву, и он рассказывал мне о новом назначении, за которым летел. Когда я его спросил, за каким конкретно, он ответил уклончиво, что есть выбор, и он еще не знает точно, где будет работать в Москве. Но при этом намекнул, что в одной из структур руководства страной, и М. С. Горбачев дал свое согласие на его приглашение.

Здесь я непосредственно перехожу к той части твоего вопроса, которая сопряжена с моими оценками деятельности М. С. Горбачева. Скажу сразу, что в целом к его внутри- и внешнеполитическим делам и заявлениям относился позитивно. Ведь было сделано немало и для социологии. Чего стоило только «открытие» в 1988 г. социологического образования, затем ВЦИОМа! А появление реальной свободы дискуссий, невиданный взлет популярности печатного слова, других средств массовой информации! Уже только за это его деятельность в памяти социологов должна быть удостоена самых добрых оценок. И в моей памяти эти оценки живут и поныне, ничуть не изменившись. Что касается его ошибок, то, конечно же, они были. Некоторые мы видели сразу, другие обнаруживались позднее. Но не ошибается тот, кто ничего не делает (хотя, может быть, в бездействии и заключены самые большие наши ошибки).

Говорить что-либо существенное о своей публичной деятельности, митинговой и политической активности не могу. Ни в какие депутаты я не пробивался, мне это было просто не интересно. Тем более что возможности влиять на общественное мнение и сознание хватало и без этого. Я вел невероятно активную работу лектора, выступая в самых разных аудиториях – от 20–30 человек до 1 000–1 500 слушателей. От приглашений выступить не было отбоя, причем не только в Свердловске, но и во многих городах Свердловской области. Играли свою роль не только содержание и доходчивость лекций, но и свободная форма общения с аудиторией. Я никогда не пользовался текстом. У моих лекций было несколько афиш, которые расклеивались на тумбах, досках объявлений, рекламных щитах. Я думаю, что эта форма публичной активности ничуть не уступала участию в дискуссионных клубах и трибунах, а чисто количественно значительно их превосходила.

Возможно, ты немного расскажешь и о Б. Н. Ельцине? Было ли для тебя удивительным, что на горбачевском Съезде народных депутатов Ельцин вошел в весьма либеральную Межрегиональную группу и вскоре стал одним из лидеров этого наиболее интеллектуального политического объединения? И совсем скоро он стал наиболее популярным политиком СССР и России.

Конечно, я могу рассказывать о Б. Н. Ельцине и много, и немного. Много потому, что всю его деятельность в Свердловске и области я наблюдал и оценивал – до того, как его перевели на работу в Москву в 1985 г. Немного – потому, что вся его жизнь в Москве многократно и по-разному освещалась. И смысла в этих пересказах я не вижу. Лично я был знаком с ним чисто шапочно. Однажды даже был очевидцем его традиционного обхода магазинов. В Центральном гастрономе Свердловска наблюдал такую сцену: Ельцин распекал какого-то полковника милиции за то, что его подчиненные не следят за порядком в этом магазине. Помню, как он ему выговаривал за трех бомжей, которые устроились у входа, говорил о том, что знает этих бомжей в лицо, видит их не первый раз, уже сообщал об этом руководству милиции, а толку никакого. Была зима, на улице было холодно, а у входа в гастроном, между двойными дверями было тепло, и они,

усевшись на полу, распивали спиртные напитки. Все дело в том, что визиты Ельцина в разные магазины были внезапными, никто заранее о них не знал.

Мое короткое непосредственное общение с ним произошло, когда он приезжал из Москвы в Свердловск весной 1990 г. выдвигаться в народные депутаты РСФСР. Он был у нас в вузе¹⁶, долго и горячо выступал перед преподавателями и студентами, отвечал на вопросы. Народу было так много, что пришлось из актового зала вынести все стулья, чтобы больше людей могли его слушать, хотя бы стоя. Принимали его восторженно, много раз прерывали аплодисментами. А потом он прошел по зданию вуза, его основным факультетам и кафедрам. Наш вуз был одной из трех структур, которые выдвинули Ельцина кандидатом в депутаты. Тогда он был в опале, но ректор нашего вуза Е. В. Ткаченко не побоялся устроить ему теплую встречу. А потом, когда при Ельцине премьер-министром страны стал В. С. Черномырдин, последний предложил Ткаченко стать министром просвещения РФ. Не могу достоверно утверждать, что есть прямая связь между встречей Ельцина в нашем вузе и назначением Ткаченко министром, но думаю, что не без этого.

Вхождение Ельцина в Межрегиональную депутатскую группу для меня абсолютно не было удивительным. Он шел к власти и нуждался в поддержке либерально настроенной интеллигенции. Став реально лидером этой группы, он резко прибавил в политической популярности.

Мое отношение к нему было в основе своей позитивным, но я хорошо видел противоречивость его идейных позиций и действий (не говоря уже о чисто личностных, популистских поведенческих характеристиках). В русском языке есть грубоватая, но точная пословица – «Черного кобеля не отмоешь добела». Нахождение на руководящих партийных, государственных, хозяйственных должностях в течение долгого времени не могло не наложить печать на деятельность этого человека. «Отрыжки» такого поведения мы неоднократно наблюдали в течение всего периода нахождения его у власти в России.

¹⁶ Встреча состоялась в Свердловском профессионально-педагогическом институте (СИПИ), ныне это – Российский государственный профессионально-педагогический университет (РГППУ).

В силу приезда к тебе младшего сына мы сделали «гуманитарный» перерыв. Прежде чем вернуться к беседе о постперестроечных временах, прошу тебя рассказать немного о твоей семье. Особенно интересно узнать, не «забил» ли ты социологией или близкой к ней наукой кого-либо из детей, внуков...

Не открою никаких Америк, если скажу, что мы живы и остаемся после своего ухода жить в делах и памяти своих детей, внуков, учеников, коллег, всех тех, с кем были, кого любили, на кого влияли, кому помогали... В этом длинном ряду первое место, конечно, занимают дети, мои сыновья, моя гордость, радость, значительная часть моего счастья (а я считаю себя счастливым человеком). Их у меня двое – Михаил (старший) и Вадим. Первый живет и работает в Екатеринбурге, второй – в Москве. Ни тот, ни другой, ни внук, ни внучка (не знаю, к счастью или к сожалению) не пошли по моим стопам. Все они прекрасно учились в школе и в университете, получили медали и красные дипломы (чего не удалось их отцу и деду, т. е. мне) и работают в областях, весьма далеких от социологии. Старший сын окончил мехмат Уральского государственного университета, подавал надежды в математической науке, его очень хотел взять к себе в аспирантуру мой школьный друг Геннадий Маканин (я о нем выше говорил). Но Миша сказал, что будет заниматься только программированием. Так что он стал компьютерщиком на всю последующую жизнь. Сейчас он работает в одном из крупнейших КБ Екатеринбурга. По его стопам пошли его дети (мои внуки) – Мария и Константин. Маша работает в одной из больших компьютерных фирм города, а Костя живет в Лондоне, прошел серьезный конкурс в Google и работает в нем инженером (занимается «облаками»). Он окончил физический факультет в том же, что я и его отец, вузе – Уральском государственном университете.

Чуть по-иному сложилась судьба младшего сына. В 17 лет он уехал из дома учиться в Москву, в Физико-технический институт (университет). Учась в школе, он побеждал на многих олимпиадах по физике, математике, астрономии, получил, будучи школьником, губернаторскую премию. Проучившись шесть лет в бакалавриате, специалитете и магистратуре, он остался работать в Москве, точнее, в Троицке (сейчас это уже Москва), в институте Росатомпрома (сокращенное название

института – ТРИНИТИ). Защитил кандидатскую диссертацию (если я правильно излагаю, по проблемам безопасности ядерного топлива). Заведовал лабораторией, сейчас он – начальник отдела.

Несмотря на то что в профессиональном плане они далеки от социологии, на самом деле, как мне кажется, они ближе к ней, чем даже некоторые социологи. Особенно это касается старшего сына. Оба – берусь ответственно утверждать – обладают социологическим мышлением. Может быть, этому чуть-чуть способствуют подаренные им мои книги. Кстати, свою «Историю социологии» я посвятил сыновьям.

Мне с ними очень интересно разговаривать на профессиональные (для меня) темы, слушать их подчас неожиданные мнения, суждения и оценки. Когда приезжает младший из Москвы, а сейчас еще и Костя из Лондона, за обеденным столом моей квартиры, на котором обязательно стоят коньяк и вино, наряду с хорошей закуской, разгораются нешуточные дискуссии. В эти моменты я ловлю особенный кайф и ощущаю родительскую гордость. Но, к сожалению, это бывает довольно редко. Зато какой праздник они мне устраивают своими разговорами!

Безусловно, есть повод и для гордости, и для коньяка с вином... Теперь – снова о наших делах... Вопрос – об ощущениях, но и о событиях... Попробуй войти в прошлое и восстановить, как проходило твое осознание изменений в работе... О своем состоянии, если ты захочешь, я смогу написать, правда, многое сразу оборвалось в связи с подготовкой и отъездом в Америку... Ты не помнишь, какой была первая тема твоих исследований, которой не могло быть в принципе до 1985 года? Когда ты почувствовал, что никто не может посоветовать тебе добавить ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма и документы КПСС, если того не требует логика твоего анализа? Когда ушел внутренний цензор, придерживавший твое общение со студентами, аспирантами?

Возможность реальной свободы творчества я ощутил где-то на рубеже 1987–1988 гг. или чуть позже, в 1988 г. Мне сейчас трудно определить это с точностью до месяца (месяцев).

Причем это ощущение не было связано с какой-то новой темой (проблемой), которой я бы стал вдруг заниматься. Я продолжал заниматься тем, что делал до этого времени. Понятно, что исчезли ссылки на документы КПСС, но не на Маркса. К нему я всегда относился глубоко позитивно, видя, с одной стороны, творческий масштаб этой личности, с другой – противоречивость многих его теорий. А вот то, что серьезно повлияло на меня, не поверишь, была приближающаяся, я бы даже сказал, неотвратимо надвигающаяся возможность преподавать социологию и участвовать в создании социологического образования. Я ждал этого часа, я готовился к нему. У нас же не было ни учебников, ни учебных пособий по социологии.

По-моему, в 1989 г. вышла в МГУ «Марксистско-ленинская социология» (или что-то в этом роде). Страшно не понравилась мне эта работа, написанная коллективом авторов. А я в это время уже вовсю читал зарубежные (в основном американские и английские) учебники. Да мне еще мой аспирант привез из Лондона (где он проходил что-то вроде стажировки) в качестве подарка только вышедший, еще «тепленький» учебник Э. Гидденса «Социология 1990-х» – первый его социологический учебник, потом он опубликовал еще несколько самых разных изданий этого жанра. Я стал сравнивать учебники по социологии и даже опубликовал в «Социсе» (тогда он назывался полностью «Социологические исследования») большую рецензию под названием «Учебники по социологии – у них и у нас»¹⁷ («у них и у нас» я позаимствовал из известного и очень популярного в то время анекдота о поведении советского любовника в гостинице Парижа). Сравнение учебников было явно не в нашу пользу, и я подверг критике работу авторов из МГУ. Через некоторое время, спасая честь «социологического мундира» МГУ, тогда еще ленинградские (не петербургские) социологи из ЛГУ стали (тоже на страницах «Социса») отстаивать критикуемую мною позицию и даже в чем-то обвинять меня, не помню уже, в чем. Да это и не важно. Важно другое: уже можно было полемизировать, порой жестко, на тему об идеологической ан-

¹⁷ Зборовский Г. Е. Учебники по социологии – у них и у нас // Социс. – 1991. – № 2.

гажированности социологии, о сохраняющейся ее приверженности идеям ленинизма и КПСС (именно с этим я и дискутировал).

Как раз в это время я стал писать первые свои учебники по социологии, как соло, так и в составе научных коллективов, которыми я руководил. Появление этих учебников и учебных пособий и дало в свое время (в 1993–1994 гг.) В. А. Ядову основание предложить мне поучаствовать в соросовском конкурсе, который закончился для меня выигрышем гранта на издание учебника по социологии уже в Москве (не в Екатеринбурге) в 1995 г.¹⁸

Все это я здесь написал, прежде всего, для того, чтобы сказать: прорыв в новую, «свободную» социологию, лишенную цензуры, для меня начался с написания учебников и преподавания целого ряда социологических дисциплин в вузе, прежде всего теоретической социологии (спустя несколько лет она стала называться общей социологией) и истории социологии.

Другими словами, я почувствовал вкус к свободному самовыражению в той сфере социологической деятельности, которая меня в то время особенно привлекала. Это касалось не только письменной, но и устной речи – лекций перед студентами, докладов на конференциях. Подобной деятельностью продолжаю заниматься и сейчас, хотя совсем не так активно, как еще несколько лет назад. Занятия научными исследованиями постепенно вытесняют все остальное.

Мы не могли не коснуться темы марксизма... Это – существенная часть нашей истории. Не кажется ли тебе, что прощание с марксизмом как базой отечественной социологии прошло как-то тихо, незаметно... Прекратили писать теоретические статьи, сократили часы в курсах философии и социологии, научные коммунисты переучились на социологов и политологов. Или я упрощаю этот процесс?

Если и упрощаешь, то не сильно. В твоём вопросе есть две стороны: одна связана с отношением в обществе, точнее государстве, к Марксу и марксизму, другая – с его восприятием

¹⁸ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Социология. – М., 1995.

социологами. Конечно, в образовательных программах, стандартах, учебных планах все существенно сократилось, если не исчезло вообще. Но, понятно, не во всех. В курсе «Истории социологии» Маркс, естественно, остался. Все дело в том, как его излагать, трактовать, осмысливать. Здесь много зависит от преподавателя. Я знал разных социологов. Представители старшего поколения, которые учились на его работах, в молодости, что называется, заучивали «Манифест» наизусть, естественно, с трудом «отходили» от Маркса.

Не буду ходить далеко за примерами. Вот горячо любимый мною Георгий Петрович Орлов, про которого я уже писал и с которым меня связывают более полувека самых теплых, поистине дружеских отношений. Много лет я работал на кафедре под его руководством, и это был один из лучших и памятных периодов моей вузовской жизни. Когда мы писали с ним вдвоем один из первых учебников «Введение в социологию» (за который в 1992 г. получили первую премию Уральского госуниверситета и на который до сих пор можно увидеть ссылки)¹⁹, ожесточенно спорили по поводу буквально каждой возможности включить в текст упоминание о Марксе. Иногда он просто просил меня как о дружеском одолжении сделать это, сопровождая каждую такую просьбу разговором о том, что не может он смириться с меняющимися представлениями относительно Маркса, его трактовок классов, пролетариата, коммунистической формации, ее первой фазы – социализма и т. д. Мне в этих случаях было не легче, чем ему. Я доказывал, аргументировал ненужность частого обращения к творчеству Маркса, приводил позиции и точки зрения других социологов, с которыми нужно было в первую очередь знакомить студентов, отстаивал идеи плюрализма методологических подходов. Это был тот типичный случай, про который говорят: «Платон мне друг, но истина дороже». Я даже переиначил этот афоризм на «Орлов мне друг, но истина дороже» и иногда использовал его в спорах с Георгием Петровичем.

При этом я не отрицал значения ряда идей Маркса для развития социологической науки и общества. Но уже тогда в дискуссиях часто говорил: идя назад, я с Марксом, идя вперед,

¹⁹ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Введение в социологию. – Екатеринбург, 1992.

я не с ним. Сами термины «назад» и «вперед» имели для меня двойственный смысл. Во-первых, по отношению лично ко мне: раньше, до начала 1980-х, я разделял все взгляды Маркса, потом отказался от многих из них. Второй смысл состоял в том, что его суждения, концепции, выводы, обращенные к прошлому, к истории, я чаще всего принимал, а его прогнозы, связанные со становлением коммунистической формации, социализма, диктатуры пролетариата и компартии, – нет.

Сейчас мало кому придет в голову утверждать, что Маркс – не социолог. А тогда, в 1970-х, даже в 1980-х гг., многие авторы писали, что он – величайший экономист, даже философ, но только не социолог. И один из главных аргументов состоял в том, что за всю свою жизнь он ни разу не использовал термин «социология», тем более, никогда не причислял себя к социологам. Подлинные причины Марксова негативного отношения к этому термину не объясняли, скорее всего потому, что не знали. Не случайно западные социологи обвиняли советских социологов в плохом знании Маркса, и это несмотря на то, что мы считали марксизм альфой и омегой отечественного научного общественнознания. Мне тоже по поводу того, что я плохо знаю Маркса, как-то досталось на орехи от Ж. Дюмазедье, о чем я уже писал выше.

Когда я начал преподавать социологию, сначала в очно-заочных школах будущим заводским социологам, затем как факультатив в вузе и только с конца 1980-х – начала 1990-х – как полноценную учебную дисциплину в качестве авторского курса (тогда еще не было ни учебников, ни утвержденных программ), то обязательно делал историко-социологические вкрапления в курс и в них рассматривал место и роль Маркса в социологии. Я-то всегда считал его одним из крупнейших социологов, а соответствующую закалку получил, когда писал докторскую диссертацию и книгу «Пространство и время как формы социального бытия». Как раз тогда вышли работы Маркса по теории времени (в том числе свободного), опубликованные, в том числе, в т. 46, I и II частях. Они были мною (и Г. П. Орловым также, мы делали это вместе) проштудированы.

Но вернусь к твоему вопросу. Действительно, Маркса забывают. Перестают его читать. К слову сказать, вообще гораздо меньше читают, я это вижу по характеру сносок: чаще

всего ссылаются на работы целиком, без цитирования конкретных текстов. Для меня это – показатель. Когда ты серьезно работаешь с чьим-либо произведением, ты его разбираешь детально, «по косточкам». Когда же тебе надо продемонстрировать эрудицию, написать в конце главы в книге или статьи большой «поминальник», ты в подстрочнике просто указываешь работы (или работу) какого-то автора.

С трудами Маркса так поступать трудно, они требуют конкретного рассмотрения. Это – один из факторов, объясняющий все более редкое обращение к работам классика. Впрочем, я не уверен, что до конца прав в этом суждении. Но факт остается фактом: интерес к Марксу и марксизму существенно снизился. И усугубляется эта ситуация вследствие ухода из жизни многих представителей старших поколений, исповадовавших марксизм как религию. Посмотри на наши ведущие социологические журналы. Много ты найдешь там ссылок на Маркса и его последователей? Наверное, Буравой – один из редко встречающихся среди них. А если взять отечественных авторов, ситуация будет еще хуже.

Четыре года назад, в июне 2013 г., а потом еще дважды я интервьюировал академика Геннадия Васильевича Осипова. Пока использовал лишь малую часть его воспоминаний, а они очень интересные. В частности, Осипов сказал: «...мои исследования работ Ленина привели к выводу, что он работ Маркса, Энгельса не читал. Он перелагал, переписывал и излагал цитаты из Маркса и Энгельса, которые находил в трудах Э. Бернштейна и К. Каутского. Я не нашел ни одной цитаты, которая была бы взята Лениным из оригинального источника». Так что описанная тобой ситуация, похоже, имеет давнюю историю. А как ты думаешь, если придет серьезный молодой социолог и заявит, что хотел бы написать диссертацию по проблеме (характеру) изменения отношения советских/российских социологов к марксизму, получит этот человек поддержку в диссертационных советах?

Для начала нужно, чтобы он получил поддержку в выборе своей темы, чтобы нашелся научный руководитель, который взялся бы консультировать соискателя по такой проблеме. Я не уверен, что среди отечественных специалистов оказа-

лось бы много желающих выступить в такой роли. Тем более сейчас, когда историко-социологическая проблематика находится в таком «загоне». У нас и диссертационных советов с этой специальностью почти не осталось. В совете Уральского федерального университета, членом которого я являюсь, такая специальность есть, но когда была защита по истории социологии в последний раз, я даже вспомнить не могу. В течение последних 5 лет точно не было ни одной. Одна из причин такой ситуации состоит в том, что молодое поколение отечественных социологов не очень привлекает историко-социологическая проблематика: нужно много читать первоисточников, да зачастую еще и на иностранных языках. Гораздо проще выбрать тему, связанную с проведением эмпирического исследования. Быстро появляются новые социальные феномены, которые требуют своего изучения. Диссертанту всегда удобнее включиться в какой-то научный коллектив, внести свою лепту в проведение исследования и по его материалам написать диссертацию, я имею в виду кандидатскую работу. Здесь пока дело обстоит относительно терпимо (не могу сказать, благополучно). Но количество защищающихся все же резко сократилось.

С докторскими дело обстоит намного сложнее, я бы сказал, почти катастрофично. Люди панически стали бояться не только защит, но и написания работ. Я внимательно следил за приказами об утверждении в докторской степени по социологии по итогам защит в 2016 г. У меня была на то причина: две мои докторантки защищались именно в 2016-м. Я не мог поверить глазам: за весь год были утверждены в степени менее десяти человек, хотя защит состоялось гораздо больше, примерно 20. Очень напряженной стала ситуация в диссертационных советах. За полученное второе замечание совет могут прикрыть. Отсюда – стремление руководства советов тысячу раз перестраховаться.

Я знаком со многими председателями советов и их заместителями. Они себя в большинстве чувствуют как на вулкане. Скажу честно: я бы не хотел быть на их месте.

В таких условиях проблема выбора темы упирается зачастую уже не столько в научный, сколько в конъюнктурный интерес. Это – еще одно из моих объяснений в связи с гипотетической ситуацией, вытекающей из твоего вопроса.

Что же касается позиции диссертационных советов – в случае, если бы вдруг предложенная тобой тема была выбрана, диссертация по ней написана и стала предметом защиты, многое зависело бы от диссертанта: что и как бы он говорил, какую позицию занял бы и, главное, как бы ее отстаивал. Зачастую умение отстаивать свою точку зрения, отвечать на вопросы является характеристикой диссертанта не в меньшей степени, чем сама работа. По крайней мере, я, как член диссертационных советов с 35-летним стажем, могу сделать такой вывод.

Гарольд, пока ты предстаешь в основном как социолог-теоретик, методолог. Приходилось ли тебе заниматься прикладными (раньше говорили – конкретными) исследованиями? Пожалуйста, освети подробнее этот аспект своей деятельности. Особенно меня интересует, как новые реалии отразились на этой стороне академических, университетских ученых. Раньше ведь как было? Если обком КПСС поручал проведение опросов, то руководство заводов, фабрик, любого рода организации получало «сверху» звонок типа: «Там к тебе социологи зайдут, ты уж им помоги!» А как теперь?

Приходилось ли мне заниматься эмпирическими (конкретными) исследованиями? Да, конечно, и немало. Мне импонирует мысль Н. И. Лапина о том, что социологом может считать себя только тот, кто провел от «А» до «Я» хотя бы одно социологическое исследование. Я и сам так думал с достаточной давней поры. Но от него я услышал это раньше, чем сам сказал (точнее, сказал бы) об этом публично. На раннем этапе (с 1963 г. до начала 1970-х) это было исследование свободного времени школьников, которое мы проводили по заказу АПН СССР и просьбе журнала «Советская педагогика» (в нем была опубликована статья по материалам исследования свободного времени школьников, ссылка на эту статью давалась ранее). Это было самое первое эмпирическое исследование в моей жизни. Потом появились исследования бюджетов времени студенчества.

Во второй половине 1970-х гг. под моим руководством было проведено многомерное исследование образа жизни учителя Свердловской области (одно из первых в стране),

которое мне доставило кучу проблем и неприятностей (об этом нужно говорить специально), из-за этого исследования я чуть было не поплатился работой и партбилетом. В 1980-х гг. я руководил исследованиями в системе профтехобразования, в первую очередь инженерно-педагогических работников. Кроме того, кафедра, которой я заведовал, вела хозяйственные исследования (опять же под моим руководством) на двух крупных уральских заводах – Турбомоторном в Свердловске и Автозаводе в Миассе (в Челябинской области) – это завод по производству знаменитых (или печально знаменитых) грузовых «Уралов». В 1990–2000-х гг. мы исследовали проблемы образования (самые разные и в разных типах образовательных учреждений). Из исследований последних лет (после 2010 г.) назову крупную работу по проблемам социокультурной адаптации и обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе (это один из самых мигрантоемких регионов, поскольку он очень богат – там добывают нефть и газ). По его итогам была издана большая монография (около 30 п.л.)²⁰. В «Социсе» вышла наша статья по материалам этого исследования²¹. Еще одно большое эмпирическое исследование в этом округе было проведено в 2013 г. Оно было посвящено проблемам учительства как социально-профессиональной общности. Материалы исследования нашли отражение в монографии²².

С моим переходом в Уральский федеральный университет на кафедру социологии и социальных технологий управления (сейчас она называется кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления) начался новый этап в подготовке и проведении эмпирических исследований. Они осуществляются по трем основным направлениям: образование, прежде всего высшее; время и темпоральные стратегии поведения; волонтерство. Развитию эмпирических исследований в рамках этих направлений спо-

²⁰ Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. – Ханты-Мансийск, 2012.

²¹ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социс. – 2013. – № 2.

²² Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность. – Тюмень, 2013.

собствуют выигранные гранты трех основных научных фондов страны: РНФ (Российский научный фонд), РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований) и влившийся в него, а до прошлого года самостоятельный РГНФ (Российский гуманитарный научный фонд). В прошлом году грантов было пять, в этом году – четыре. Но и этого «выше крыши». Для осуществления грантовых исследований сложился дружный и хорошо работающий научный коллектив из 10 человек.

Чтобы руководить названными исследованиями, да еще и участвовать самому в них непосредственно, нужно заниматься только этим. Вот я и кручусь. Ради грантов приходится отказываться от педагогической нагрузки. Это привело к тому, что я с 1 сентября 2017 г. занял новую для себя (и для других тоже) должность профессора-исследователя. Она освобождает меня от необходимости вести учебный процесс и позволяет сосредоточиться на исследованиях. Разумеется, сохраняется за мной научное руководство докторантами, аспирантами, магистрантами. Но главное, конечно, гранты, исследования, публикации.

Один из проектов требует особого внимания и большой работы. Называется он «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в макрорегионе в условиях экономической и социальной неопределенности». Объектом исследования стало высшее образование в Уральском федеральном округе, а это шесть регионов – четыре области (Свердловская, Челябинская, Тюменская, Курганская) и два автономных округа (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий). В округе учатся более 300 тыс. студентов и работают 18 тыс. преподавателей – в 53 самостоятельных вузах и большом количестве филиалов (хотя многие из них уже закрыты, а некоторые готовятся к этому).

Идут серьезные исследования темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей, изучаются различные возрастные группы. Здесь роль «закоперщика» играет П. А. Амбарова. Другую группу исследований, посвященных волонтерству, ведет М. В. Певная. Будучи молодыми докторами наук, обе они проявляют высокую научную активность. Смотрю на них, радуюсь и горжусь. Растет прекрасное поколение исследователей. А если к этому добавить, что они за-

мечательные мамы (у одной – два ребенка, у другой – три), к радости и гордости присоединяется восхищение.

Приведенные выше темы и направления эмпирических исследований далеко не исчерпывают перечень проведенных эмпирических работ, многое еще можно было бы вспомнить. Думаю, что десятка два исследований, не меньше, было проведено с моим участием и под моим руководством. В этой сфере социологической деятельности я очень активно сотрудничал с начала 1990-х гг., по существу последние 25 лет, с моей ученицей Еленой Антольевой Шуклиной. Она у меня писала кандидатскую и докторскую по проблемам социологии самообразования; она – профессор, доктор социологических наук. У меня с ней в соавторстве издано несколько книг²³ и есть очень много самых разных других публикаций. Елена Анатольевна – прекрасный специалист в области методологии, методики и техники социологических исследований.

Теперь по второй части вопроса, интересующего тебя. Ты спрашиваешь о новых реалиях, возникших в связи с проведением академическими учеными эмпирических исследований. Смысл вопроса: помогает ли власть в их осуществлении, как это бывало (правда, далеко не всегда) при Советской власти. Отвечу анекдотом: «Мама приходит однажды домой в новой шубе, а дочь ее восхищается шубой и задает вопрос: ой, мама, это тебе папа купил? Мама же небрежно отвечает: твоего папу ждать, и тебя бы не было». Именно такие отношения в проведении эмпирических исследований складываются между социологами и властью имущими, начиная с 1990-х. Власть у нас живет, как шутят простые люди, в век электричества: ей все до лампочки, и социологические исследования – тоже. Но только до той поры, пока они не становятся «кусачими». Здесь четко работает принцип: спасение утопающих есть дело рук самих утопающих.

²³ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология. – М., 2004; Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М., 2005; Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология педагогического образования. – Сургут; Екатеринбург, 2011; Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Эмпирическая социология. – Сургут; Екатеринбург, 2016.

Прекрасно, мама нашла выход, радуется дочке и шубе... Какие варианты есть у академических социологов? Гранты позволяют проводить поле? Издавать книги?

Грант гранту – рознь. Все зависит от задачи, которую следует решить с его помощью, коллектива, который задействован в его выполнении, наконец суммы гранта. Есть гранты, которые даются специально на написание книги, есть – на ее издание. Вот тебе конкретный пример и конкретный расчет. Недавно РФФИ установил пределы: если не нужны полевые (археологические и иные) исследования с выездами, то объем финансовой поддержки составит не более 700 тыс. руб. При этом в составе научного коллектива не может быть более 10 членов. Вот и начинаешь ломать голову: на что тратить деньги (а предварительная смета обязательно должна быть представлена в заявке)? На командировки? На зарплату? На проведение исследования? Сочетание всех этих позиций невозможно – просто на все не хватит этой суммы (не забывай, что 15 % от суммы гранта оставляет себе университет). Значит, должен быть сделан выбор. А если руководитель счел необходимым поставить на первое место эмпирическое исследование, которое по определению не может быть дешевым? Кроме его организации и проведения, нужна обработка полученных данных, нужна аналитика. За все это необходимо платить.

А теперь представь, что в условиях всеобщего секвестрирования расходов руководство фонда сочтет необходимым сократить оплату. Но это решение принимается уже после того, как заявка принята. И ты либо выполняешь записанные в ней обязательства, либо не делаешь этого. Есть третий выход – отказаться от гранта в связи с отсутствием нужных ресурсов для его выполнения. Второй и третий случаи ведут к тому, что в следующий раз твоя заявка может и не выиграть.

В прошлом году удалось наблюдать такую картину. Научный коллектив, состоявший из шести человек, заявил важную и интересную тему, разработка которой потребовала проведения серьезного и глубокого эмпирического исследования. Заявка выиграла. Но вместо 800 тыс. руб. коллективу дали только 360 тыс. А после того, как свой процент забрал университет, осталось 320 тыс. И пришлось все эти деньги израсходовать, прежде всего, на исследование (не губить же

грант), а зарплата оказалась – после выплаты налогов – почти символической.

Сейчас в России появился один фонд (после принятия решений об отказе от сотрудничества с зарубежными фондами), который предоставляет большие гранты, исчисляемые несколькими миллионами рублей. Это Российский научный фонд. Но получить такой грант очень трудно. Зато при удачном исходе событий можно проводить по-настоящему серьезное теоретическое и эмпирическое исследование. Опять же, эта работа требует серьезных публикаций, и не только в отечественных, но и в зарубежных изданиях.

Вывод очень прост: при желании и умении (а также некоторой везучести) можно выигрывать под серьезные проекты гранты, и не один. Но для этого нужно работать, причем много.

Чуть раньше мы с тобой обсуждали вопрос об изучении образа жизни. А нельзя ли предположить, что среди факторов, обстоятельств, которые в последние годы создают трудности на пути тех, кто задумывается об изучении образа жизни, немалую роль играют и финансово-организационные трудности, препятствия? Вспомним советское время, когда многие масштабные полевые работы проводились при поддержке партийных органов разного уровня, руководителей предприятий и территориальных образований. Если, скажем, секретарь областного комитета КПСС договаривался о помощи, тогда нередко говорили «ученым», с секретарем парткома крупнейших в области, возможно – в стране, предприятий, то решение массы вопросов автоматически упрощалось. Использовались заводские мощности для тиражирования документации, открывался доступ в цеха и разные подразделения предприятия, выделялись анкеты для проведения опроса, и подключались люди для кодирования, обработки информации. В небольших городах, сельской местности можно было «нагрузить» анкетами местных учителей, комсомольский актив... Все это в прошлом. Теперь деньги на исследования можно получить лишь от тех или иных фондов. Но я совсем не знаком с этим механизмом. Какова вероятность получения, скажем, кафедрой социологии,

такой величины гранта, чтобы провести обстоятельное изучение образа жизни населения Екатеринбурга, включая и замеры временных затрат по широкому спектру видов деятельности?

Ты наступил на одну из больших мозолей современной отечественной социологии. Органам власти и управления социологические исследования сейчас, что называется, «на дух» не нужны. Нет, власть не против них (при условии, что они не затрагивают ее интересов и не наносят ей имиджевого ущерба). Но о финансировании и речи быть не может (если только власти, равно как и бизнесменам, стремящимся в нее попасть, не нужно социологическое обеспечение электоральных процессов). Потребность в социологических исследованиях и в советское время испытывали далеко не все, когда у властных структур и руководителей крупных предприятий были возможности их организации и проведения. Тем не менее, благодаря использованию этих возможностей и проводились интересные (в том числе масштабные и даже уникальные по-своему) эмпирические исследования. Сейчас же ситуация в корне изменилась. В социологии (конечно, и не только в ней) мы имеем тот случай, когда спасение утопающих становится делом рук самих утопающих.

Ты прав, когда говоришь о финансировании эмпирических исследований, которое, действительно, зависит от получения специального гранта. Объемы финансирования таких исследований могут варьироваться в большом диапазоне – от нескольких десятков тысяч до многих миллионов рублей. Конечно, масштабное изучение образа жизни населения Екатеринбурга, включая исследования бюджета времени основных групп населения, о чем ты спрашиваешь меня, относится к числу весьма затратных и по существу уникальных. В мегаполисах такие исследования еще не проводились. Но здесь сразу же возникает еще один, не менее значимый, чем финансирование, вопрос: а кому это нужно? кто в этом заинтересован? Думаю, что сегодня это никому не нужно, но очень хотел бы ошибиться в своем суждении.

Чуть дальше я вернусь к поставленному вопросу. Пока же обратимся к проблеме финансирования. Небольшие и средние гранты, которые выигрывают социологи в конкурсах, объявляемых РФФИ, не позволяют провести крупные эмпи-

рические исследования. А нужны миллионные и многомиллионные гранты. После того как в России по существу была запрещена деятельность зарубежных фондов (в последние 5 лет), возможности социологов резко сузились. Держателей грантов РФФИ среди социологов можно посчитать по пальцам, точнее – по ссылкам в ведущих социологических журналах. Получение таких грантов сопровождается целым рядом непростых условий: наличием крупных, хорошо известных исследователей в составе научного коллектива, проводивших ранее по близкой к проекту теме работы и обладающих значительными публикационными достижениями в этой области; взятыми на себя большими обязательствами по теме проекта; гарантиями многих и серьезных публикаций, особенно в изданиях, индексируемых в международных базах цитирования (Web of Science, Scopus); введением в состав коллектива научной молодежи (не менее половины от общего количества участников, а коллектив должен быть не менее 10 человек) и т. д. А где сейчас найти способных и растущих молодых социологов, желающих преуспеть на научной ниве? Это серьезная проблема, я думаю, мы с тобой ее не обойдем. Предвижу, что проблемы социологического образования и продвижения молодежи станут важным предметным полем наших обсуждений. В результате такие гранты (РФФИ) получают буквально считанные группы социологов. С гордостью могу сказать, что нашему исследовательскому коллективу – научной группе УрФУ под моим руководством – удалось выиграть такой грант на три года.

Масштаб этого исследования потребовал создания серьезного, большого научного коллектива. Уже в 2016–2017 гг. мы провели ряд эмпирических исследований по проблемам высшего образования в Уральском макрорегионе, в том числе и анкетный опрос (выборка включила 810 преподавателей и 1 860 студентов). В состав научного коллектива, кроме твоего покорного слуги, вошли три профессора, доктора наук, хорошо тебе известных, – Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова и М. В. Певная. С нами работают еще шесть человек – доценты, кандидаты социологических, философских и экономических наук, одна аспирантка. Мне приятно отметить, что из десяти человек, членов научного коллектива, семь – мои личные ученики, бывшие и настоящие докторанты и аспиранты. Разу-

меется, мы привлекаем к исследованию студентов – будущих бакалавров, магистров.

Здесь я перехожу к уже поставленному выше вопросу – о заинтересованности тех, у кого власть и деньги, в проведении крупных эмпирических исследований. Сегодня едва ли не главная задача социолога, стремящегося получить финансирование своего проекта, состоит в обладании искусством и мастерством, я бы сказал, научного маркетинга. От того, как убедительно, может быть даже красиво, подать главную идею проекта, показать ее научную и общественную значимость, зависит очень много в возможности получения его финансирования. Немалую роль играют и имидж социолога, его прежние научные заслуги, которые для грантодателей служат определенной гарантией выполнения проекта.

Одно из основных условий получения гранта – качественно написанная заявка. Ее подготовка требует немалых трудозатрат, поскольку приходится заполнять очень много порой непростых форм, требующих четких формулировок на ограниченном пространстве текста. Многие социологи изначально боятся такой работы: мол, времени и труда потратишь много, а результат абсолютно не гарантирован. Это нежелание участвовать в конкурсах часто бывает характерно для тех, кто уже пробовал получить грант, но терпел при этом неудачу. Других, наоборот, неудача может «раззадорить», а необходимое упорство способно привести к достижению цели. Все, как в жизни, на которую накладывают печать конкуренция, рыночные отношения, борьба.

Я знаю немало социологов, у которых в этой сфере профессиональной деятельности бывали и взлеты, и падения, да и сам отношусь к их числу. Когда я работал в Гуманитарном университете (а это негосударственная образовательная организация, хотя научно-педагогический персонал в этом вузе был достаточно сильным), наряду с получением ряда грантов, некоторые, причем очень хорошие, как я их называю – «красивые», заявки не получали одобрения. Косвенным путем я узнавал о том, что причиной этого был статус вуза – негосударственный. Государственный фонд не поощрял научную деятельность в таком вузе. Это негативно сказалось на моей активности в написании заявок на получение грантов и явилось одной из причин ухода из названного университета.

В Уральском федеральном университете, куда я перешел, ситуация в этом плане диаметрально противоположная. Так, в последние несколько лет практически все заявки на гранты с моим участием (а в ряде из них с официальным руководством) получили одобрение соответствующих фондов.

Безусловно, это – серьезные и по тематике, и по организации проекты. Наверное, гранты предусматривают подготовку и издание сборников и итоговых монографий, проведение серии научных семинаров. Есть резоны бороться за подобные гранты. Хотел бы расспросить тебя о некоторых содержательных и методико-инструментальных аспектах этих исследований, но, чтобы не очень далеко удаляться от вопросов, на которые ты ответил недавно, предложу тебе высказаться по одной личной теме, редко затрагиваемой в нашей историко-биографической литературе.

Гарольд, не думал поднимать эту тему, но, еще раз перечитав написанное тобой, все же спрошу: у тебя в те годы, когда тебя «мурыжили» с приемом в партию, с прохождением твоей докторской диссертации, не возникала мысль об эмиграции? Ты был молод, опытен, с языками и преподавательским опытом... Возможно, не сразу, как в случае с Владимиром Шляпентохом, но нашел бы и работу.

Есть такая фигура речи, которую я не очень люблю, – хороший вопрос. Конечно, я должен был бы использовать ее каждый раз, отвечая на все твои предшествующие и последующие вопросы. Но здесь случай особый. В отличие от некоторых других твоих вопросов (например, о моих докторских диссертациях), на этот мне отвечать не трудно, хотя бы потому, что не ты первый мне его задаешь. У меня было несколько «юбилейных» интервью журналистам радио «Эхо Москвы» в Екатеринбурге – перед 70- и 75-летием. И один из вопросов был примерно таким, каким задал мне его ты, но, разумеется, без отсылок к отъезду некоторых отечественных социологов на ПМЖ за границу. Такой вопрос обсуждался мною в разговорах с коллегами и старшими товарищами, прежде всего с Л. Н. Коганом и Г. П. Орловым. Да и младшие коллеги «не гнушались» его задавать, при этом, прав-

да, извиняясь за «причиняемые неудобства». Так что опыт ответов я приобрел.

Свой ответ я бы разделил на две части, первая до 1990-х гг., вторая после них. Чисто хронологически они связаны с двумя важнейшими периодами в истории нашей страны. Вся «фишка» заключается в том, что они одновременно стали и периодами моей индивидуальной судьбы и моих личных решений. Произошло своеобразное наложение особенностей и обстоятельств моей профессиональной и личной жизни на хорошо известные причины и обстоятельства социального характера, обусловленные фундаментальными политическими и экономическими изменениями. Я не думаю, что нужно искать здесь глубокие внутренние связи между личным и общественным, хотя игнорировать их полностью я бы тоже не стал.

Одним из моментов этой связи явилась отмена цензуры. Для меня лично это значило очень много – не потому, что у меня из-за нее было много неприятностей. Как раз нет, всего два или три раза я сталкивался с определенными ограничениями. Но думать каждый раз: это писать или нет, так можно писать или нельзя, приведенное суждение вызовет вопросы или пройдет спокойно... И тут – запрет КПСС и всего того, что связано с деятельностью ее институтов и организаций.

Второй момент – появившаяся возможность читать многое из запрещенного ранее. Третий момент – открывшиеся границы и, как следствие, поездки за границу, причем куда угодно и когда угодно, были бы только деньги. Четвертый момент – возможность продвижения по работе, занятия более высоких должностей (хотя национальный вопрос до конца снят так и не был).

Перечислять подобные вещи, характеризовавшие связь между личными устремлениями к свободе во всех ее проявлениях и заметно снизившимися барьерами к ее достижению, можно и дальше. Но надо ли? Я привел эти социальные факты в качестве аргументов моей общей позиции – не эмигрировать из России, а если это делать, то только в крайнем случае резкого, взрывного роста антисемитизма. Определенные предпосылки к этому в 1990-х гг. имелись. В начале этого века уехали (преимущественно в Израиль) многие мои коллеги (не социологи) и родственники. Один двоюродный брат уехал в Милуоки (США), другой – в Хайфу (Израиль). Звали меня,

убеждали. Я их спрашивал: а что я буду там делать? Они к тому времени были почти пенсионерами по возрасту, там жили их дети. У меня же никого там не было. Я говорил им: уеду только в крайнем случае, если на дверях будут рисовать кресты и свастики. Мне отвечали: не успеешь. Слава богу, обошлось.

Важной причиной, которая объясняет мое решение остаться (а если уезжать, то только в случае самой крайней необходимости, связанной с риском для жизни), стала боязнь потерять любимую работу: читать лекции, писать книги и статьи, учить студентов и аспирантов, помогать докторантам в осуществлении их диссертационных исследований. Мое знание английского не настолько хорошо и свободно, чтобы я мог его использовать в качестве основного и работать на нем за границей. Заниматься иным делом мне не хотелось. Все самые близкие родственники, прежде всего оба моих сына, несмотря на получаемые предложения работы за рубежом, не хотят уезжать из России.

Не скрою, временами жить в родной стране бывает мерзко и противно. Экономика идет под уклон, все валится, никакой серьезной перспективы роста пока не видно. Про коррупцию и воровство не говорю. Полный полицейский произвол. Страшно не только выходить, но и смотреть на митинги и демонстрации. Избивают дубинками детей и стариков. Конечно, я не молчу и всеми доступными способами выражаю свою позицию: пишу, даю интервью, выступаю на радио... Но мой возраст и возможности в связи с ним весьма ограничены. В вузах идут сокращения, «сливают» кафедры и подразделения, увольняют преподавателей, повышают нагрузку без увеличения зарплаты. Ничуть не удивлюсь, если и меня коснутся подобные перемены, хотя я считаюсь очень эффективным профессором: много пишу в высокорейтинговых изданиях, выигрываю престижные гранты, которые приносят университету немалые финансовые блага и усиливают его авторитет, успешно готовлю кадры – докторов и кандидатов наук.

Так что все непросто в этой жизни и в моей стране.

Ты был участником всех пяти съездов (конгрессов) российских социологов, в том числе и двух последних – в Уфе (2012) и Екатеринбурге (2016). Что тебе запомнилось на них из новых работ в области теоретической социологии?

Да, был. Не мог не быть, я ведь первый вице-президент Российского общества социологов. Было много теоретиков и методологов: В. А. Ядов (к сожалению, он был только в Уфе, до V конгресса не дожил), Н. Е. Покровский, А. Б. Гофман, Ж. Т. Тощенко, М. К. Горшков, Н. Ф. Девятко, С. А. Кравченко, Д. Л. Константиновский, З. Т. Голенкова, В. А. Мансуров, Б. З. Докторов, Г. Г. Татарова, Е. А. Здравомыслова, М. Ф. Черныш, В. В. Козловский и др., всех сразу не вспомнишь. Причем я не только участвовал и делал доклады (в том числе пленарный на V конгрессе), но и руководил рядом заседаний секций и «круглых столов». Из новых работ (докладов) на конгрессах почти ничего, к сожалению, не запомнилось. Честно сказать, я давно уже не жду на конгрессах и конференциях чего-то очень нового, поскольку знаю правило исследователей: сначала опубликуй, а потом об этом говори. Сам я как раз поступаю наоборот, но давно уже подметил такую особенность у многих других теоретиков.

Иное дело – доклады о результатах эмпирических исследований. Тут нового – хоть отбавляй. Я объясняю это обстоятельство не очень крупными, скорее локальными, результатами проведенных исследований, на которые желающих покуситься – не так много. В принципе же если хочешь узнать что-то новое – читай книги, журналы и Интернет.

Тогда, Гарольд, к тебе вопрос как вице-президенту РОС. Есть разные точки зрения относительно существования в России не одного, а нескольких профессиональных объединений и, соответственно, проведения нескольких социологических конгрессов. Одни считают это нормальным, отражающим многообразие путей развития российской социологии, другие видят в этом конфликт, говоря словами профессора Теодора Шанина, не в социологии, а в социологическом сообществе. Каково твое мнение?

Я думаю, что конфликт имеет место не только в социологическом сообществе, но и в социологии. То, что в ней су-

ществует несколько профессиональных объединений, является совершенно нормальным. Более того, ряд представителей различных объединений участвует в деятельности других. Так, на конгрессах в Уфе и Екатеринбурге принимали участие члены сообщества профессиональных социологов, общества им. Ковалевского. Суть дела в другом. Нездоровая атмосфера вызвана стремлением руководителей некоторых из них (называю конкретные фамилии – Г. В. Осипова, В. И. Жукова, В. И. Добренькова) подмять под себя все социологическое сообщество, узурпировать власть над ним, добиться изменения ситуации. Ведь Российское общество социологов было объявлено правопреемником Советской социологической ассоциации более 20 лет назад, и с тех пор представляет Россию в МСА и ЕСА. Более того, его авторитет постоянно растет, растет численность членов РОС, большая часть субъектов РФ представлена в РОС. Но именно это и не нравится тем, кто занимает высокие руководящие должности в своих административных структурах, а общественные объединения оказываются вне зоны их контроля. В нашей стране существует известная традиция, которая называется вертикалью власти. Но в социологии она пока не работает, и очень хотелось бы, чтобы не работала и дальше. Между тем именно за соблюдение этой традиции и выступают поименованные выше люди. Это – одна сторона конфликта.

Другая находится глубже и касается содержательного и даже идеологического размежевания социологов. Пример: Российская социологическая ассоциация (РоСА), руководителем которой является бывший декан социологического факультета МГУ В. И. Добреньков, совершенно четко проводит линию на сотрудничество с православной церковью и объявляет идеологическими устоями современной социологии православие, самодержавие и народность (см. его статью в журнале «Социс», 2009, № 8). Ситуация складывается таким образом, что появляются авторы, которые могут публиковаться в одних изданиях, а в другие им дорога закрыта. Дело доходит до того, что вводится запрет на цитирование тех или иных социологов. Так что существующее противостояние в отечественной социологии имеет совсем не безобидный характер. Я считаю, что оно отражает, по крайней мере отчасти, реальный раскол, который существует в российском обществе.

Расширились ли в последние годы возможности социологов Екатеринбурга и других нестоличных городов для ознакомления с достижениями западной социологии?

Вряд ли можно однозначно ответить на этот вопрос, поскольку для кого-то расширились, для кого-то – нет. И дело сейчас уже не в столичных или нестоличных городах. Зависит это распределение от двух (как минимум) факторов – наличия денег на зарубежные поездки и возможности (желания и готовности) знакомиться с работами западных социологов. Если у социолога нет: а) интереса к этим работам, б) знания иностранного языка, то вряд ли материальная возможность поехать за границу что-либо даст. С другой стороны, желание реализовать свой научный интерес (базирующееся на наличии языковой «квалификации») можно воплотить в жизнь и без поездок за рубеж. Сиди дома и читай зарубежные материалы. Идеальный вариант – когда имеется и то и другое.

Говоря о себе, могу четко сказать, что у меня такие возможности в последние пять лет значительно выросли. И произошло это в связи с переходом в Уральский федеральный университет. Работа в нем дает немалые преимущества перед многими другими вузами: при условии значительного напряжения собственных сил цель зарубежных поездок, связанных с участием в стажировках, международных научных конференциях и т. д., становится вполне достижимой. В качестве примера отмечу, что, как минимум, 75 % преподавателей нашей кафедры за последние годы съездили на международные конференции, причем многие не по одному разу. Университет борется за попадание в программу «5-100», что включает в себя зарубежные публикации его сотрудников в изданиях, размещаемых в международных базах цитирования. А крупные конференции, как правило, размещают свои труды именно в этих базах. Поэтому успешно работающим в сфере научных исследований авторам университет нередко предоставляет командировки за границу.

Однако попадание в престижные зарубежные социологические журналы становится уделом лишь единиц. Здесь срабатывает несколько факторов: неумение писать на требуемом журналом языке, недостаточное знание проведенных ранее исследований и слабость научного аппарата и т. д. Не последнюю роль в отказах на публикации среди целого ряда

ограничений занимают и так называемые «санкционные» соображения.

Общий вывод: несмотря на серьезно ухудшившуюся финансовую ситуацию в вузах, возможность знакомства с достижениями западных социологов, в том числе на их «территории», не исчезла (хотя и стала слабее). Главное – наличие научного интереса к этому знакомству.

В последние годы – в связи с распространением Интернета, новых коммуникаций и технологий – у меня на этот счет изменилось мнение. Раньше я считал, что нестоличные города обделены возможностями в плане изучения западной социологии. А сейчас, точнее несколько лет назад, понял, что дело в людях, а не в городах. Можно быть социологическим провинциалом в Москве и Питере, не читать, не интересоваться, не работать, не публиковаться, не стремиться к контактам и общению, а можно жить в глухой провинции (конечно, не в самой глухой) и по-современному работать.

Понятие социологического провинциализма имеет не только (а в ряде случаев и не столько) географический, но и содержательный характер. Он означает концептуальное и технологическое отставание социологии и социологов (научных коллективов) от передовых достижений науки. Явление социологического провинциализма – это иной, более низкий ее уровень.

Социология – не математика, физика или биология, передовые рубежи развития которых имеют более строгие и четкие очертания, нежели у социогуманитарных наук. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: актуализация современных методов исследования (связанных, в том числе, с применением компьютерных технологий), появление новых концепций как способов интерпретации возникающих социальных процессов и явлений, использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их ценности и полезности, эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу, публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая благодаря СМИ и переводам работ на иностранные языки. Стремление соответствовать названным исследованиям – и есть преодоление социологического провинциализма в России, путь развития в ней современной социологии.

И еще одно важное обстоятельство: социологический провинциализм – это своеобразное состояние души социолога (группы социологов), ее стремление к покою, а не к активному социологическому продвижению вперед. Это отсутствие мотивации социологического творчества, нежелание проводить социологические исследования и публиковать их материалы, участвовать в научных дискуссиях, писать проекты и бороться за получение грантов и заказов.

К сожалению, как мне кажется (так хотелось бы ошибиться!), социологи Екатеринбурга (в своем большинстве) не очень стремятся быть на уровне современных тенденций, особенно в области теоретической социологии. Это вызывает у меня глубочайший пессимизм. Я ведь член диссертационного совета и ежегодно выслушиваю ряд защит, включая несколько докторских. Была бы моя воля, как минимум 70 % работ (а может, и больше) я бы не допускал к защите – мало того что работы слабые, так еще и защиты слабые. Стоит задать вопрос относительно знания диссертантами современных зарубежных работ (причем по их же проблемам), как тут же ступор. Все это свидетельствует о низкой социологической культуре и низком уровне профессиональных знаний.

Кстати, по поводу современной зарубежной социологической литературы, точнее, ее переводов на русский язык. Сегодня переводится немало работ известных зарубежных социологов, но у них у всех (это правило) есть как минимум один общий и довольно существенный недостаток: между публикацией книги (статьи) в оригинальном виде и ее изданием на русском языке имеет место большой интервал времени, иногда до 20 лет. Читатели часто этого не замечают, и у них создается впечатление, что если книга опубликована в текущем году, значит, она является новой, прямо-таки новейшей, хотя на самом деле автором могла быть написана очень давно. Вот лишь один пример: концепция структуризации известного современного английского социолога Э. Гидденса была впервые опубликована в виде книги в 1984 г., а на русском языке она вышла в свет спустя почти 20 лет (Э. Гидденс. Устроение общества. М., 2003). Так что часто складывается весьма ошибочное впечатление, что мы читаем книги «с пылу, с жару». К сожалению, нет, и это усложняет общую ситуацию с изучением зарубежной социологии.

Мой следующий вопрос – «покруче». В моей семипоконной конструкции нашего социологического сообщества просматривается новая функция нашего самого молодого (седьмого) поколения, к нему я отношу социологов, родившихся в интервале 1983–1994. Легко понять, что старшим из них к концу года будет 34 года, а младшим – 23. К настоящему времени я провел интервью с 13 представителями этой профессионально-возрастной когорты. Не все, но многие имеют кандидатскую диссертацию, кое-кто замахнулся уже и на докторскую. Как я их выбирал, знал ли кого-либо до интервью? Лично – никого. Одних мне рекомендовали их профессора, других – родители-социологи, с которыми я проводил интервью, третьи – заинтересовали меня в Face Book. Безусловно, это поколение заметно отлично от шестого поколения, в котором я побеседовал уже с 23 представителями, в том числе – с твоими троими учениками, профессорами Полиной Амбаровою, Анной Багировой и Марией Певной.

Среди опрошенных социологов седьмого поколения есть выпускники Санкт-Петербургского университета, «Вышки», РГГУ, университетов Самары и Тюмени. Многие затем учились в «Шанинке» или в Европейском университете в СПб. Есть завершившие магистерский курс в Финляндии, США, Испании. В моем понимании, мы имеем дело с одним из трендов – молодые социологи стремятся стать полноправными членами международного, глобального социологического сообщества. Как и во всех случаях, части моих молодых респондентов помогли родители, университеты, но многие пробивались сами. Изучали дополнительные языки, зарабатывали деньги.

Как ты думаешь, мы действительно здесь имеем дело с новым, мало известным нам трендом или это лишь «погрешность» моей выборки? Видишь ли ты подобные примеры в Екатеринбурге?

Вопрос, который ты задал, очень непростой, и односложно на него, как мне кажется, не ответить. 13 человек в твоей выборке – это не так много, тем более что среди них мало людей, представляющих регионы России. На примере Екатеринбурга (а это не последний город страны с точки зрения имеющегося в нем социологического сообщества и возмож-

ностей получить в университетах социологическое образование) я не могу найти ни одного выпускника, которые отвечали бы сформулированным тобой критериям. Насколько мне известно, ни один из них не контактирует с европейским и мировым социологическим сообществом. 2–3 человека получили возможность съездить на двухнедельные или месячные школы по обучению новым методам исследования (в университеты Британии), и все.

Общая ситуация с социологией в стране не привлекает к ней внимания и интереса со стороны молодежи. Многие из выпускников после окончания социологических факультетов уходят в иные сферы деятельности. Если кто-то и остается, то скорее не благодаря институциональным условиям, а вопреки им. Существенную роль могут играть родители, научные руководители, возможность получить место в аспирантуре и защититься. Но даже защита кандидатской диссертации вовсе не означает того, что молодой кандидат социологических наук останется в сфере социологии, будет активно заниматься научными исследованиями и войдет в мировое социологическое сообщество. Скажу грубо: в стране, в которой «гнобят» социологию и на институциональном, и на системном, и на управленческом, и на образовательном уровнях, не может быть сколько-нибудь массового стремления молодежи пополнять ряды «гнобимых». Это порождает глубокий пессимизм. Главный вопрос формулируется сам собой: что будет после нас?

Не случайно Российское общество социологов после V социологического конгресса в Екатеринбурге в октябре 2016 г. занялось проблемой быстрого угасания в стране социологического образования. Было обращение социологов страны, Президиума и Исполкома РОС к министру образования и науки РФ О. Васильевой с соответствующим письмом и предложениями по изменению ситуации. Речь в нем шла о том, что под вопрос поставлено существование самой социологической науки, которая теряет возможности воспроизводства научных кадров через систему профессионального образования. Но, насколько мне известно, никакой конструктивной реакции пока не последовало.

Так что неясно, какой будет судьба седьмого поколения российской социологии. По крайней мере, неясно мне.

Что приобрела и что потеряла современная российская социология в результате перестройки и уже длительного постперестроечного периода?

Прежде всего, я думаю, что приобрела гораздо больше, чем потеряла. На первое место из приобретений я бы безоговорочно поставил свободу. Молодое поколение социологов, конечно же, этого не чувствует и даже с трудом понимает, о чем идет речь. Приведу лишь один пример. Когда я рассказываю студентам и аспирантам, как меня через год после защиты докторской вызывал к себе первый секретарь Свердловского ОК КПСС Я. П. Рябов, который потом стал секретарем ЦК КПСС, и заставлял идти заведовать кафедрой в другой вуз, против чего я категорически возражал, а в ответ грозил всеми карами – исключением из партии (если я неправильно понимаю ее задачи – это был главный аргумент), лишением ученой степени, невозможностью трудоустроиться по специальности и т. д., они смотрят на меня с выпученными глазами и не верят, что такое может быть. А я им говорю, что именно так и было, что человеческая судьба ничего не стоила, и при этом рассказываю, что двухмесячное противостояние закончилось моим поражением и я вынужден был согласиться. Правда, потом тот же Рябов на заседании бюро обкома партии разливался соловьем в мой адрес: «молодой, талантливый ученый, наша гордость» и пр. К этой истории должен добавить, что такой рассказ не прибавляет мне уважения со стороны слушателей («оказался слабаком, сломался...»). Да, это так, правда я пытаюсь объяснить, что у меня была семья, я думал о ней больше, чем о себе, но такой аргумент не из самых сильных, это понятно.

Зато сейчас я прекрасно понимаю, что значит свобода. Один из последних случаев: меня приглашает губернатор выступить с докладом на каком-то семинаре под его руководством, а я отказываюсь, потому что не испытываю к нему ни капли уважения. И при этом я понимаю, что он ничего не сможет сделать, даже если захочет: ниже профессора не сошлют. И еще: губернаторы приходят и уходят, а профессора остаются. Но это уже «лирика».

Конечно, я понимаю и сразу хочу сказать, что свобода все равно неполная: в полицейском государстве, в условиях авторитарного режима, она по определению не может быть

другой. И эта ограниченность так или иначе дает о себе знать, поскольку мерзко и противно, когда неповинных людей бросают за решетку, когда появляются политзаключенные, когда гнобят бизнес, когда процветает дикая, откровенная коррупция, когда... Этого «когда», к сожалению, много, очень много, и оно неизменно, когда нет реального гражданского общества, а есть только его симулякр.

Однако я очень отвлекся. Из приобретений российской социологии, помимо определенного уровня свободы, непоставимого с тем, что было при Советской власти, я бы назвал: новый статус науки и профессии, появившееся социологическое образование, возможность издаваться практически без ограничений, поездки за рубеж – самые разные, с самыми разными целями... Наверняка чего-то не назвал, но главное выразил.

Что касается потерь, то некоторые из них, мне представляется, являются продолжением приобретений (так же, как наши недостатки часто бывают продолжением наших достоинств). Я бы сказал о резко снизившемся уровне социологического образования. Безусловно, эта ситуация связана не только с социологией, но и в целом с положением дел в образовании страны. Вспоминаю своих студентов первой половины 1990-х гг.: горят глаза, энтузиазм, на семинарах каждый стремится что-то сказать, поспорить, знающие язык переводят источники, издаем хрестоматию по зарубежной социологии и т. д., и сравниваю их с нынешними, которым в подавляющем большинстве вообще ничего не нужно. Конечно, очень разнится исходный уровень, с которым приходили студенты 20, даже 15 лет назад, и тот, что есть сейчас. Но оттого, что мы видим и понимаем и связываем ситуацию с положением дел в стране и в образовании в целом, социологическому образованию легче не становится. Зато становится не интересно преподавателям приходиться в аудиторию, а мотивированные студенты, которых в среднем не более 15–20 %, испытывают сильнейшее негативное влияние группы в целом («не лезь, не высывайся, тебе что – больше всех надо?»).

К числу потерь я отношу очень серьезный раздрай в социологическом сообществе, который начался более 10 лет назад вместе с событиями на социологическом факультете МГУ

и вовлек в свою сферу значительную часть социологов. Я не вижу ему ни конца ни края и предвижу только усиление раскола среди социологов. Совершенно очевидно, что резко упал авторитет соцфака МГУ, равно как и тех, кто его поддерживает. А это очень плохо, особенно для престижа российской социологии за рубежом.

Проблемы на факультете начались с недовольства группы сильных студентов процессом преподавания. Они стали жаловаться на то, что с факультета ушли многие сильные преподаватели, что они не имеют возможности слушать ведущих социологов страны, которых не приглашают для чтения отдельных курсов или даже лекций, что их заставляют чуть ли не по одному учебнику сдавать все дисциплины (имеется в виду «Фундаментальная социология» В. И. Добренкова и А. И. Кравченко) и т. д. Они требовали встречи с ректором, выдвинули свои претензии. Кончилось тем, что ряд студентов был исключен из университета. Слава богу, социологическое сообщество не осталось в стороне, ребят восстановили в других вузах, и они получили социологическое образование. Но в процессе «разматывания» этого клубка были выявлены случаи плагиата в работах декана, о чем было написано в письме ректору В.А. Садовничему. Случай плагиата выявила специальная комиссия, которая состояла из ведущих ученых. Российское общество социологов вместе с ними обратилось к руководству МГУ с предложением сменить руководство факультета, однако тогда ничего сделано не было. Все осталось по-прежнему. Руководство факультета настолько себя дискредитировало, что стало объектом критики Международной социологической ассоциации (МСА). В частности, об этом в ней неоднократно говорили (в том числе и на III Всероссийском социологическом конгрессе в 2008 г. тогдашний президент МСА М. Вевьерка).

К этой некрасивой ситуации следует добавить попытку руководства Российской социологической ассоциации – Г. В. Осипова и В. И. Добренкова, а также В. И. Жукова, который возглавлял тогда созданный им же Союз социологов России, – узурпировать власть в социологическом сообществе России. Понятно, что из этого ничего не получилось, но раскол в нем был обеспечен полнейший. В последующие годы он еще более усугубился, что проявилось в проведении

двух параллельных социологических конгрессов в 2012 и 2016 гг. Немалую роль в этом сыграли действия академика Г. В. Осипова, который, пользуясь поддержкой Президиума РАН, вопреки протестной позиции Российского общества социологов (в адрес Президиума РАН было направлено специальное письмо), «продавил» решения о проведении параллельных конгрессов.

Не могу не назвать среди того, что сегодня огорчает, гигантское количество слабых книг по социологии – учебников и монографий. Это – следствие, точнее, продолжение тех больших публикационных возможностей, которые открылись в 1990-х гг. Резко ослабло действие фильтров (рецензенты, общественное мнение, критика и т. д.), что обусловило и низкое качество многих публикаций. Массовизация социологии – так бы я назвал этот феномен – привела к значительному снижению требовательности к ней и усилила неудовлетворенность ею в обществе. Последняя связана еще и с существенной разницей в результатах, полученных в ходе опросов общественного мнения по схожим проблемам, в чем многие видят определенную ангажированность тех или иных социологических служб, а иногда и прямое вмешательство Кремля.

*Мой старший сын Михаил**Мой младший сын Вадим*

Моя внучка Маша

Мой внук Костя

Правнук Миша 1 сентября

Е. А. Шуклина – мой многолетний друг, коллега, соратник

Все курят, Вишневский ест

В гостях у профессора Ф. Раунера в Бремене, 1994 г.

В резиденции губернатора Свердловской области, 2000 г.

ЧАСТЬ 4

Мое исследовательское поле

О точках сгущения

Гарольд, твои воспоминания о процессе вхождения в социологию, о многих годах работы в социологии уже позволяют составить впечатление, обозначить общие контуры твоего исследовательского поля. Так, читатель нашей беседы может сказать, что Г. Е. Зборовский – аналитик в области социальной проблематики времени, или историк социологии, или... Вместе с тем мне кажется, что многое, касающееся интересовавшей и интересующей тебя тематики, нами еще не обсуждено. Однако, согласись, и для социологии и истории науки, и для понимания специфики собственно твоей научной работы крайне важно понимание процесса образования поискового поля исследователя. Ведь существуют какие-то области длительных разработок, и есть зоны краткосрочных научных интересов, есть внешние импульсы, но часто наши предметные передвижения мотивируются чем-то внутренним, даже не всегда нами осознаваемым. Потому, прежде всего, попрошу тебя в опоре на твой многолетний опыт назвать главные «сгущения» твоих теоретических исследований и обозначить линии, связывающие их.

Очень не люблю говорить «спасибо за вопрос» (сейчас это стало просто повальной модой), но в данном случае не могу воздержаться от принесения благодарности. Вопрос для любого исследователя – что называется, «не в бровь, а в глаз», и я – не исключение. Каждый, кто работает достаточно долго в сфере своей науки (а я это делаю с 1963 г., страшно подумать – почти 55 лет), так или иначе сталкивается с таким вопросом, особенно когда подводит некоторые итоги своей деятельности. Я как раз сейчас пребываю в таком состоянии, и самое время осмыслить, как ты верно отмечаешь, некоторые точки, или линии, «сгущения» исследовательских интересов. В этом смысле можно говорить и об определенных этапах творчества, связанных с сочетанием, либо сменой, либо параллельным существованием таких линий.

На вручении медали П. Сорокина, 2008 г.

Если пока просто отвлечься от процесса, характеризующего в историческом плане (а рассмотрение этапов именно к этому ведет), и определить такие «сгущения» как содержательно рядоположенные, то можно предложить следующий примерный перечень (и все-таки с учетом исторической последовательности): свободное время, социальное время и пространство, образование, образ жизни, снова свободное время и культура, социальная общность, снова образование, социальное время, высшее образование. Но реально в моем творчестве рядоположенными и в этом смысле «чистыми», свободными от всякого вторжения других интересов, они (эти линии или направления исследования) никогда не были.

Каждый раз, на каждом этапе в том, что я делал в социологии, появлялись смежные линии. Одним и тем же предметом, в отрыве от смежных полей, больше нескольких лет я не занимался никогда. В этом смысле однолюбом не был. Однолюбом был (и остаюсь им по сей день) только в отношении социологии. Ей я не изменял никогда, верность этой «женщине» была абсолютной и непререкаемой, даже в тяжелые годы для самой социологии и для меня. Многие мои коллеги и товарищи в такие годы «уходили» в занятия менеджментом, маркетингом, экономикой, политологией и т. д. (не говоря уже о тех, кто вообще уходил из науки и вуза). Они читали любые курсы, все, что предлагали, всюду, где можно было заработать, и у меня «язык не поворачивается» осудить их за это. У самого же не было никогда даже мыслей относительно смены научной и педагогической ориентации. Скажу больше: внутренне я гордился тем, что не поддавался на «провокации» жизни, и оставался верным «молодой старушке» — социологии.

Но внутри социологии мое исследовательское поле время от времени (хотя и не очень часто) «пересеивалось». Каждый раз хотелось чего-то нового, дополнительного и «расширительного» в той проблеме, которой занимался несколько лет. Душа, и тело тоже, требовали разнообразия. Почти как в том анекдоте про еврея, который в советское время заполнял анкету. В ней было много вопросов: о месте рождения, о национальности, о детях, о родственниках за границей... Один из вопросов звучал так: «Как относитесь к советской власти?» Ответ был следующий: как к родной жене. На дополнительную просьбу пояснить, что это значит, следовало: немножко

люблю, немножко побаиваюсь, немножко хочется другой. Я, действительно, любил то, чем занимался, побаивался уйти в сторону другой проблематики (пусть и смежной), но очень хотел это сделать.

Что влияло на такие решения? Вначале скажу кратко, а затем буду это расшифровывать на конкретных примерах «расширений» и «углублений». Назову два основных фактора влияния: научный интерес и педагогическая деятельность, преподаваемый студентам и аспирантам материал.

Именно так было при первом «сгущении» (конец 1960-х — начало 1970-х), когда от проблемы свободного времени я двигался в сторону социального времени, а затем и социального пространства. Это был очень сложный и ответственный выбор и на его основе переход к новому предметному полю, отчасти связанному с прежним, но, вместе с тем, принципиально иным по своему характеру, да и по содержанию тоже. Он требовал обращения к философии, переходу к ней от социологии. Мне, человеку, не имевшему философского и естественно-научного образования, такой шаг представлялся весьма рискованным и даже опасным в научном отношении: справлюсь ли? Но был глубокий научный и, что еще очень важно, педагогический интерес.

Я преподавал диалектический материализм и интересовался философскими проблемами естествознания (некоторые говорили даже, что получалось неплохо). Проблема времени и пространства (в том числе их отдельных форм в тесной связи с формами движения и материи) находилась в предметном поле именно этих отраслей знания. В моем сознании происходила смена научных ориентаций. И она была вызвана не внешними, конъюнктурными факторами (у многих моих коллег именно так и происходило), а трансформирующимся научным интересом. В основе этого процесса были эволюционирующие теоретические предпочтения. Они-то и становились источниками тех «сгущений», о которых ты меня спрашиваешь. Причем эти «сгущения» были не только расширяющими предметное поле социологического исследования, но и междисциплинарными.

Уже тогда, на рубеже 1960–1970-х, я стал отчетливо понимать, что нужно поддерживать тесные связи между социологией и философией. Многие (может быть, точнее сказать,

некоторые) отечественные социологи в то время стремились к отпочкованию нашей науки от философии, к провозглашению ее онтологической и гносеологической, а затем и организационной автономии. Я себя относил к этому же кругу людей, но на интуитивном уровне понимал ограниченность для социологии такого подхода. Ограниченность в том смысле, что не нужно «рвать» отношения с философией.

Описывая первые «сгущения» в моих научных занятиях, я должен сказать, что вскоре появилась и третья линия. Она шла, с одной стороны, от проблемы времени, с другой – от моей профессиональной деятельности. Появившись в этот же период (конец 1960-х), она меня и по сей день (впрочем, как и первые две) держит в своих цепких объятиях и ни за что не хочет отпускать. Я говорю об образовании и образовательных общностях. Еще в 1966 г. в журнале «Советская педагогика» появилась моя первая статья в рамках «образовательной» проблематики (написанная в соавторстве с Г. П. Орловым) о свободном времени школьников (ранее я уже упоминал ее, когда говорил о своих первых эмпирических исследованиях).

Сейчас я отчетливо понимаю и вижу ограниченный и в чем-то примитивный характер самого исследования. Но в то время статья была тепло встречена – видимо, в силу новизны проблематики и способа ее изучения. А вслед за локальным исследованием школьников уже в середине 1970-х было проведено крупное исследование учительства (в масштабах Свердловской области), о котором я тоже упоминал. Появлению этого исследования в немалой степени способствовала моя работа, в то время в должности заведующего кафедрой, в Свердловском государственном педагогическом институте.

Но и эта линия в том самом первом «сгущении» (как мне нравится этот придуманный тобой термин!) оказалась не последней. Изучение социального времени, использование бюджетного метода повлекло за собой исследование образа жизни. И это тоже происходило в 1970-х гг., их середине и второй половине.

Еще в 1960-х гг. я задавался резонным вопросом: как можно в социологии изучать время вне деятельности? В философии можно, я это хорошо понимал, потому что сам занимался

таким анализом. А в социологии нельзя, ибо в нашей науке «внесубъектное» время, время, за которым не скрываются конкретные субъекты деятельности, оказывается «беспредметным», выступает как форма без содержания.

И тут в начале 1970-х гг. «выплывает» из небытия категория образа жизни – прямо мне в подарок от социологической науки. Ну как тут можно было удержаться от соблазна поработать в этом категориальном ряду! Хотя выводы формулу: время + деятельность конкретных социальных субъектов = их образу жизни. Кстати, почти по этой формуле (хотя она, конечно, все огрубляет и делает примитивным) мы проводили эмпирические исследования образа жизни отдельных социальных групп, в том числе в сфере образования.

Поскольку в начале ответа на твой вопрос я заявил о том, что приведу несколько примеров «сгущений» в рамках поля моих научных интересов и исследований, остановлюсь еще на одном. Это «сгущение» появилось позднее первого лет на 15–20. В связи с его возникновением я хочу сказать еще об одном мощном стимуле, который привел меня к «сгущению» и тоже оказался связанным с педагогической деятельностью. Это был фактор, который, как мне кажется, отличал меня в моих теоретических предпочтениях от того, что происходило (и происходит) в творчестве и с творчеством многих моих коллег. Я имею в виду последние почти 30 лет своей жизни (точнее, 28), когда я стал писать учебники и учебные пособия – сначала по общей социологии, затем по истории социологии, потом по эмпирической (прикладной) социологии, а также по различным отраслям социологической науки (социологии образования, знания, культуры, досуга, управления).

Написание учебников и учебных пособий шло параллельно и в то же время одновременно с исследованиями, подготовкой монографий, статей, докладов на конференции (как правило, пленарных, а к ним, как известно, предъявляются повышенные требования). Это в значительной степени способствовало тому, что сами учебники приобретали монографический характер. Вот где рождалась микс-стратегия научного и педагогического творчества! Вольно или невольно, но в значительной степени благодаря этому появлялись «сгущения». Причем не двух-трех, а большего количества линий. К сказанному я бы добавил выполнявшиеся под моим кон-

сультивированием (реально – руководством) докторские диссертации, которые требовали от меня значительных усилий в работе над теми проблемами, по которым эти диссертации готовились.

Здесь я должен назвать одну из особенностей своей деятельности в области научного руководства: как только мои диссертанты выбирают тему своей работы (при моем непосредственном участии), так тут же эта тема становится предметом очередного моего научного интереса. Я всегда считал и продолжаю это делать и сейчас: у меня должно быть моральное право на научное руководство. Его может дать мне только особое направление моей работы в сфере подготовки конкретной диссертации.

Ты понимаешь, к чему я клоню: написание моими подопечными своих диссертационных работ становится по необходимости еще одним источником «сгущений». Это очень важно и при подготовке совместных статей и даже книг с диссертантами: у меня всегда должно быть моральное право на соавторство. Здесь «железно» действует принцип: ни одной совместной статьи, ни одного совместного доклада, тем более совместной книги без собственного, как минимум, половинного вклада в появление таких работ. Причем этот вклад может быть разным: идейным, концептуальным, структурно-логическим, содержательным (с точки зрения использования моего материала) и т. д.

Говоря о втором «сгущении», которое пришлось на 1990-е – начало 2000-х гг., я бы в его центр поставил образование сквозь призму различных видов допрофессионального и профессионального образования. Самый значительный интерес был проявлен к последнему. Исследования начального, среднего, высшего профессионального образования проводились постоянно, сопровождаясь появлением ряда монографий, учебников и учебных пособий. Одна из таких работ монографического характера была посвящена в основном методологическим проблемам разных видов и уровней образования на рубеже веков²⁴. Через несколько лет она легла в основу другой книги²⁵. Работа в области социологии образования сти-

²⁴ Зборовский Г. Е. Образование: от XX к XXI веку. – Екатеринбург, 2000.

²⁵ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М., 2005.

мулировала появление книг по иным отраслям социологической науки – социологий досуга, культуры, управления, СМИ, знания. Развитие отраслевого социологического знания стало на некоторое время основным «сгущением» моих научных интересов, ведущей линией творчества – вплоть до середины – второй половины 2000-х гг.

Ему на смену пришло еще одно крайне важное для меня «сгущение», связанное с поворотом к вопросам теоретической социологии. В рамках этого поворота я написал несколько крупных и значимых для меня монографий, о которых нужно специально говорить. Думаю, что такую возможность ты мне дальше предоставишь.

Эта теоретическая линия оказалась тесно связанной с еще тремя, образуя новое «сгущение». Первая из них – два фундаментальных учебника – по истории социологии и эмпирической социологии, о которых тоже нужно специально говорить. Вторая линия – серьезные исследования в области высшего образования, связанные с выполнением нескольких грантов – РНФ, РФФИ, РГНФ. И здесь нам предстоит дополнительное обстоятельное обсуждение результатов целого ряда проектов.

В завершение не могу не коснуться еще одной, крайне важной для меня не только в научном, но и в чисто личностном плане линии последнего «сгущения» – обращения к исходной теме моего социологического творчества, теме социального времени. Воистину все возвращается на «круги своя». Это возвращение произошло благодаря моему тесному и глубокому сотрудничеству, подлинной дружбе с Полиной Анатольевной Амбаровою, моему докторанту, а теперь уже доктору социологических наук, профессору той же кафедры, на которой работаю я в Уральском федеральном университете. Многое связывает нас в этой работе – исследования времени и темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей, публикации уже десятков совместных работ. Вышла из печати в октябре 2017 г. наша совместная монография – «Время социальной общности»²⁶.

В содержательном плане эта линия «сгущения» дала очень много для исследования сложных процессов в сфере высшего

²⁶ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время социальной общности. – Екатеринбург, 2017.

образования. Два момента я бы отметил здесь в первую очередь: рассмотрение образования сквозь призму темпоральных характеристик и использование методологии нелинейности. И то и другое – темпоральность и нелинейность – были исследованы в работе над социальным временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, а затем применены при характеристике перехода от линейной к нелинейной модели высшего образования.

Полагаю, что здесь я должен остановиться, ожидая новых вопросов, касающихся поля моих исследований.

Рад, что тебе прилипли по душе слова «точка сгущения». Я стал использовать это понятие в начале века, когда изучал историю становления американской рекламы. Очевидно, для меня, поскольку я никогда не изучал природу и историю рекламы и вообще был далек от этой ниши, все было в новинку, мне виделось огромное пространство без ориентиров. А освоить это пространство надо было, поскольку за ним лежала область истории технологии и этики опросов общественного мнения. Тогда я представил, что это не известное мне поле может быть маркировано именами «гигантов» рекламы, и начал изучать биографии и творчество этих рекламистов. Но, похоже, понятие «точки сгущения» распространяется и на творчество отдельных ученых, которые работают многие годы и по – внешне кажущимся – разным направлениям.

Уверен, перечисленные тобой исследовательские направления, как бы они ни оказывались в поле твоего внимания и интереса, представляются тебе не хаотическим множеством «точек», а неким целостным образованием. Ты видишь между ними связи, которые могут с большим трудом просматриваться будущими читателями нашего разговора. Я думаю, что ниже ты сможешь обозначить эти полувидимые связи... Например, мне интересно твое понимание связи (единства) исследований социального времени и истории социологии. Но все же главным сделаем твои рассказы о движении вдоль важнейших линий твоего исследовательского поля. Предлагаю начать с образования.

Социология образования

Гарольд, для тебя образование: 1) одна из форм твоей деятельности и 2) один из предметов исследования. Давай сначала поговорим об образовании в его первой ипостаси. Наше интервью, состоявшееся в 2013 году, ты озаглавил: «Я ощущаю себя в первую очередь профессором». Что ты подразумеваешь под этим?

Прежде всего я имел в виду основную форму своей профессиональной деятельности – создавать особый вид социологического знания. Я его называю научно-образовательным знанием. В основе этого вида знания лежит понятие «образовательное знание», введенное еще М. Шелером. Правда, он говорил об образовательном знании философии. Но я не вижу особого греха в том, чтобы говорить и об образовательном знании социологии. Как явствует из этимологической характеристики этой категории, она предполагает наличие двух взаимосвязанных терминов-понятий – образования и знания. Связь их определяется, в самом первом приближении, единством образования и знания, предполагающим рассмотрение первого как формы, второго – как ее содержания.

Этот вид знания призван, с одной стороны, транслировать достижения науки и культуры от их творцов пользователям (потребителям) знания, с другой – конструировать, создавать, производить новое знание на основе уже имеющегося.

Образовательное знание нельзя представить ни как научно специализированное, ни как обыденно-житейское. Знание, которое транслирует педагог (учебник, Интернет, телевидение и др.) и интериоризирует студент, не является в полной мере научным, поскольку требует некоторого его «упрощения», редукции, адаптации. В то же время оно содержит в себе черты обыденного, доступного знания и, что особенно важно, соответствующего ему языка, с помощью которого образовательное знание транслируется. Для того чтобы приобрести необходимый статус особого вида знания, стать усвоенным, «интернализированным», оно должно «совмещать» содержательные стороны, черты, элементы, языки научного, культурного и повседневного знания.

Следовательно, под образовательным знанием можно понимать знание, «разделяемое» педагогами (учебниками, Интернетом и др.) и студентами в привычной самоочевидной обыденности учебных занятий. В этом смысле мы можем говорить, что само образовательное знание, рождающееся в процессе взаимодействия между научным, культурным и обыденным знанием, понимается как совокупность, а еще лучше как система, взаимосвязь отдельных положений, фактов, суждений, теорий и концепций, оформленных в виде некоторых четких, понятных, конкретных, доказательных утверждений.

Важнейшей характеристикой образовательного знания является его доступность. Но оно должно отвечать и целому ряду других условий: быть достоверным, обоснованным, доказательным, полезным, результативным, интересным, мотивирующим на активность познавательного процесса и реальных действий, обладающих кумулятивным эффектом. При необходимости этот ряд может быть пополнен и иными качествами и свойствами.

На базе образовательного возникает научно-образовательное знание. Оно создается в процессе взаимодействия между его основными субъектами – научным работником (ученым, преподавателем) и студентом в ходе исследования научной (научно-практической) или учебной проблемы, в поиске путей ее решения и получении научно обоснованного результата.

Под научно-образовательным знанием социологии я понимаю знание, выступающее как совокупность или даже система, взаимосвязь социологически установленных положений, фактов, теорий и концепций, оформленных в виде некоторых четких, доступных, конкретных, доказательных суждений и утверждений. Это знание, рождающееся в процессе взаимодействия между научным, культурным и обыденным знанием и разделяемое педагогами и студентами в привычной обыденности учебных занятий по социологии в целом и конкретным социологическим дисциплинам в особенности. Это также знание, которое возникает в процессе самообразования, самостоятельной работы с учебной и научной литературой, использования сети Интернет и других источников (каналов) социологической информации.

Научно-образовательное знание социологии является результатом взаимодействия социологического знания и социологического образования. Это такое знание, которое выступает наполнением социологического образования, осваивается его субъектами и направлено на формирование у них социологического мышления.

Понятие научно-образовательного знания социологии, я считаю, является ключевым для анализа процесса обучения и самообразования будущих социологов. Его, это знание, создает в первую очередь профессор, который ставит перед собой цель «доведения» его до будущего социолога с последующим овладением им студентом (аспирантом). Само образовательное знание социологии я в данном случае трактую широко, т. е. и как овладение навыками, умениями, компетенциями. Этот процесс я рассматриваю как первоначальное накопление «социологического капитала». С учетом сказанного научно-образовательное знание социологии представляется мне в качестве основного канала связи между социологическим знанием (накопленным наукой) и социологическим образованием, значительную роль в успешном функционировании которого играет профессор.

Именно по этой причине я значительную часть своей профессиональной деятельности (более 25 лет) посвятил написанию учебников и учебных пособий по социологии. Справедливости ради нужно сказать, что делал я это и по другой причине – из-за резкой нехватки учебной литературы. Особенно это касалось 1990-х гг., когда процесс социологического образования быстро набирал обороты, в большом количестве открывались социологические факультеты и отделения, соответственно росла численность студентов-социологов.

Писал я учебники только по тем курсам (дисциплинам), которые читал сам. Это были: общая и теоретическая социология, история социологии, методология и методика социологического исследования, социология образования, социология культуры, социология досуга, социология знания, социология управления. Пусть тебя и читателей книги не удивляет такой широкий диапазон дисциплин, по которым писались учебники. Иногда их подготовка по тем или иным предметам была вызвана не столько личным желанием, сколько «производственной» необходимостью: вводились но-

вые курсы, не обеспеченные ни лекторами, ни литературой. И мне, как заведующему кафедрой, а потом декану факультета и директору института, пришлось порой самому закрывать «амбразуру».

Здесь я хочу подчеркнуть одну деталь, которой очень горжусь: я никогда не читал курсов по чужим учебникам, все мои курсы лекций были исключительно авторскими. Конечно, одни дисциплины были любимыми, другие не очень, но все требовали гигантской самоотдачи как в процессе их подготовки и разработки, так и в ходе чтения.

В качестве примера могу привести историю социологии, которую я читал «от начала до конца», т. е. с момента ее возникновения как науки (включая предсоциологический этап) до сегодняшнего дня, причем и западную, и российскую. На больших кафедрах, как правило, история социологии читается по разделам разными лекторами. Мне же пришлось, в силу разных причин, делать это одному. Раньше (не знаю, как сейчас) юристы говорили, подчеркивая широкий временной, исторический разброс правовых процессов: от Адама до Потсдама и от Евы до Женевы, имея в виду крупнейшие международные конференции по праву в этих европейских городах. Так и я мог бы сказать про большой двухгодичный курс истории социологии (объемом 204 час.), который я читал один и который был отражен в моем сначала двухтомнике, а потом одном томе учебника (более 900 стр. текста).

Такая работа была не только интересной, но порой давала ощущение своей значимости. Оно усиливалось оттого, что учебники, которые я писал, были не «школьными» или даже «школярскими», а представляли скорее жанр, если можно так выразиться, «полумонографических» изданий. Поскольку многие из них публиковались немалым тиражом и распространялись по всей стране, фамилия их автора оказывалась «на слуху» в социологическом сообществе. А ректор университета, в котором я работал, когда представлял меня кому-либо из гостей вуза, часто говорил: «По его учебникам вся Россия учится». Слышать это было очень непривычно.

Но особенно было (да и сейчас тоже) приятно общаться с незнакомыми преподавателями социологии из разных вузов страны на конференциях, конгрессах, семинарах, когда они подходили к тебе, представлялись и говорили о том, что ис-

пользуют твои учебники в практике преподавания. Причем здесь были важны не только (и даже не столько) позитивные оценки учебника, сколько замечания по поводу тех или иных его недостатков.

И еще несколько слов о научно-образовательном знании в социологии, создание которого доставляло мне столько радостей и в то же время мук. В отечественном высшем образовании всегда было принято считать, что главной и самой трудной формой учебного процесса являются лекции. Отсюда – требование их чтения только профессорами и доцентами.

С моей точки зрения, это чушь несусветная. Я не спорю, что работа лектора требует высокой квалификации. Но реально наиболее сложной формой образовательного процесса являются семинарские занятия. Только на них ты можешь понять, где и почему создаваемое тобой научно-образовательное знание несет в себе несовершенство и ограничения. Поэтому у меня было правило: прежде чем сдать учебник в печать, проведи в группе семинары по этому предмету и убедись в том, что ты на этом этапе работы по созданию научно-образовательного знания сделал все, что мог.

Работа по созданию научно-образовательного знания имела для меня неожиданный эффект. Я бы назвал его латентным следствием моей образовательной деятельности. Поскольку в научном плане меня постоянно интересовали отраслевые социологии и специальные социологические теории, передо мной встала проблема не дифференциации, а интеграции отраслевых социологий, предметно находящихся недалеко друг от друга. Занимаясь исследованиями в области социологии образования и социологии знания, я пришел к выводу о близости их предметных полей и возможности взаимного использования социологического капитала этих отраслей нашей науки, включая методологию и методику изучения различных проблем знания и образования (в том числе и образовательного знания). Так две сферы моей профессиональной деятельности – образовательная и научная – обрели точку соприкосновения.

Далее, в продолжение ответа на твой вопрос о том, что значит ощущать себя в первую очередь профессором, могу добавить к сказанному следующее. Это ощущение давала постоянная работа с аспирантами и докторантами (либо с соискателями, выполняющими кандидатские и докторские дис-

сертации), причем как со своими, так и с чужими. Последнее было особенно интересно и полезно. Про «своих» все знаешь, сформулировал вместе с ними темы, цели, задачи, направления работы, планы диссертаций и т. д., даешь им задания, постоянно встречаешься и обсуждаешь процесс научного исследования. А «чужие» приходят к тебе за консультацией, значит, у них не все в порядке, следовательно, людям нужно помочь. Но приходят с новыми для тебя темами, иной методологией и подходами и т. д. На это очень любопытно посмотреть со стороны, а возможно, и что-то использовать в своей работе.

Я практически не помню такого времени (может, оно и было когда-нибудь), чтобы у меня не было соискателей, аспирантов, а в последние лет 20–25 и докторантов. К моменту написания этого текста под моим руководством были защищены 48 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Не могу не отметить большой роли Л. Н. Когана в становлении меня как научного руководителя. У него был гигантский опыт такой работы, а я со стороны наблюдал, как он это делает, и учился у него. Однажды мы вместе с ним поехали в Казанский университет на защиту диссертаций (оппонировать), а перед защитой, за полтора часа до нее, для аспирантов и соискателей была устроена консультация по их работам. В одном углу кафедры сидел Лев Наумович, в другом – я. А диссертанты консультировались попеременно у каждого из нас. Это было преинтереснейшее занятие – наблюдать за работой Л. Н. Когана.

Так и хочется спросить: «Так как работал Лев Наумович?», и спрошу, но попозже. А пока попрошу тебя продолжить вышесказанное и поведать, работаешь ли ты сейчас над каким-либо учебником и есть ли в планах такая работа. И еще есть вопрос об аспирантах: наблюдаешь ли ты какие-либо тренды в аспирантской деятельности, в мотивации их работы? Как тебе кажется, они готовят себя к преподавательской работе, к теоретическим изысканиям, к прикладным исследованиям? Понятно, что в жизни бывает сложно развести эти формы деятельности, и все же...

Последние свои учебники я написал в 2014–2016 гг. Первый из них – это обновленное издание «Истории социоло-

гии» в двух томах (2014–2015)²⁷. По счету это уже 4-е издание учебника. Первое было тоже двухтомным (2001)²⁸, затем последовали два однотомных (2004 и 2008)²⁹. В подготовке последнего издания мне помогал В. П. Засыпкин (он писал под моим руководством докторскую диссертацию), доктор социологических наук, первый проректор Сургутского госпедуниверситета. Именно этот вуз взял на себя всю работу по подготовке двухтомной книги и издал ее, за что моя особая благодарность и университету, и лично В. П. Засыпкину (одному из моих любимых учеников). Объем учебника составил 47 п.л. А в 2016 г. была издана «Эмпирическая социология» (подготовленная совместно с проф. Е. А. Шуклиной, объемом более 20 п.л.). И снова – инициатива Сургутского педуниверситета, и снова – В. П. Засыпкина, и снова – ему благодарность. Напряженный трехлетний труд над этими учебниками отнял много сил и времени, поэтому думать сейчас о новых работах в этом жанре даже не хочется. Нужна какая-то передышка от такой деятельности. Но если быть до конца честным, вряд ли я возьмусь в ближайшее время за такое дело. Основная причина состоит в том, что я сейчас практически не читаю лекций студентам, тем более целых курсов, особенно после того, как я перешел с 1 сентября 2017 г. на должность профессора-исследователя, в рамках которой мой основной функционал связан с научной работой.

Теперь об аспирантах. Это вообще один из самых больных вопросов отечественного высшего образования. Я думаю, что наши власти сделали все для того, чтобы загубить этот и так не очень эффективно работавший институт. Но все-таки раньше он давал определенный результат: люди писали и защищали диссертации, оставались в науке. Теперь же, после того как подготовка диссертации и ее защита стали необязательными, аспирантура потеряла всякий интерес у выпускников вузов.

²⁷ Зборовский Г. Е. История социологии: классический этап : учебник для вузов. – Сургут ; Екатеринбург, 2014 ; Зборовский Г. Е. История социологии: современный этап : учебник для вузов. – Сургут ; Екатеринбург, 2015.

²⁸ Зборовский Г. Е. История социологии : в 2 т. Т. 1 : Классический этап. Т. 2 : Современный этап. – Екатеринбург, 2001.

²⁹ Зборовский Г. Е. История социологии. – М., 2004 ; Зборовский Г. Е. История социологии. – М., 2008.

Мотивация работы у подавляющего большинства аспирантов – нулевая. Появляются статьи в журналах, в которых вместо функций аспирантуры говорят все больше о ее дисфункциях. Поэтому ответить на вопрос, к чему готовят себя аспиранты – к преподавательской работе, прикладным исследованиям, теоретическим изысканиям, – практически нельзя. Мне кажется, они готовят себя к тому, что получится, кто их возьмет, кому они будут нужны.

Кроме того, резко сократилось число мест в аспирантуре. По направлению «Социология» такая махина, как Уральский федеральный университет, получает сейчас в год не более 1–2 бюджетных мест. Не исключен вариант, когда их вообще не будут давать. Платная же аспирантура очень дорогая, и желающих идти в нее крайне мало. То же касается и докторантуры. Но если докторантура означает исключительно ведение научных исследований и написание докторской диссертации, то аспирантура приравнена к третьей ступени образовательной подготовки (бакалавриат, магистратура, аспирантура). А это значит, что есть учебный процесс, нужно регулярно посещать лекции, проходить семинары, сдавать экзамены и т. д. На написание же диссертации по существу времени не остается. Так что с аспирантурой дела обстоят из рук вон плохо. Это порождает глубочайший пессимизм в отношении будущего социологической науки, по крайней мере той стороны этого будущего, которая связана с приходом в нее молодежи.

И здесь нам естественно перейти к рассмотрению образования как одного из направлений твоей научной деятельности. Когда ты вошел в «эту воду»? В силу каких обстоятельств тебя привлекла эта тематика?

Мне даже трудно сказать, когда я «в эту воду» вошел. Такое ощущение, что я никогда из нее не выходил, а все время был или в ней или рядом с ней. Сначала образование вызывало у меня научно-методический интерес. Это было в те годы, когда я учительствовал (1959–1963). Научно обоснованная методика проведения уроков по истории была важна для меня как молодого учителя, который не нюхал по-настоящему «педагогического пороха». А уже в вузе, начиная с 1966 г., сформировался иной интерес к образованию – как предмету со-

циологического исследования. Я лично участвовал в подготовке, проведении эмпирического исследования, посвященного изучению свободного времени школьников-старшеклассников, и обработке его материалов. Результатом этого исследования, о чем я уже раньше говорил, стала статья (совместно с Г. П. Орловым) в главный педагогический журнал страны – «Советская педагогика». Вслед за первым опытом эмпирического исследования началось изучение работ по проблемам образования, бюджета времени учителя и др. Очень много дало чтение зарубежной литературы.

Я бы разбил на определенные этапы (периоды) свою научную деятельность в области изучения образования. Первый, начальный этап (1966–1975) охватил эмпирическое исследование свободного времени школьников и работу теоретического характера по освоению проблематики образования в целом.

Второй этап (1975–1981) был связан с работой в педагогическом институте. В эти годы особое внимание мною уделялось рассмотрению образования как элемента образа жизни ряда социальных групп. Центральной проблемой оказалось многомерное исследование образа жизни учителя как социально-профессиональной группы, проведенное коллективом кафедры под моим руководством (1977–1978).

Третий этап (1981–2001) охватил мои научные исследования сначала в области начального профессионального образования. В эти годы я работал в Свердловском инженерно-педагогическом институте (сейчас РГППУ). Затем интерес к исследованию образования расширился, охватив и допрофессиональное (в основном школьное), и высшее, и дополнительное образование. На этот этап приходится написание и публикация первого моего учебного пособия по социологии образования – двухтомной работы, первая часть которой называлась «Социология допрофессионального образования» (1993), вторая часть – «Социология профессионального образования» (1994)³⁰. Третий этап завершился публикацией

³⁰ Зборовский Г. Е. Социология образования. Ч. 1 : Социология допрофессионального образования. – Екатеринбург, 1993 ; Зборовский Г. Е. Социология образования. Ч. 2 : Социология профессионального образования. – Екатеринбург, 1994.

книги «Образование: от XX к XXI веку» (2000)³¹, которая заняла первое место в конкурсе работ по проблемам образования, ежегодно проводившегося Министерством образования России. К сожалению, почему-то обещанное в условиях конкурса денежное вознаграждение так и не было выплачено министерством. Вот и верь после этого людям... Нет, не людям – чиновникам Минобра.

Четвертый этап исследований образования охватил десятилетие моей работы в Гуманитарном университете (2002–2012). Наряду с эмпирическим изучением отдельных проблем высшего и школьного образования, самообразования, дополнительного образования, проводилась теоретическая разработка социологии образования как отрасли социологического знания, ее сопряженности с социологиями знания, культуры, досуга. Значительную роль в процессе освоения образовательной проблематики сыграло написание вместе с проф. Е. А. Шуклиной учебника монографического типа «Социология образования» (М., 2005)³². Не могу не отметить и историко-социологическое исследование социологического образования, нашедшее отражение в книге «Социологическое образование в России» (М., 2003, в соавторстве)³³. Поскольку я работал в те годы в негосударственном вузе, определенное внимание уделялось исследованию негосударственного образования. Активно способствовали научным изысканиям в области образования писавшиеся в те годы под моим руководством докторские и кандидатские диссертации.

С 2012 г. начинается пятый этап моих исследований в области образования, связанный с моей работой в Уральском федеральном университете и по совместительству в Сургутском государственном педагогическом университете. В СурГУ вместе с Е. А. Шуклиной и моими сургутскими коллегами, в первую очередь с В. П. Засыпкиным и О. В. Власовой (моей аспиранткой, защитившей диссертацию в 2013 г.), мы проводили исследования проблем обучения и социализации де-

³¹ Зборовский Г. Е. Образование: от XX к XXI веку. – Екатеринбург, 2000.

³² Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М., 2005.

³³ Зборовский Г. Е. и др. Социологическое образование в России. – М., 2003.

тей мигрантов, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе, а также учительства, работающего в школах ХМАО-Югры. По итогам этих исследований было издано несколько монографий, которые были отмечены дипломами Российского общества социологов как лучшие работы³⁴. По материалам исследования детей мигрантов проводилось специальное заседание в Думе округа, где мы выступали с докладами и давали многочисленные интервью для СМИ. Исследование было во многом пионерным.

В завершение разговора об исследованиях образования в рамках пятого этапа должен особо выделить то, что делает научный коллектив под моим руководством в УрФУ. Это большие проекты по грантам РНФ, РГНФ, РФФИ, упомянутые мною выше. Тематика их обширна и многообразна. Новый проект, начатый в 2018 г. и получивший грантовую поддержку РФФИ, имеет название «Доверие как фундаментальная проблема высшего образования».

Помимо коллективных работ, хочу назвать еще одну большую работу – свою индивидуальную монографию «Знание и образование в социологии: теория и реальность» (2013, объемом около 30 п.л.)³⁵.

После того как я попытался поэтапно показать свои исследования в области образования, мне нетрудно ответить на вопрос, в силу каких обстоятельств описанная выше тематика привлекала мое внимание. Ларчик открывается просто: постоянно работая внутри образования, я старался понять логику и механизмы его изменения сквозь призму социологического анализа, применяя различные методы социологического исследования. Когда я говорил, что ощущаю себя в первую очередь профессором, за этим стояло еще одно при-

³⁴ Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. – Сургут; Ханты-Мансийск, 2012; Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Методология и методика конкретно-социологического исследования проблем обучения и социальной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре. – Сургут, 2012; Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность. – Тюмень, 2013.

³⁵ Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург, 2013.

знание – понимание того, что я ощущаю себя в первую очередь человеком образования.

А если нам перейти от образования в целом к подготовке социологов? Что здесь «так» и что «не так»? Я провел полтора десятка интервью с самыми младшими нашими коллегами, недавно окончившими университет, магистратуру, некоторые уже защитили кандидатские диссертации или Ph.D. В чем дело, почему существует высочайший уровень стремления к обучению в европейских или/и американских университетах?

Твой вопрос и мой ответ на него выходят за пределы социологического образования и касаются проблемы учебной мотивации студентов в целом. Выявление причин существующих различий в этом вопросе «у нас» и «у них» – это долгая история. Коротко попробую ответить. Исследования, в том числе и мои, проведенные за много лет работы в различных студенческих группах, показывают, что по-настоящему мотивированных на хорошую учебу и стремление стать профессионалом в рамках своей специальности в России не более 15 % от общего количества обучающихся в вузах. Подавляющему большинству студентов нужен скорее диплом о высшем образовании, чем квалификация. И пока ситуация будет оставаться такой, какая она есть сейчас, пока не появится тесной связи между полученным качеством высшего образования и «откликом» на него качества профессиональной деятельности, ничего в мотивации не изменится.

На Западе ситуация иная. Там по-другому представляют себе связь между учебой в университете и будущей работой. Менталитет другой, атмосфера другая. Там сильному и активному студенту его товарищ по академической группе не скажет на семинаре: «Чего ты лезешь вперед? Тебе что, больше других надо?» У нас нет, к сожалению, ощущаемой молодыми людьми зависимости между реальными достижениями в получаемом образовании и успехами на профессиональной ниве. Что касается социологического образования, то ситуация, по моему мнению, усугубляется вследствие низкой общественной потребности в хорошо подготовленных социологах. Не последнюю роль играют и невысокие, по большей части, зарплаты у этой категории специалистов.

Гарольд, только что ты сообщил мне, что твоя с соавторами статья «Существует ли система высшего образования в России?» признана победителем в конкурсе статей журнала «Социс» за 2017 год. Во-первых, всех вас поздравляю с этой победой, во-вторых, дай ответ: «Есть ли система высшего образования в России, или как?»

Спасибо за поздравление. Что касается ответа на вопрос, есть ли у нас система высшего образования или ее нет, то согласись: если она есть, зачем бы я стал так называть статью, да еще в «Социсе». Статья как раз и посвящена доказательству того, что успешно действующей системы высшей школы в стране нет. Если и есть в этой сфере какая-то система (или хотя бы ее подобие), то речь может идти только о системе управления высшим образованием. Но при этом она вся из себя вертикальная, жесткая, глухая по отношению к образовательным общностям в вузах и отдельным людям – короче, копия властной, политической, управленческой системы в стране. Я уже не говорю о дикой бюрократии, не знающей границ и пределов.

Не случайно специалисты по высшему образованию, рассматривая мегауровень управления им, обращают свой взор на Кремль, откуда и идут все установки и трактовки стратегии деятельности высшей школы.

Анализ высшего образования в России, основанный на материалах наших (и не только наших) исследований, свидетельствует о том, что современные представления о нем как о системе – это скорее миф, чем реальность, а системность высшей школы – скорее видимость, симулякр, чем ее существенная характеристика. Источником этого мифа является в первую очередь власть, которая, многократно перестраивая систему управления высшим образованием, уверена, что этот процесс и есть формирование и развитие системы высшего образования в стране. Но, по сути, мы имеем дело лишь с имитацией в нем системных изменений.

Состояние современного высшего образования в нашей стране можно адекватно описать понятием в лучшем случае механистической системы. Она характеризуется отсутствием реальных связей между образовательными общностями и внутри них, между вузами, между образовательными общностями, вузами и управлением высшим образованием.

У каждого элемента такой системы имеются собственные цели, отличные друг от друга, собственные образы будущего, основанные на целеполагании, и представления о том, как их реализовать. Элементы механистической системы развиваются не просто асинхронно, а в разных темпомирах и темпоритмах, разрывы между которыми глубоки и принципиальны. Признаком механистической системы является ее неспособность воспроизводить себя, поскольку в ней отсутствуют/разрушены источники, ресурсы и механизмы саморазвития.

Наше высшее образование сегодня нуждается в трансформации в органическую систему, ориентированную на социально-экономический и социокультурный контекст развития общества, а также тех регионов и макрорегионов (федеральных округов), в которых вузы работают. Именно они, эти макрорегионы (а не столичные города), могут стать точками роста такой системы, в которой будут доминировать не вертикальные, а горизонтальные взаимодействия, в первую очередь между образовательными общностями. Именно в них необходимо формировать предпосылки для этого процесса. Его концептуальной основой является модель нелинейного развития высшей школы, теоретическая разработка и практическая реализация которой должна стать предметом реальной заботы исследователей, вузов, власти, бизнеса. Собственно, наши исследования и посвящены разработке нелинейной модели высшего образования в условиях экономической и социальной неопределенности жизни нашего общества, да и каждого из нас в отдельности.

Социология времени

Гарольд, я не уверен, что ты сам сможешь разобраться в том, что тобою и твоими учениками сделано в области социологии времени, но, кроме тебя, этого вообще никто не может сделать. Так что, пожалуйста, попробуй...

Начав заниматься проблематикой времени с осени 1963 г., я никогда не терял к ней интереса. Но интенсивность анализа этой проблемой была очень разная на разных этапах моей научной работы. И я готов обозначить эти этапы, прежде чем отвечать на конкретные вопросы, охватывающие темпоральную проблематику.

Первый этап я определяю хронологически (все-таки «время», по-другому нельзя) с осени 1963-го до 1981 г. У этого этапа были не только временные рамки, но и важные содержательные и организационные характеристики. Последние были связаны с написанием и защитой трех диссертаций – одной кандидатской и двух докторских. Все они, так или иначе, были посвящены различным аспектам проблемы времени – как свободного, так и социального (включая свободное) в целом. По-видимому, наиболее значимым событием этого этапа было написание и издание моей первой индивидуальной монографии³⁶. Ей предшествовала книга, написанная в соавторстве с Г. П. Орловым и изданная в 1970 г.³⁷ В этой работе были обозначены некоторые начальные контуры темпорального подхода, без всякой связи с социальным временем и социальным пространством.

Что касается этапной монографии «Пространство и время...», то в ней нашла отражение одна из первых теоретико-социологических концепций социального времени как формы и способа существования социального бытия. Была показана его структура, взаимосвязь с социальным пространством, введено понятие «социальное пространство – социальное время». По существу в работе проявилось мое стремление к осуществлению «хронотопного» подхода. В монографии имела место одна из первых попыток в отечественной социологии рассмотреть время как не только объективный, но и субъективный феномен. С этой целью я обратился к анализу перцептуального характера времени и возможности его социального конструирования.

В рамках этого же первого этапа было реализовано исследование структуры и функций как социального времени, так и его элементов – рабочего и внерабочего (в том числе свободного) времени. Свободное время было показано как время, детерминированное родовой характеристикой – свободной деятельностью, осуществляемой на основе свободного выбора варианта поведения и ответственности за него.

³⁶ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974.

³⁷ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии. – Свердловск, 1970.

Второй этап пришелся на 1980-е – начало 1990-х гг. От теоретической картины социального времени и отдельных эмпирических исследований первого этапа я перешел к изучению структуры и содержания бюджета времени отдельных социальных групп, связав такой анализ со спецификой их образа жизни. В частности, эта работа была проведена в отношении учительства. Еще в конце 1970-х гг. было проведено комплексное, многомерное изучение его образа жизни (на материалах исследования этой социально-профессиональной группы в Свердловской области). Частью данного исследования стал анализ бюджета времени педагогов школы, сквозь призму которого характеризовались многие проблемы их деятельности. Благодаря изучению особенностей бюджета времени учителей стала возможной их типология, осуществленная на основе рассмотрения темпоральных характеристик и временных стратегий деятельности этой группы.

Затем, после некоторого перерыва, произошел возврат к проблемам времени³⁸. Я не могу этот период определить как особый этап исследования проблемы времени. Скорее это было «межэтапье», если можно ввести такой термин. Происходит накопление соответствующего теоретико-эмпирического материала, подспудное вызревание нового интереса к темпоралистике и новых подходов к изучению времени. Сейчас у меня складывается такое ощущение, что я как будто предвидел приближение, а затем и наступление этого нового этапа исследования времени, которое действительно произошло после 2010 г. В связи со сказанным мне хотелось бы назвать еще одну важную характеристику «межэтапья». Речь идет об очень важной для меня работе по обоснованию идеи необходимости интеграции и взаимодействия ряда отраслей социологического знания, подводящих к проблематике времени, – социологий времени, досуга, культуры, образования.

Вот теперь можно переходить и к третьему этапу работы над темпоральной проблематикой. Но о нем я должен говорить особо, потому что он касается не столько моей индивидуальной, сколько совместной деятельности с П. А. Амбаров.

³⁸ Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. – М., 2006.

Я думаю, мы еще коснемся характера связей между разными направлениями твоих изысканий, ведь теперь это все – единый неразрывный комплекс. Однако сейчас – немного об изучении социального времени, что стало твоей исследовательской визитной карточкой.

Выше ты уже начал рассказывать о своих поисках в этой области, но вернемся в начало 1960-х. Мы помним многих, кто в той или иной степени занимался изучением бюджета времени. Была небольшая книжечка по свободному времени у Б. А. Грушина, под дружеским давлением И. С. Кона В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов провели свое первое социологическое исследование именно по этой проблематике, она же была темой кандидатской диссертации В. В. Водзинской. Под руководством Здравомыслова начиналось обширное лонгитюдное изучение бюджета времени служащих аппарата ленинградских райкомов КПСС, и я входил в социологию, работая в этом проекте. В Новосибирске с подачи Г. А. Пруденского активно работали В. Д. Патрушев и В. А. Артемов. Наконец, классика – «Человек после работы» Л. А. Гордона и Э. В. Клопова. В чем ты видишь причины этого феномена?

Вопрос об интересе к проблематике свободного времени и изучению бюджета времени в целом, отдельных категорий населения в особенности – не простой. Для начала я скажу о том, что во второй половине 1960-х гг. сложилось несколько центров исследования этой проблемы. В Москве это были исследования, которые провел Б. А. Грушин, сотрудничая с «Комсомольской правдой». Газета тогда провела анкетный опрос населения страны. Автором анкеты был сам Грушин. Результаты опроса были обобщены в книжке Б. А. Грушина³⁹. Чуть позже этой проблемой начали заниматься в Москве Л. А. Гордон и Э. В. Клопов. Их знаменитое исследование в Таганроге нашло отражение в книге «Человек после работы»⁴⁰, которая по замыслу должна была стать продолжением ядовско-здравомысловской «Человек и его работа». Насколько я понимаю, тема свободного времени никогда напрямую не интересовала ни того (В. А. Ядова), ни другого (А. Г. Здра-

³⁹ Грушин Б. А. Свободное время: актуальные проблемы. – М., 1967.

⁴⁰ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. – М., 1972.

вомыслова). То, что последний изучал бюджет времени партработников, было, по-моему, проходным и всерьез его не интересовало. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что серьезных публикаций на эту тему у Андрея Григорьевича не было. По крайней мере, я их не видел. А «копал» я эту проблему в те годы достаточно глубоко, и практически все, что выходило в печати, попадало в сферу моего внимания.

Если уж говорить об исследованиях в Ленинграде (кроме Ядова и Здравомыслова), то их вел Александр Васильевич Неценко, которого я хорошо знал. Он очень глубоко и тщательно изучал бюджет времени студентов Питера, издал книгу «Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме» (Л., 1975), защитил на эту тему докторскую, а в 1980-х гг. переехал в Минск (он развелся, женился вновь, и ему с женой в Минске дали квартиру и работу). Я был у него в гостях, когда приезжал в Минск оппонировать в конце апреля 1986 г.: это было в день Чернобыльской катастрофы (потому так хорошо и запомнил эту дату).

Было в стране еще два центра изучения обсуждаемой проблемы – в Новосибирске (Красноярске) и Свердловске. Самый большой – в Новосибирске, там исследованиями руководил Г. А. Пруденский. Он переехал в Новосибирск из Свердловска, где после войны был сначала ректором Политехнического института (сейчас это один из двух базовых вузов, на основе которого, наряду с классическим университетом, и существует возникший восемь лет назад Уральский федеральный университет), а затем секретарем Свердловского ГК КПСС по пропаганде. В Новосибирске Пруденский стал директором Института экономики и организации производства (собственно, он поехал в Академгородок за членкоррством, которое и получил, но до академика не дослужился, поскольку вскоре умер). В 1964 г. у него вышла книга «Время и труд», где он ввел категорию «внерабочее время» (думаю, с подачи его ученика В. Д. Патрушева, который сначала работал в Красноярске, а потом его перевез в Новосибирск Пруденский; кстати, Патрушев в Новосибирске задержался не очень надолго: как только директором ИСИ стал Руткевич, он пригласил Патрушева в Москву, в ИСИ). Г. А. Пруденского я лично не знал, а В. Д. Патрушева знал очень хорошо, тем более что

он часто выполнял указания директора ИСИ и вел себя далеко не всегда чистоплотно, в том числе по отношению ко мне.

В Новосибирске была очень неплохая группа исследователей бюджетов времени, включая и проблематику свободного времени: В. А. Артемов, Б. П. Кутырев, Л. С. Колобов, В. И. Болгов (который тоже потом переехал в ИСИ) и др. Сейчас из этой когорты остался один В. А. Артемов. Справедливости ради я должен сказать, что самые серьезные исследования бюджета времени вели именно В. Д. Патрушев и В. А. Артемов.

Наконец, не могу не сказать о центре исследований в Свердловске, который возглавили Г. П. Орлов и я. Его особенностью была разработка теории свободного времени. Эмпирических исследований во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. по этой проблеме проводилось мало. Они касались в основном свободного времени школьников-старшеклассников, студентов, учителей. В 1970 г. вышла наша с Г. П. Орловым совместная работа «Досуг: действительность и иллюзии» (о чем выше уже говорилось). В этом же году Г. П. защитил докторскую диссертацию. В 1973 г. сделал это и я, тема моей работы – «Свободное время как социологическая категория: социально-исторический анализ» (о чем ранее также уже говорилось). Должен извиниться за повторы фактов, но они имеют определенную цель: эти публикации и защиты имели особое значение для развития исследований того времени, они привлекали к себе внимание не только общественности, но и желающих заниматься изучением поставленных проблем.

Касаясь работы свердловских социологов по проблеме свободного времени, должен сказать, что они группировались вокруг кафедры философии юридического института, где работали Г. П. Орлов и я. Это были в основном наши с ним аспиранты и некоторые преподаватели из других вузов города, многие из которых потом защитили не только кандидатские, но и докторские диссертации (но уже не по проблемам свободного времени).

Теперь я попытаюсь объяснить, почему в то время (1960-е – начало 1970-х гг.) был такой интерес к поставленной проблеме. Возрождение или, точнее, новое рождение отечественной социологии (здесь я вновь выражаю абсолютное согла-

сие с твоей позицией) шло в разных направлениях – не только тематических и содержательных, но и «методных». Поскольку социология была занята мучительным поиском точных, строгих, адекватных методов, то внимание и было обращено к одному из них. Это был метод изучения бюджета времени. Когда каждый вид деятельности, вся повседневная жизнь могут быть выражены строго в часах и минутах, процентах, удельных весах и т. д., это дает понимание не приблизительности данных оценочного характера, а определенности и точности результатов. Материалы таких исследований могут быть использованы в управленческих решениях (если они кому-нибудь будут нужны).

Но важно и другое: исследуя социальные процессы таким путем, социология обозначала свое место в системе научного знания и претензии на то, чтобы это место занять. Поэтому, когда задавался традиционный вопрос о том, что социология может, тут же из рукава доставалась козырная карта в виде точного метода, с помощью которого можно было получать неявное знание. Думаю, что приведенное объяснение не является исчерпывающим, но, как мне кажется, представляет собой какой-то ответ на поставленный вопрос.

Однако проблемы свободного времени изучались не только с помощью бюджетного метода. В конце концов, им пользовались далеко не все, кто их исследовал. Л. А. Гордон и Э. В. Клопов написали блестящую книгу «Человек после работы», используя традиционную, как мы сказали бы сегодня, методику. Изучение ценностных ориентаций и повседневного (регулярного) поведения людей не дает точных и строгих данных о количественных характеристиках и структурных соотношениях видов деятельности и затрат времени на них, но зато позволяет осуществить глубокий содержательный анализ бытовой и досуговой деятельности (имею в виду книгу «Человек после работы»).

Не могу не коснуться и проблем теории свободного времени, которые именно в 1970–1980-х гг. получили свою достаточно разнообразную трактовку. Для меня лично разработка теории свободного времени стала пропуском в исследование социального времени.

В целом же интерес к проблемам времени (рабочего и вне рабочего) в стране в тот период имел серьезную общест-

венную подоплеку: шло сокращение продолжительности рабочей недели, осуществлялся переход к пятидневке и т. д. Реакцией на общественный запрос и стали социологические исследования темпоральных аспектов жизни общества и его отдельных социальных групп.

Сначала напомню тебе, что самое первое исследование А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова было сделано с подачи И. С. Кона, который прочитал в «Коммунисте» статью Г. А. Пруденского и «зажегся». Что касается отсутствия у Здравомыслова публикаций по изучению бюджета времени, то объяснение лишь одно: и сам факт этого проекта, и тем более результаты были абсолютно засекречены. Вышедшая в 2013 г. статья его коллег Л. П. Абрамовой и Г. Г. Филиппова⁴¹ немного приоткрыла завесу секретности. И дополнение к предыдущему вопросу: а не кажется ли тебе, что Г. А. Пруденский в своих исследованиях шел от ощущения необходимости изучения реальности и от стремления продолжить работы С. Г. Струмилина? То есть к социологии от экономики?

Отчасти, возможно, что и так. Но я думаю в этой связи немного о другом. Г. А. Пруденский руководствовался, как мне кажется, идеей реструктурирования социального времени, точнее, приспособления его структуры к потребностям конкретного (эмпирического) исследования, а еще больше – изучения общества, его классов (социальных групп), трудовых коллективов. Чтобы его осуществить, нужна была операционализация социального времени, выполненная на иной, нежели у Струмилина, основе. С. Г. Струмилин исходил из выделения в структуре времени общества двух его частей – необходимого и свободного. Пруденского, по указанной мной выше причине, такой подход не устраивал, равно как не устраивала структура, включавшая в себя рабочее и свободное время. Между ними должны были находиться временные характеристики видов деятельности, которые непосредственно не относились ни к тому, ни к другому. Так появилось «вне-

⁴¹ Абрамова Л. П., Филиппов Г. Г. Изучение эффективности деятельности аппарата КПСС. Малоизвестные страницы истории ленинградской социологии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2013. – № 4. – С. 25–29.

рабочее время», противопоставленное рабочему, с включением в него свободного времени. Здесь, конечно, имели еще значение признаки свободы (свободной деятельности), поразному присутствовавшие в каждой из временных структур. Конечно, Г. А. Пруденский не хотел быть экономистом больше, чем Римский папа – католиком. Но он не хотел быть и таким же экономистом, как папа – католиком. Думаю, что в условиях зарождавшейся социологии он хотел быть и тем и другим – и социологом, и экономистом. Вообще же творчество Г. А. Пруденского, как мне кажется, требует дополнительного анализа, и именно с позиций социологической науки. Представляется, что он интуитивно ощущал ее широкие возможности, не вполне осознавая их спектр. Если бы не преждевременный уход из жизни... Впрочем, это уже другой вопрос.

Социальная проблематика времени до сих пор находится в поле твоих научных интересов. Так, недавно под твоим общим руководством докторскую диссертацию в этом предметном пространстве успешно защитила Полина Анатольевна Амбарова. Не мог бы ты кратко рассказать о сделанном тобой и твоими учениками по этой проблематике?

Я все ждал, причем, скажу честно, с определенным страхом (или, точнее, опасением) такого вопроса. Прежде чем говорить о сделанном мной и моими учениками по этой проблематике, хочу остановиться на личностном аспекте темпоральной стороны моей жизни. Она во многом определила последующие трансформации моего отношения к времени как повседневному феномену, как к постоянному и регулярному фактору и способу жизнедеятельности, наконец как к научной проблеме.

Дело в том, что время (проблематика времени) – это моя «первая любовь» в социологии. Несмотря на то что тема кандидатской (а потом отчасти и докторской) диссертации была связана с зарубежными теориями свободного времени, за этим стояла более широкая проблема времени как способа и формы социальной и индивидуальной жизни. Здесь имел место тот случай, когда научная проблема откликалась в моем мировосприятии каждой своей клеточкой. Я имею в виду

превращение времени как проблемы исследования в факт повседневной жизни, в его ощущение как реальности.

Проблема времени никогда не оставляла меня в покое. Для меня тогда (середина и вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг.) время выступало как нечто живое, как постоянно «живущее» в человеке и обществе «обстоятельство», заставляющее совершать людей те или иные индивидуальные и социальные действия. Я не мог рассматривать время как нечто «холодное» и абстрактное, как отстраненное от личности и имеющее чисто философский характер понятие. Я сам жил не просто во времени, а временем. Это был тот период моей жизни, когда я ощущал ход времени, его протекание буквально кожей. Я уже говорил в начале нашего разговора, что мог практически безошибочно, не глядя на часы, определять время днем с точностью до 10, иногда даже 5 минут. Да и сейчас ощущение времени не пропало, хотя точность определения проживаемого момента времени значительно снизилась.

С этим биолого-физиологическим свойством оказалась тесно связана социокультурная характеристика моего отношения ко времени – стремление к его максимально рациональному использованию. Вероятно, этой личностной характеристике способствовала насыщенность, плотность деятельности, начиная с детства, необходимость сочетания целого ряда занятий, а иногда и совмещения некоторых из них в одну и ту же физическую единицу времени (в целях его экономии).

Когда я начал серьезно изучать проблемы времени в истории социальной мысли, а затем и в современной статистике, экономической и социологической науке, я стал регулярно заниматься самофотографией недельного бюджета времени, подвергать его аналитическому разбору, искать неоправданные потери времени, выявлять для себя его резервы. В немалой степени этому в свое время способствовало чтение повести Д. Гранина «Эта странная жизнь» и описание в ней жизни профессора А. А. Любичева, который десятилетиями вел дневник использования времени.

Теперь я могу перейти ко второй части ответа на поставленный тобой вопрос о том, что сделано мной и моими учениками по проблеме времени. Выше, отвечая на один из твоих вопросов, я уже говорил, что начинал свое социологическое творчество с анализа западных концепций свободного

времени. Но стоило мне заглянуть поглубже в его содержание, в досуговый мир жизнедеятельности человека, как стало ясно, что он не автономен и тем более не самодостаточен, а лишь занимает свое определенное место в более широком и индивидуальном, и социальном контексте. Рамки свободного времени оказались тесными, понадобился выход за его пределы в более широкую и содержательно наполненную категорию социального времени.

Шел же я в своем анализе не от содержания к форме, а наоборот: от свободного времени как способа и формы социального и личностного бытия к его содержанию, наполненному различными видами деятельности. Поэтому следующий маршрут мысли оказался логическим продолжением предшествующего: от свободного времени к социальному времени, но уже рассматриваемому в единстве с социальным пространством. Я должен самокритично признаться: удалось лишь поставить вопрос в такой плоскости, попытка анализа единства и взаимосвязи социального времени и социального пространства в полной мере реализована не была.

Причины этого имели не только субъективный, но и объективный характер, обусловленный недостаточным уровнем развития социологической науки в тот период. Да и отношение к понятиям «социальное время» и «социальное пространство» в те годы было, мягко говоря, прохладным. Когда руководитель ведущего (и единственного тогда) социологического института страны и председатель Советской социологической ассоциации говорит на защите докторской диссертации в 1974 г. соискателю, использовавшему в работе категорию социального времени (вдобавок еще и сославшемуся на мои работы, что усугубило ситуацию): «Поверьте мне, никакого социального времени не существует, все это антимарксистские штучки», – то можно представить себе, как трудно было утверждать в литературе новый понятийный подход.

Тем приятнее было читать в работах Э. Гидденса конца 1980-х – начала 1990-х гг. целые фрагменты о взаимосвязи социального времени и социального пространства, анализ которой английский социолог осуществлял на микросоциологическом уровне, используя для этого две основные для горожанина взаимосвязанные социально-пространственные зоны – город и дом. Эти зоны Э. Гидденс попытался соеди-

нить с временным зонированием жизнедеятельности человека и социальных групп. Оказалось, что пространственные зоны точно так же являются и временными, поскольку в каждой из них человек проводит какой-то временной отрезок своей повседневной жизни. Например, в спальне человек находится с 12 часов ночи до 7 часов утра, на кухне он бывает с 7.30 до 8 часов утра и с 18 до 19 часов, в пространственной зоне трудовой деятельности – с 9 до 17 часов и т. д.

Другими словами, если продолжить Гидденса, то имеет смысл говорить о специфическом пространстве рабочего и внерабочего, в том числе свободного, времени, равно как и о специфических временных характеристиках различных социально-пространственных зон жизнедеятельности. Возникает, стало быть, проблема пространственно-временной локализации деятельности человека и ее исследования, не говоря уже о необходимости учета этого аспекта социальной жизни для решения ряда проблем городского и семейного бытия.

Теперь о моих учениках, пока только в связи с проблемой времени. Было много работ аспирантов и докторантов, в которых в той или иной плоскости рассматривались или хотя бы затрагивались различные аспекты проблемы времени. Конечно, среди них немало исследований посвящалось изучению различных сторон свободного времени. Но, в отличие от многих других работ, в диссертациях моих учеников проблематика свободного времени вписывалась в более широкий научный контекст времени вообще, социального времени – в особенности. И уж коли ты мне задал вопрос о моих учениках, точнее, о сделанном ими в рассматриваемой области научных исследований, то я не поленился и достал с полки авторефераты их диссертаций. Получилось, что в восьми работах эта проблема заняла, как бы я сказал, достойное место. Рассматривалась она сквозь призму тем по образованию, самообразованию, девиантному поведению, потребностно-мотивационной структуре, социально-ролевому поведению, молодежным субкультурам и т. д.

Но, конечно, апофеозом всех работ моих учеников по проблеме времени стала докторская диссертация Полины Амбаровоу «Темпоральные стратегии поведения социальных общностей в условиях перехода к нелинейному социальному времени». Этой работой я по-настоящему, как научный кон-

сультант, горжусь. Должен тебе сказать, что под моим руководством (научным консультированием, как принято официально говорить, чего я абсолютно не могу сказать о себе, потому что речь идет именно о руководстве) было защищено не так много докторских диссертаций – всего 10 (эту цифру я раньше уже называл). Все это очень сильные работы. Делая такое заявление, я тем самым косвенно утверждаю, что от скромности не умру. И вообще в моем возрасте скромность – уже не добродетель. Так вот, среди десяти работ я особо бы выделил две-три, и среди них, безусловно, диссертацию, монографию и несколько десятков статей, причем многие в очень рейтинговых журналах, П. А. Амбаров.

Здесь я возвращаюсь в 2012 г. Он ознаменовался началом нового и, может быть, самого радостного и счастливого этапа работы над проблемой времени – возник интерес к его нелинейности, связанный с анализом темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей. Решающую роль в становлении этого нового этапа и нового интереса сыграло событие, значение которого мне трудно переоценить.

Весной 2012 г. ко мне в докторантуру приходит П. А. Амбарова. Я ее спрашиваю, чем она хочет заниматься. И она, ты представляешь, говорит в ответ мне одно слово – временем. Я смотрю на нее и счастливо улыбаюсь, а она меня спрашивает, отчего я так улыбаюсь. Я же ей отвечаю: эта тема – моя первая любовь. Мне кажется, этим признанием я ее сильно смутил. Но это было уже не столь важно. Обоюдный выбор и обоюдное согласие мгновенно состоялись.

Должен в порядке отступления сказать тебе, что основной, исходный принцип моей работы с диссертантами (я раньше уже начинал говорить об этом) – идти навстречу их интересам, согласовывать темы диссертаций с их пожеланиями, но при этом и с моими интересами и компетентностью. Я должен изначально быть готов к руководству конкретной темой, а диссертант должен выбирать ее «по любви». Именно так я всегда говорю вновь приходящим работать со мной людям. Бывает, конечно, и по-другому. У меня было несколько случаев, когда аспиранты приходили «просто ко мне», без темы, без конкретного интереса, но с желанием работать только со мной. В этих случаях мы обсуждали разные варианты, устраивавшие обе стороны, и всегда находили общий язык.

Последние годы ознаменовались нашей с П. А. Амбаров совместной работой над проблемой времени не только потому, что она писала докторскую диссертацию, многие проблемы которой мы постоянно обсуждали. Мы с ней выиграли грант РФФИ, что стимулировало нас писать совместные статьи. А в октябре 2017 г. издали совместную монографию по проблеме времени (кстати, одну работу популярно-монографического жанра под названием «Нелинейное время: как люди в нем живут?» она одна уже написала, препринт этой книги выставлен на сайте РГНФ). Название нашей совместной книги – «Время социальной общности» (более 20 п.л.). Об этой работе, ее центральных идеях я еще найду возможность высказаться дальше, когда возникнет проблема обобщения накопленного за последние годы интеллектуального и научного багажа.

Так что, как видишь, время продолжает свой бег по дорогам моей жизни, моей памяти, моей любви. И я стараюсь делать это вместе с ним, в унисон ему. Как долго и как успешно это будет продолжаться, трудно сказать. Но пока будет...

Зачем «найду возможность»? Пожалуйста, расскажи сейчас, и не только потому, что об этом естественно поговорить именно здесь, но и потому, что тематика социальной общности весьма интересна мне. Я даже поясню, почему эта тема мне близка. Как ты знаешь, в моих историко-социологических построениях ключевое место отведено поколениям российских социологов, а поколение – это некая пространственно-дисперсная социальная общность, члены которой связаны именно «единым» социальным временем.

Полностью разделяю твое мнение о поколенческих общностях российских социологов. Это невероятно интересная тема научного исследования. Для истории отечественной социологии – просто находка. Я знаю одного социолога, который вносит громадный вклад в изучение этой проблемы. Это – профессор Б. Докторов. Но его одного явно мало, даже просто для того, чтобы обобщить собранный им колоссальный материал. Ах, как бы нужен был в помощь Докторову талантливый ученик! Да где же его взять? Между прочим, вот блестящая тема для историко-социологической диссер-

тации – «Поколенческие общности в отечественной социологии». Ты много пишешь в отечественные журналы, активно публикуешься в сетях, тебя хорошо читают. Предложи эту тему. Чем черт не шутит, вдруг люди откликнутся! А лучшего научного руководителя-консультанта, чем ты, не найти.

Защититься вполне найдется где. Сейчас в стране в ведущих университетах создаются диссертационные советы вне ВАКа, причем совершенно официально. Ряд вузов, в том числе и мой университет, уже получил право на создание таких советов. И с осени следующего года они начнут работать. А в МГУ, СПбГУ, «Вышке», насколько мне известно, дело уже пошло. Сейчас идет подготовка к их открытию в УрФУ...

Спасибо, Гарольд. Понимаешь, это то, что называется – «оба варианта хуже». Если никто не откликнется, буду горевать я, если кто-либо откликнется – будут горевать они. Руководить работой над диссертацией по электронной почте или Скайпу – не дело, а в России я бываю редко...

Теперь давай вернемся к существу твоего вопроса – о социальных и поколенческих общностях. Я начал заниматься изучением социальных общностей уже давно, около 30 лет назад. И подтолкнул меня к этому, сам того не зная, В. А. Ядов. В 1990 г. он опубликовал в «Социологических исследованиях» статью «Размышления о предмете социологии»⁴², в которой в качестве ядра предметного поля социологии рассматривал социальную общность (давая при этом ее широкое толкование и включая в перечень типов социальных общностей даже цивилизацию).

А я в это время писал свой первый учебник по социологии и при характеристике предметного поля нашей науки тоже пришел к определению социальной общности. Ознакомившись со статьей Ядова и его аргументацией, я очень обрадовался такому мощному теоретическому союзнику и даже в какой-то степени научному покровителю. Ему я, конечно, об этом ничего не говорил до поры до времени, но когда учебник вышел, то он, естественно, получил от меня книгу в подарок.

⁴² Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. – 1990. – № 2.

Не знаю, эта работа или другие, известные ему мои опусы, но какие-то обстоятельства сыграли свою роль в моем участии в самом первом конкурсе проектов учебников по социологии, который спонсировал Дж. Сорос. А Ядов был членом конкурсной комиссии или жюри, не помню точно, как называлась эта структура. Зато хорошо помню его негодование, когда буквально за неделю до срока окончания подачи заявок, не обнаружив моей, он позвонил мне на кафедру (а я в это время как раз вел ее заседание) и сказал в нелицеприятной форме, при этом достаточно громко, что обо мне думает в связи с этим. Кафедралы все слышали и все поняли. Поскольку же я дал Ядову обещание быстро написать проект (заявку), мне пришлось срочно закрыть заседание и на три дня уйти «в подполье». На конкурсе мой проект попал в число победителей, и в 1995 г. в Москве был опубликован учебник «Общая социология»⁴³. В нем доказывалось, что социальная общность – это не просто «сердцевина» предмета социологии, а такое понятие, которое пронизывает и его периферические зоны: социальные действия и взаимодействия, социальные институты и организации, социальные процессы, социальную структуру, наконец, общество в целом.

Потом у меня выходили совсем другие, уже новые учебники по общей социологии⁴⁴. В начале XXI в. было три их издания и переиздания – в Екатеринбурге и Москве. Однако моя позиция в отношении предметного поля социологии и его ядра – социальной общности – оставалась неизменной. Такой она является и сейчас. А в 2009 г. у меня вышла монография «Теория социальной общности»⁴⁵. Я ее подарил В. А. Ядову на заседании Президиума РОС. Он тут же начал ее сначала листать, потом читать какие-то фрагменты. Мне же сказал только, и то как-то скороговоркой: «Любопытно, очень любопытно, нужно будет почитать». И все. Может быть, где-то что-то он и говорил, и писал по поводу подаренной работы. Но я этого не знаю. Больше ничего о своей

⁴³ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Общая социология. – М., 1995.

⁴⁴ Зборовский Г. Е. Общая социология : курс лекций. – Екатеринбург, 1997 ; Зборовский Г. Е. Общая социология. – 3-е изд. – Екатеринбург, 2003 ; Зборовский Г. Е. Общая социология. – М., 2004.

⁴⁵ Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург, 2009.

книге от него не слышал. А спрашивать при встречах было как-то неудобно. Кстати, в «Теории социальной общности» Ядова я много цитировал и часто ссылался на него, благо, что поводов для этого было более чем достаточно.

В упомянутой работе я доказывал, что подлинно социологический анализ общества может быть осуществлен только через представление о нем как о взаимосвязи социальных общностей различного порядка и уровня. Было показано 14 общностнообразующих признаков, имеющих как объективный, так и субъективный характер. В качестве одного из основных среди этих признаков выступало время социальной общности. Этой теме была посвящена уже упоминавшаяся монография (в соавторстве с П. Амбаровой) «Время социальной общности».

В ней отмечалось, что среди многих социальных общностей особое место занимают те, для которых темпоральные характеристики являются определяющими. Назывались и рассматривались возрастные и когортные общности. В таком же «темпоральном ряду» фигурировали и характеризовались поколенческие общности.

Каждое новое поколение несет в себе глубокие качественные особенности, связанные с мировоззренческими, ценностными, культурными и иными аспектами деятельности, приобретающими подчас стратегическую для данной общности направленность. Последняя не может не быть связанной с темпоральными проблемами и особенностями поведения генерационной (поколенческой) общности, которые накладываются на деятельность любой иной социальной общности. Ибо каждое новое поколение несет с собой не просто ветер перемен; это ветер нового времени, нового восприятия времени, нового отношения к нему. Время меняет поколения, а поколения меняют время, рожают новые темпоральные способы деятельности и взаимоотношений между людьми, новые способы его восприятия.

Время поколенческих общностей в данном случае – не фон, не хронологический интервал протяженностью в 10–15–20 лет, не календарные годы. Это тесно сопряженные с поколенческой общностью способ и форма ее деятельности, ее образ жизни. Это существование одних и тех же ценностей, потребностей, поколенческих установок в качестве домини-

рующих. Это появление особого культурного кода поколения (поколение шестидесятников как образец) и языка поколенческой общности (в том числе его сленговых форм). Это коллективные представления и общественное мнение, выражающие состояние общественного сознания поколения, что для социологии особенно важно, поскольку составляет предмет эмпирического изучения.

Речь идет о непосредственном отношении к времени своей жизни и деятельности, его тесной связи с повседневным, регулярным, типичным поведением, в котором само время, темпоральность как таковая, их качества, свойства, черты, ценности могут занимать различное место – от наиболее до наименее значимого в жизни общности. Наибольшая значимость означает при этом превращение времени и темпоральных характеристик деятельности в доминанту какой-то поколенческой общности (ее части, слоя), наименьшая значимость – ситуацию обратного порядка, когда фактор времени как таковой никакой реальной роли в деятельности общности (ее части, слоя) не играет. Конечно, между этими двумя полюсами могут находиться и промежуточные социальные слои, группы людей, выделяемые по такому критерию, как их отношение к времени.

Я рассматриваю поколение как определенную социальную общность, обладающую присущими ей пространственно-временными характеристиками. Каждое поколение отличается историческим своеобразием, соответствующим историческому времени его «проживания». Тем самым провозглашается нелинейная концепция общественного прогресса.

Поколенческий подход, связанный с выявлением темпоральных характеристик тех или иных социальных общностей, может играть определенную методологическую роль, когда мы пытаемся использовать его для рассмотрения конкретных субъектов социального действия. С этой точки зрения большой интерес представляет поколенческий подход, примененный к анализу развития социологического сообщества в нашей стране. Речь идет о поколениях ученых, с которыми было связано второе рождение отечественной социологии (в конце 1950-х – начале 1960-х гг.), а затем и ее развитие.

Я исхожу из той трактовки понятия поколения социологов, которую даешь ты⁴⁶. Если помнишь, к поколению у тебя относится достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах; 2) их вхождение в социологию происходило в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Базовым принципом построения системы поколений социологов у тебя (на основании проведенных интервью с отечественными социологами; если я ничего не путаю, сейчас их уже около 180) стала равная временная продолжительность каждого из них. В результате поиска алгоритма и использования целого ряда процедур расчета ты нашел оптимальную «длину» поколения – 12 лет. Затем она была «привязана» тобой к жизненным траекториям социологов, связанным с датами их рождения и включением в деятельность социологического сообщества. Определялся также центр интервала рождения поколения. Каждое поколение получило свое социально-хронологическое название. Все это нашло у тебя отражение в специальной таблице «Лестница поколений в постхрущевской российской социологии». В ней оказались представленными 8 поколений: «шестидесятники» (первая волна) – 1923–1934 гг. рождения; «шестидесятники» (вторая волна) – последние годы 1920–1934; военное – 1935–1946; первое послевоенное – 1947–1958; постоттепельное – 1959–1970; предперестроечное (годы застоя) – 1971–1982; дети перестройки – 1983–1994; первое поколение постсоветской России – 1995–2006.

Извини за столь пространное использование и цитирование твоих работ, но мне это очень важно для прояснения своей позиции, которая в данном случае во многом совпадает с твоей и даже исходит из нее. Так что еще немного потерпи – вместе с читателями – ссылки на твои трактовки.

Вот еще одна из таких полезных для меня, в которой показывается значение поколенческого подхода: «В чем эвристическая сила и аналитическое удобство поколенческого под-

⁴⁶ Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб., 2013. – С. 135–161.

хода? Скорее всего, в том, что он позволяет рассматривать влияние эпохи, социального времени на группы социологов; становится понятнее, что прорывы в науке делаются единицами, а сама наука – поколениями»⁴⁷.

Благодаря поколенческому подходу мы можем обнаружить не только единство социологического сообщества, но и его внутреннюю дифференциацию в отношении и к научной проблематике, и к тому, что происходит в обществе, и к власти, точнее, взаимодействию с ней. Отсюда появляется возможность рассмотреть проблему преемственности «внутри» отечественной социологии. Зачастую ситуация преемственности выступает как вовлечение новых, чаще всего молодых (хотя это не является главным и обязательным требованием) людей в социологическую науку и передача им уже имеющихся знаний, умений, навыков, опыта со стороны лидеров поколений, как правило, первого и второго. Другими словами, поколенческий подход становится межпоколенческим.

При всей важности применения поколенческого подхода к социальным общностям (самым разным, в том числе и профессиональным) его не следует переоценивать. И здесь я согласен с тем, что возможности и границы поколенческого подхода могут быть точнее выявлены лишь по мере накопления данных, увеличения числа изучаемых профессиональных когорт и расширения перечня аналитических задач.

Но на этом для меня использование поколенческого подхода к анализу общностей (сообщества) социологов не закончилось. Я попытался применить его к рассмотрению поколений социологов, изучающих время. Однако речь идет по существу о поколениях не только (а может, и не столько) социологов, но и теорий социального времени. Таким образом, возникает двойная социологическая «рефлексия времени». Здесь мне помогли разобраться с поколениями теоретиков времени работы 1990-х гг. Барбары Адам⁴⁸.

Она говорит о трех поколениях западных теорий социального времени, имевших место в XX столетии. Первое по-

⁴⁷ Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб., 2013. – С. 150–151.

⁴⁸ Adam B. Time and Social Theory. – Cambridge, 1994; Adam B. Generational Time. Time and Society. – Cambridge, 1999.

коление составляли трактовки времени как количественного интервала в бюджетных исследованиях 1920-х гг., когда время рассматривалось в качестве ресурса, измеряемого в часах и используемого для всех основных видов деятельности. Во втором поколении теорий время характеризовалось как ресурс, наполненный событиями и анализируемый под углом зрения социологии организаций в понятиях социального порядка и контроля. В рамках третьего поколения теорий – последние десятилетия XX в. – социологи рассматривают восприятие и переживание времени в обществе его структурами, в первую очередь классами и группами. В этой связи они исследуют символическое время на основании изучения отношения к прошлому и ожидания от будущего.

Нечто похожее, но далеко не тождественное происходило и происходит сейчас в нашей стране. Действительно, первое поколение отечественных теорий времени было связано с исследованиями его бюджета в 1920-х гг. (пионером их стал С. Г. Струмилин). А следующего поколения социологических теорий времени пришлось ждать довольно долго. Причиной этой длительной задержки стал запрет на развитие социологической науки, ставший следствием господства культа личности Сталина и нежелания режима получать объективные научные данные об экономических и социальных процессах в стране.

Осуществляя дальнейшее сравнение поколенческих этапов развития зарубежных и отечественных теорий времени, необходимо отметить, что если на Западе второе поколение было представлено теориями 1930-х гг., возникшими под влиянием развития индустриальной социологии, социологии менеджмента, социологии организации, то в Советском Союзе это оказались вновь теории, касавшиеся бюджетов времени. Исследования бюджета времени, проводившиеся на рубеже 1950–1960-х гг. (Г. А. Пруденский, В. Д. Патрушев), были одними из первых в рамках второго рождения отечественной социологии. Именно эти работы дали мощный толчок появлению и развитию нового поколения отечественных теорий времени, появившихся в период с середины 1960-х гг. вплоть до 1990-х гг. (В. А. Артемов, Я. Ф. Аскин, П. П. Гайдено, Л. А. Гордон, А. Я. Гуревич, Г. Е. Зборовский, В. А. Канке, Э. В. Клопов, Л. Н. Коган, Г. П. Орлов, Н. Н. Трубников,

В. П. Яковлев, В. Н. Ярская и др.). В рамках данного поколения впервые начинается разработка понятия социального времени.

Однако это поколение социологических теорий времени, в отличие от третьего «поколенческого» этапа на Западе, существенно отличалось от него. Оно существовало в основном в рамках марксистской парадигмы, было связано исключительно с признанием объективного характера времени, а отдельные попытки выйти за пределы такого подхода, рассматривать восприятие людьми (социальными группами) времени, его переживание разными социальными субъектами, исследовать символическое время (то, что имело место на Западе) подвергались научному ostracismu.

Постперестроечный этап в развитии отечественной социологии (с 1990-х гг. до наших дней) не мог не сказаться и на изменениях в теоретических исследованиях времени. Появилось новое поколение его теорий. Определенной вехой на пути к новому подходу в изучении социального времени стало формирование особого исследовательского направления. В центре внимания его представителей оказались проблемы времени поколений, биографического и когортного времени, жизненного пути, коллективной и исторической памяти и др. (Л. Д. Гудков, Б. З. Докторов, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада, Е. Ю. Рождественская, В. В. Семенова и др.).

Несмотря на появление нового поколения концепций времени, прежние трактовки социального времени и сегодня сохраняют свой теоретико-эмпирический потенциал. Их научный капитал далеко не исчерпан и по-прежнему используется в социологических исследованиях. Однако уже далеко не все современные темпоральные явления и процессы можно трактовать с их помощью. Современная социологическая наука, как зарубежная, так и отечественная (З. Бауман, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, С. А. Кравченко, Дж. Урри, П. Штомпка и др.), открывая новые формы, виды, свойства, функции социального времени, постепенно перешла к созданию нового поколения его теорий. Хотелось бы надеяться, что и нам с П. А. Амбаровою удастся принять посильное участие в этой работе.

Вижу, темпоральная тематика привлекает тебя давно, и интерес к ней, по-моему, углубляется. Находишь ли ты и твои ученики, коллеги по разработке теоретических и эмпирических аспектов этой проблематики, поддержку со стороны академических и образовательных структур, распределяющих гранты на социологические исследования? Если такие гранты уже есть или заявки на них отправлены, на анализе каких вопросов ты хотел бы сконцентрироваться в ближайшие годы? На что «завелся» бы?

Прежде всего хочу сказать, отвечая на твой вопрос, что поддержку в разработке темпоральной проблематики со стороны и академических, и образовательных структур, а по существу – научного сообщества в целом – мы получаем. Об этом свидетельствует ряд фактов: успешная защита докторской диссертации П. А. Амбаровой, большое количество ссылок на наши многочисленные публикации последних лет по проблемам времени (число таких публикаций перевалило за 100), успешное проведение на последнем Всероссийском социологическом конгрессе в Екатеринбурге в октябре 2016 г. сессии, посвященной проблемам времени, и др. Но главное – это содержательная сторона того, что мы делаем.

Я уже отвечал на твой вопрос о том, каковы мои прошлые и настоящие научные интересы в исследовании темпоральной проблематики. Поскольку же мы с П. А. Амбаровой проводим много совместных исследований, которые реализуются в наших совместных публикациях, необходимо коротко остановиться на ее научных интересах и достижениях. Об этом тем более важно сказать, что от них (и от нее как автора научных результатов в области темпоралистики) во многом зависело получение нами грантов, о чем далее я буду говорить.

Итак, вначале о том, что ей удалось сделать за последние годы по проблемам времени. Начну с того, что она разработала оригинальную концепцию динамики социального времени, проявляющейся в переходе от линейного к нелинейному темпоральному режиму. Ею было показано, что нелинейное социальное время представляет собой особую форму жизнедеятельности социальной общности, основными характеристиками которого являются напряженность, текучесть, мобильность, мгновенность, рекурсивность, нестабильность, разновекторность, многоструктурность.

В новой позиции, сформулированной и предложенной ею, описано, как различные социальные общности по-разному реагируют на влияние динамики социального времени. У одних она формирует понимание значимости фактора времени и на этой основе стимулирует выработку инновационных моделей поведения, новых социокультурных качеств, наращивание адаптационного потенциала к социокультурным изменениям, мобилизует их на поиск новых способов жизненного продвижения. Другие общности отвечают на «темпоральный вызов» ростом пассивности и маргинальности, ухудшением социального самочувствия, отказом от попыток самостоятельно выстраивать собственную жизнь, биографию, конструктивно преодолевать трудности. Третьи находятся в противоречивой ситуации неопределенности, выжидательности, колебания, поиска какого-либо варианта ответа на «темпоральные вызовы».

Благодаря разработанной П. А. Амбаровой методике исследования проблемы социального времени удалось операционализировать его динамику, выявить влияние нелинейного времени на темпоральные стратегии поведения социальных общностей. Апробация авторской методики, основанной на комбинации количественных и качественных методов, показала наибольшую продуктивность последних для изучения сложных темпоральных процессов и явлений. В этом состояла ее принципиальная новизна.

В работах моей ученицы и соавтора впервые обосновывается необходимость введения в социологический оборот понятия темпоральной стратегии поведения, трактуемой как система жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени для достижения конкретных жизненных целей. Ею утверждается, что темпоральные стратегии поведения следует рассматривать как способ реагирования общностей на социальную турбулентность, вызванную динамикой социального времени. Она показала также связь социальных эмоций и темпоральных стратегий поведения социальных общностей.

Описанные оригинальные научные результаты, полученные с помощью методов, разработанных и апробированных в ходе многочисленных теоретических и эмпирических ис-

следований, стали источником идей для ряда наших проектов, поддержанных российскими научными фондами и посвященных исключительно проблемам времени. Среди них: «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей»; «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий». В рамках этих проектов нами были разработаны: концепция единства и противоречивости биологического, психологического и социального времени социальной общности; методология и методика социологического исследования дисхроноза биологического, психологического и социального времени в жизнедеятельности возрастных общностей; методология и методика социологического исследования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей; методика качественного исследования условий и механизмов формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей; типология темпоральных стратегий поведения возрастных общностей; модель механизмов формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей.

Обозначенные концептуальные идеи и методики нашли также свое отражение и применение при реализации отдельных задач, посвященных изучению темпоральности образовательных общностей и гражданского общества, в следующих исследовательских проектах: «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности»; «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления»; «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

Теперь о последней части твоего вопроса – видах на будущее. Я люблю повторять: мы, марксисты, народ суеверный. Ну, конечно же, я давно никакой не марксист, хотя к Марксу сохраняю самое дружеское расположение, понимая его роль и значение как одного из крупнейших мыслителей человечества за всю историю его существования. Но немного суеверным быть необходимо. Поэтому не буду много распространяться о будущем. Могу только сказать, что нам хотелось бы посвятить очередной наш проект изучению темпоральной ре-

сурсности социальной общности «серебряного возраста» (именно к этой общности мы с тобой относимся).

История социологии

Начиная обсуждение развития тобой и твоими учениками проблематики социологии времени, я заметил, что мы еще коснемся характера связей между разными направлениями твоих изысканий. Что же, такой момент настал. Здесь мне хотелось бы обсудить с тобой некоторые аспекты твоей работы по истории социологии, ведь анализу этой тематики ты тоже отдал немало времени и сил. Сейчас, например, мне интересно твое понимание связи (единства) исследований социального времени и истории социологии.

Когда я начал заниматься вплотную историей социологии, я не думал, что это – надолго и не рассматривал связи между исследованием социальной проблематики времени и изучением истории социологии. Мотивация была следующей: история социологии как раздел науки в его целостном виде, от зарождения социологии до наших дней, нужна была, прежде всего, в образовательных целях. С конца 1980-х гг. впервые в нашей стране появилась возможность готовить специалистов-социологов, а делать это без изучения истории социологии невозможно. Так что мои занятия историей социологии тогда были обусловлены совсем иными обстоятельствами.

Конечно, то направление истории социологии, которое касалось эволюции взглядов на время в социологической науке, безусловно, было предметом моих штудий. Но не было осознания, осмысления тесной связи между проблематикой времени и истории нашей науки. Скажу тебе честно и откровенно: проблема этой связи открылась мне с твоей подачи, после твоих вопросов. На первый взгляд, выглядит это элементарно: история – это время, хронология, история науки – это развитие науки во времени, следовательно, она не может не входить в круг направлений, смыкающихся с проблемой времени. Но дело ведь не просто в констатации аксиомы, а в исследовании внутренней связи и зависимости истории науки как раздела науки (или даже особой науки, на чем настаивают отдельные авторы) и феномена времени, которое

становится и предметом, и фоном, и способом, и формой существования этой науки.

Теперь мне представляется, что связь между социальным временем и историей социологии, как впрочем, и любой другой науки, очевидна, а вот исследование этой связи в нашей науке – вопрос, действительно, особый, и он требует прояснения. Точно так же его требует и проблема связи самих исследований социального времени и истории социологии, как ты верно замечаешь.

Думаю, что не сделаю никакого открытия, если скажу, что история вообще, история науки как ее конкретизация – категории временного ряда. В темпоралистике есть целый набор видов времени, он характеризуется широким диапазоном, и одним из его элементов является историческое время. На первый взгляд, термин выглядит как «масло масляное». Не может быть истории вне времени (иначе это будет не история), равно как и времени – вне истории.

Перефразируя Маяковского (его хорошо известно в советском прошлом страны «мы говорим партия – подразумеваем Ленин, мы говорим Ленин – подразумеваем партия»), я бы сказал в общем и целом: мы говорим – время, подразумеваем историю, мы говорим – история, подразумеваем – время. Честно скажу, мне даже жалко, что Маяковский употребил хороший литературный прием для сравнения не самых хороших феноменов. По мне, этот прием гораздо лучше подходит для сравнения таких грандиозных и масштабных категорий, как история и время.

В русле проблем, которые меня волнуют в последние годы, я бы стал рассуждать о линейности и нелинейности истории и времени, об их взаимосвязи, особых свойствах и характеристиках, о проявлениях этой нелинейности в причудливых изломах времени и истории, о том, что это дает для понимания социума в его современном и прогнозируемом состоянии, и т. д.

Но поставленные вопросы – предмет совсем другого разговора, который сейчас напоминает мне анекдот о ночной беседе людоеда и людоедки. В этом анекдоте людоед после хорошего ужина (он поймал и съел профессора) не может долго уснуть, шумно ворочается и вздыхает и, наконец, задает вопрос своей подруге: «Я вот никак не могу заснуть, все ду-

маю, правильно ли мы с тобой живем?» На что людоедка ему отвечает: «А, опять на ночь интеллигентов нажрался, сколько раз я тебе говорила, не делай этого, вот теперь опять уснуть не можешь...» На самом деле в основе того вопроса, который задает людоед из анекдота (я думаю, что людоеды по жизни таких вопросов не задают, впрочем, не уверен, что до конца прав, поскольку ни с одним из них лично не был знаком), и находится та самая фундаментальная проблема связи времени и истории, решение которой и для общества, и для конкретных людей, в конечном счете, определяет выбор того, как жить дальше.

Однако – ближе к «телу» твоего вопроса, касающегося связи социального времени и истории социологии как проблемы научного исследования. У меня эта связь возникла естественным образом. Когда я начал изучать проблему свободного времени (в 1963 г.) в марксизме и западной социологии, то понял (из последней, но не из Маркса), что совсем не знаю «исторического прошлого» этой проблемы. И тогда я, что называется, «припал» к античности. А у древних греков (я уже не говорю о римлянах, больших специалистах по досуговым «практикам») было очень много интересных мыслей и соображений о досуге (термин «свободное время» возник гораздо позже, в условиях капитализма, т. е. Нового времени). Чего стоил один Аристотель с его «Никомаховой этикой»! Дальше (после греков) – больше. Пришлось мне раскрутить всю эту историю взглядов и представлений о свободном времени (досуге) вплоть до наших дней. В свое время (во второй половине 1960-х) я много написал по данной проблеме. Кстати, мой историко-социологический анализ этого феномена вызвал большой интерес у В. А. Ядова, он составлял содержание целого раздела первой докторской диссертации (по которой В.А. выступал официальным оппонентом и которую очень хвалил).

А потом, как я уже отмечал выше, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. произошел переход к исследованию проблемы социального времени, и весь процесс историко-социологической реконструкции этого феномена был осуществлен вновь, но уже на значительно более высоком теоретическом (прежде всего, в методологическом плане) уровне. Здесь-то и появилась для меня настоящая история социологии, вне осмысления

которой работа над трактовками социального времени была бы невозможной. Так, под влиянием изучения социального времени, я пришел к необходимости нового направления своей работы. Я стал искать у Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, как они рассматривали проблематику времени. Мне стало интересно, как она вписывалась в контекст их социологических теорий. Но это было уже позднее, в 1980-х гг. В конечном итоге все это вылилось в интерес к истории социологии как науки в целом. Я думаю, что мой путь в ее изучении можно рассматривать как движение от частного к общему. Стержнем этого движения был интерес к временным характеристикам перемен – в реальных процессах и их социологической рефлексии.

Теперь, пожалуйста, обозначь рамки, границы, основные линии твоих историко-социологических разработок. В каких книгах ты фокусированно рассмотрел результаты этих исследований?

Я бы начал с обозначения своего подхода к историко-социологической проблематике. По своим границам он был (и продолжает оставаться сейчас) достаточно широким. Я никогда не занимался углубленным анализом каких-либо конкретных проблем, будь то особенности тех или иных национальных школ или творчества отдельных социологов, начиная с классиков XIX в. Меня всегда интересовали крупные вехи историко-социологического процесса: его начало, периодизация, особенности этапов социологической науки, структуры историко-социологического творчества, социологические парадигмы и метапарадигмы как отражение систематизации историко-социологического знания и др.

Поэтому естественно, что эти и иные, связанные с ними, проблемы поднимались в первую очередь в моих учебниках по истории социологии. Они выходили у меня как разные издания с 2000-го по 2008 г., а затем – в 2014–2015 гг. – был опубликован большой двухтомник. Первый том был посвящен классическому, второй – современному этапу развития социологии. В этом случае закономерен вопрос: разве учебник может претендовать на то, чтобы стать пространством историко-социологического исследования, вместо того чтобы выпол-

нить свою главную миссию – популярно излагать основы развития социологической науки и ее исторического раздела?

Во-первых, я думаю, что одно другому не противоречит. Во-вторых, я глубоко убежден, что современный учебник не только может, но и должен быть исследовательским. Именно к этому, по моему мнению, и следует стремиться автору полномасштабного изложения истории социологической науки. Подчеркиваю: не историко-социологического введения в социологическую науку, а аналитического издания энциклопедического характера. Объем моего последнего двухтомника составил 47 п.л. Он позволил мне ставить дискуссионные вопросы, знакомить читателя (в первую очередь студента, получающего социологическое образование) с разными точками зрения, выявлять болевые точки социологической науки на разных этапах и периодах ее становления и развития, давать научно обоснованное знание о различных направлениях, теориях, концепциях, парадигмах, метапарадигмах, наконец знакомить с фактами личной жизни как классиков социологической науки, так и просто ее крупных представителей.

Социологическая наука и ее исторический раздел должны быть не только абстрактными в смысле общих теоретических положений, которые излагаются на страницах учебника, но и конкретными в плане показа биографии и особенностей творчества ее представителей. В последнем двухтомнике (2014–2015) приводятся не только биографические сведения о многих известных представителях социологической науки XIX–XXI вв., но и их фотографии.

Ранее я уже благодарил В. П. Засыпкина, приложившего немалые усилия для издания книги. Сейчас хочу еще раз сказать ему «спасибо» за работу с фотографиями социологов. Я никогда не забуду выражения лица одной своей студентки середины 1990-х гг., которая в моем учебнике впервые увидела изображение Конта. Она буквально впиалась глазами в него и произнесла при этом: «Так вот он каков, основатель социологии!» На самом деле, все это очень важно. Наши студенты, особенно первые из тех, кто учился по специальности «Социология», не представляли себе наглядно классиков науки, ученых прошлого и этого столетий. Тогда не было учебников и пособий, а в тех, что появлялись, не было ни биографий, ни фотографий. Между тем без всего этого не бывает

живой истории науки. И никакое популярное изложение идей, теорий и концепций не заменит чисто человеческих эмоций.

Подготовка монографических по характеру учебников по истории социологии логически привела меня к написанию двух крайне важных и крупных работ по теоретической социологии, выполненных в значительной степени с историко-социологических позиций. Это «Теоретическая социология XX – начала XXI века» (2007)⁴⁹ и «Теория социальной общности» (2009). Вслед за ними, в 2010-х гг., историко-социологический подход к социологическому знанию был реализован еще в одной моей значимой, ранее называвшейся, монографии – «Знание и образование в социологии: теория и реальность» (2013).

В последние годы, в связи с определенными проблемами в положении социологической науки в нашей стране, появившимися юридическими возможностями у государственных органов применять по отношению к отдельным социологам и их коллективам печально известный закон об «иностранных агентах», меня заинтересовала история отечественной социологии под углом зрения ее роли в осмыслении перспектив создания в стране гражданского общества. Этой проблеме я посвятил монографию «Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу» (2014)⁵⁰, если не считать выхода вслед за ней двухтомной «Истории социологии» (2014–2015), учебника по своему жанру. Пока это была последняя большая для меня работа историко-социологического характера.

Более развернутый анализ вышеназванных работ я дам дальше, в связи с изложением некоторых своих теоретико-социологических представлений.

Вскоре пошли крупные грантовые проекты и программы, сразу три защиты диссертаций (из них две докторские) и многое другое. Вся эта работа отодвинула историко-социологическую проблематику в тень, на задний план. Вернусь ли я к ней, и если да, то как, когда и в каких формах это произойдет, – не знаю. Загадывать в наше время боязно...

⁴⁹ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург, 2007.

⁵⁰ Зборовский Г. Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу. – Екатеринбург, 2014.

Вообще говоря, историзм настолько пропитал в последние годы теорию социологии и социологию отдельных направлений, что уверен, в той или иной форме ты «не вернешься» в историко-социологическую проблематику, а продолжишь ее анализ.

Мой вопрос – непростой, но ответ на него, думаю, заинтересует не только меня, но и будущих читателей нашего разговора. В твоих работах по истории российской социологии ты охватываешь все периоды: от конца XIX до начала XXI века. Ты знаешь, что около десяти лет назад я предложил свою концепцию генезиса современного (послевоенного) этапа развития советской/российской социологии: не возрождение, но второе рождение. Похоже, что в целом российские авторы приняли эту трактовку «начала»; во всяком случае, я не встречал ее серьезной критики. Но, по-моему, сразу или несколько лет спустя, я писал, что «второе рождение» может дать «возрождение», т. е. обращение к прошлому в целях поиска «вечных смыслов», и продолжение возникших в прошлом линий. Находишь ли ты подобное в теоретических и эмпирических построениях российских социологов? Можно ли сказать, что, к примеру, социологи В. И. Добреньков и – еще ярче – А. Г. Дугин демонстрируют нам одно из направлений возрождения российской социологии?

Конечно, я знаю о твоей концепции генезиса современного этапа развития отечественной социологии, суть которой – в доказательстве того, что в ней имело место не возрождение, а второе рождение нашей социологии в послевоенный период. Более того, я не просто знаю об этом, но еще и использую твою точку зрения, отказавшись от своей позиции. Если ты сравнишь мои учебники, монографии и статьи историко-социологической направленности, появившиеся до 2013 г. и после него (я имею в виду, прежде всего, двухтомник «История социологии», изданный в 2014–2015 гг., о котором уже говорилось выше), то без труда обнаружишь изменения в моих трактовках современного этапа отечественной социологии (со ссылкой на твой труд 2013 г. «Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории»). Ты прав, эта точка зрения не вызвала особых дискуссий среди социологов, а стало быть, ее можно считать принятой.

Теперь – к вопросу о влиянии этой позиции на процессы (дальнейшего) возрождения отечественной социологии. По моему мнению, сам факт «второго рождения» уже есть косвенное признание ее возрождения и развития. Все дело в том, как это второе рождение и особенно последующее возрождение связано с прошлым отечественной социологии.

И тогда возникает еще один вопрос: с каким прошлым? Ведь оно было у нее очень разным. Имело место несколько линий ее существования и развития, причем в разные периоды – дореволюционный и послереволюционный, в немарксистский и марксистский. Не вдаваясь в подробный анализ этого вопроса, отмечу, что для этого нужна большая и специальная работа по выявлению связей и преемственности современных позиций и трактовок с аналогичными, имевшими место в прошлом, взглядами по схожим либо совпадающим проблемам.

Насчет поиска «вечных смыслов» – не знаю, что и сказать. Есть ли они вообще? А вот продолжений линий прошлого в современной социологии – сколько угодно. Один только П. Сорокин в этом смысле чего стоит! У меня иногда возникает такое ощущение, что подобно тому как раньше ссылались на материалы партийных съездов и пленумов, так сейчас – на П. Сорокина. Пойми меня правильно, я с глубоким уважением отношусь к его творчеству, но иногда мне кажется большим перебором ссылаться буквально по каждому вопросу на то, что он писал, иногда даже не прямо, а косвенно.

Что же касается упомянутых тобой двух авторов, то второго из них я вообще не считаю социологом, поэтому говорить о нем не стану (хотя работы его читал, и у меня они вызывают жесткое неприятие, буквально зубовный скрежет). Первый же четко проводит линию на сотрудничество с православной церковью и объявляет идеологическими устоями современной социологии православие, самодержавие и народность⁵¹. В дореволюционной социологии такие взгляды имели место и четко проявлялись в ее консервативном православном направлении. Если тебя интересует такая связь современной и дореволюционной отечественной социоло-

гии, то она, как видишь, тоже есть. Другими словами, возрождается прошлая социология по-разному...

По-моему, сейчас – в самый раз поговорить немного об истории отечественной социологии. Прежде всего, как ты ее называешь – русской или российской? – и как периодизируешь ее развитие?

Отечественную социологию я называю исключительно российской, причем именно ту часть ее истории, которая была связана с дореволюционным (до октября 1917 г.) развитием страны. Эта социология возникла и развивалась на территории России, в этом смысле (для определения названия) ее национально-этническая характеристика не имеет никакого значения. Возникает она после реформы 1861 г. (или реформ 1860–1870-х гг.), связана с появлением капитализма в России. Конечно, существовал предсоциологический этап, главное место здесь занимали взгляды Чаадаева и Кавелина, хотя я прекрасно осознаю роль Майкова, Вырубова, Новикова, славянофилов и западников. Я считаю, что отечественная социология XIX в. возникла гораздо позднее, чем западная (как минимум, лет на 30, я имею в виду, прежде всего, позитивистские взгляды, которые были исторически первыми и на Западе, и у нас), и в этом смысле она вторична. Я противник утверждений об оригинальности российской социологии и считаю, что они хорошо иллюстрируют известный анекдот о России как о родине слонов. Оригинальными являются отдельные теории и направления, например субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (Кареев, Лавров, Михайловский, Южаков, де Роберти).

За чуть более чем полувековое развитие российской социологии (после 1861 г.) условно можно выделить три ее периода: первый – 1860–1890-е гг. (господство субъективной социологии и позитивизма), второй – 1890-е гг. – начало XX в. (господство неокантианства), третий – начало 1890-х гг. – рубеж 1910–1920-х гг. (господство неопозитивизма). В моем учебнике по истории социологии рассмотрению этого этапа – я его называю классическим – посвящено около 100 страниц текста (пять глав). Помимо характеристики особенностей российской социологии в целом, каждого периода в частности, подробно рассмотрены взгляды и теории таких авторов, как

⁵¹ См.: Добренков В. И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социс. – 2009. – № 8.

упомянутые выше социологи, а также Ковалевского, Данилевского, Стронина, Лилиенфельда, Мечникова, Хвостова, Кистяковского, Петражицкого, Новгородцева, Тахтарева, Звоницкой и, конечно, Сорокина (российский этап его творчества; американский подробнейшим образом охарактеризован во второй части учебника, посвященного современному этапу развития социологии).

В целом я считаю, что российская социологическая классика оказалась не столь протяженной во времени, как европейская, и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями. В России не произошла, хотя бы частичная, институционализация социологии: ее не было в вузах, она не была признана правящей верхушкой, не проводилось эмпирических исследований, так и не было создано сообщество социологов (если не считать общества Ковалевского, появившегося после его смерти, но это уже было в конце дореволюционного этапа). Россия не дала миру ни одного социолога крупного, «классического», мирового масштаба (Сорокин не в счет, он стал широко известным уже в США).

Ты знаешь письмо А. Г. Здравомыслова ко мне, в котором он писал: «Я отсчитываю начало российской социологии с А. И. Герцена. А Зборовский – с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой, а так учебник неплохой». Как бы ты прокомментировал эти слова Андрея Григорьевича?

Я могу лишь продолжить свои рассуждения, предложенные в ответе на предшествующий вопрос о периодизации российской социологии. Коротко говоря, я не считаю Герцена социологом, а Лаврова и Михайловского – считаю. Как и всех «западников», я его отношу к «предсоциологам», т. е. к тем мыслителям, которые идейно обеспечили появление российской социологии в послереформенный период. Вообще же вопрос упирается в критерии: 1) что считать точкой отсчета российской социологии; 2) кого считать социологом, а кого – нет. Это – сложнейшие теоретические вопросы, и суть моих расхождений как с А. Г. Здравомысловым, так и с ленинградскими (петербургскими) социологами А. О. Бороноевым, И. А. Голосенко, В. В. Козловским состоит именно в трактовках этих критериев.

Сразу хочу сказать: я не считаю себя достаточным специалистом по отечественной социологии дореволюционного (до 1917 г.) этапа – в том смысле, что углубленно не исследовал творчество подавляющего большинства российских социологов середины и второй половины XIX – начала XX в., хотя, разумеется, все (или почти все) основные их работы мне хорошо известны. Для написания учебника мне не нужно было детально разбираться в нюансах их идей и взглядов. В конце концов, у меня была другая задача: я писал учебник не по истории российской социологии. Последнюю же рассматривал как часть мировой истории социологии.

Вообще, вся эта ситуация и весь этот спор мне удивительным образом напоминают дискуссию о зарождении социологии на Западе. Тот же самый вопрос: кого считать основоположником этой науки? Тот же самый вопрос: кто – социолог, а кто – нет, а только объективно готовил своими работами и идеями ее появление? Имеет смысл посмотреть работы французского ученого Раймона Арона, одного из крупнейших теоретиков и историков социологии середины прошлого столетия, и сразу видно, что он начало социологии связывает с именем не Конта, а Монтескьё. В «Этапах развития социологической мысли» (М., 1993) Арон прямо называет его основоположником социологической мысли, посвящая ему первую главу своей фундаментальной монографии (творчество Конта он рассматривает во второй главе).

Но я считаю, что с таким же, а может быть, с еще большим успехом имеет смысл связывать зарождение социологии если не с Контом, то, скорее, с Сен-Симоном, ибо все базовые положения позитивизма были сформулированы именно им (я имею в виду его «Очерк науки о человеке», 1813 г.). Тем более что Конт реально был его учеником, проработав 7 лет личным секретарем у своего патрона и постоянно «вращаясь» все эти годы в мире его идей и суждений. Но предмет, метод, основные понятия, принципы, наконец проблематику и т. д. социологии сформулировали не Монтескьё, не Сен-Симон, а Конт.

Кто-то из американских социологов конца прошлого века сказал, что Конт дал социологии не только имя, но и программу. И я с этим согласен. Именно это обстоятельство дает главное основание не только мне, но и значительной части

социологов считать Конта основоположником социологической науки. При этом в любом случае, кого бы ни рассматривали в этом качестве – основоположника социологической науки, французский след в основании социологии оказывается самым сильным и заметным и практически не подлежит сомнению.

В случае с российской социологией ситуация далека от проведения прямой аналогии, но что-то похожее имеет место. Речь идет о том, кто формулировал базовые социологические, подчеркиваю, именно социологические трактовки (предмета, метода, основные взгляды на общество, его структуру, социальную, экономическую и политическую систему, личность и т. д.), а кто – нет. С моей точки зрения, это делали именно те, кого я отношу к представителям социологической науки и кого называю среди них. Еще раз повторяю: при всем величии Герцена как мыслителя, я не считаю его социологом. И в этом – суть моих различий с иной точкой зрения о роли Герцена в становлении отечественной социологии. Но главное, как мне кажется, не только в том, чтобы кого-то персонально выделять; проблема глубже – на основании каких критериев.

Несколько лет назад ты изложил свои взгляды на историю социологии в петербургском «Журнале социологии и социальной антропологии». Что объединяет и что разъединяет тебя – в трактовке дореволюционного периода российской социологии – с петербургскими исследователями? Я имею в виду А. О. Бороноева, И. А. Голосенко, В. В. Козловского и других.

Рассматривая трактовку всего дореволюционного периода российской социологии, точнее, различия в этой трактовке между мной и уважаемыми мною коллегами, еще раз отмечу иное понимание мною (и этим подтверждаю мнение А. Г. Здравомыслова) степени, характера оригинальности отечественной социологии (в сравнении с их оценками), причем делаю это не случайно, а осмысленно. Я называю отечественную социологию вторичной по происхождению, возникшей в значительной степени под влиянием западных работ. Не случайно отечественная дореволюционная социология не получила (за редким исключением – Ковалевского, де Робер-

ти, Вырубова, Новикова) широкого признания за рубежами России. Возможно, дело в том, что русскоязычные работы мало кто читал на Западе (как это происходит и сейчас). Но многие дореволюционные социологи хорошо владели иностранными языками и публиковались в зарубежных изданиях время от времени, тем не менее популярность их работ была невелика. О чем-то это, вероятно, говорит. Впрочем, возможно, что какие-то вещи я недостаточно хорошо знаю и не совсем верно оцениваю.

Если ты заметил, в моем вопросе я спрашивал об истории отечественной социологии в целом. Потому, пожалуйста, скажи немного о твоей периодизации всего периода советской социологии – от ее начала и до наших дней.

Именно этого вопроса – о периодизации всей отечественной социологии – я как раз и не понял. Как мне показалось, он касался истории отечественной социологии (слова «всей», в целом, не было) и ее названия (русской или российской), а также периодизации.

Поскольку ты меня спросил о периодизации российской социологии, я о ней и говорил, имея в виду, что после 1917 г. начинается советская социология, которая после 1991 г. вновь превращается в российскую (такие словесные сложности-хитрости). Периодизация советской (затем российской) социологии мне представляется следующей.

Первый период – с конца 1917 г. (от Октябрьской революции) до начала 1930-х гг. В его рамках я выделяю два подпериода. Первый – с конца 1917 г. до конца 1922 г. (высылка Сорокина из России, сведение на нет немарксистских публикаций и социологической деятельности их авторов) – я определяю в самом общем плане как время противостояния немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии, второй подпериод – с конца 1922-го до начала 1930-х гг. – как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретических, и эмпирических социологических исследований. Затем наступает перерыв в развитии социологии (начало 1930-х – конец 1950-х гг.), когда в условиях гос-

подства сталинского режима социология оказалась под запретом.

Второй период – конец 1950-х – конец 1980-х гг. (начало 1990-х гг.). В его рамках я выделяю два подпериода – конец 1950-х – начало 1970-х гг., который я определял как время возрождения отечественной социологии (но здесь – еще раз говорю, я согласен с тобой – гораздо точнее определять этот подпериод как время ее второго рождения, поскольку возрождаться было не из чего), и второй подпериод – с начала 1970-х до конца 1980-х гг. – как социология периода застоя.

Наконец, с 1990-х гг. по настоящее время отечественная (вновь российская) социология переживает новый этап своего развития, характеристику которого я бы не рискнул дать в нескольких словах, поскольку это и институционализация социологии, и социологическое образование, и свобода социологического слова (пока еще), и широкая издательская деятельность, и развитие рынка социологических услуг, и новое социологическое мышление, и интеграция отечественной социологии в мировую науку, и развитие социологии в регионах России, и т. д. Пожалуй, сказанным я дал краткую аннотацию этого этапа.

Гарольд, не кажется ли тебе, что мы как профессиональное сообщество крайне нелюбопытны и не понимаем, что время жестко действует против нас? Приведу два примера из собственной практики.

В конце 2012 г. в Москве я проводил под диктофон интервью с академиком Г. В. Осиповым, и примерно на 40-й минуте нашего разговора он, рассказывая об одном из первых в стране теоретико-эмпирическом социологическом исследовании в Горьком, сказал: «Период нашей дореволюционной социологии очень плохо описан, мы говорим только об основных фигурах: М. М. Ковалевском, Н. Я. Данилевском, Н. К. Михайловском, но тут в Горьком встречаю профессора старой русской школы – Василейского». На мое замечание: «Никогда не слышал...» Осипов добавил: «...а таких много было... мы с ним беседуем, он работал дворником... к удивлению, я вижу у него методики социологические, которые ничем не отличаются от западных... мы с ним проводим беседы, замечательный человек

был. Он говорит: “Нас много было, но мы разбрелись по России, потому что это все было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел”».

За давностью лет Геннадий Васильевич забыл имя и отчество Василейского, но я решил: фамилия – редкая, может, что-то есть в Интернете. И нашел: в Нижнем Новгороде живет историк психологии Наталия Юрьевна Стоюхина, многие годы посвятившая раскопкам биографии и творчества Серафима Михайловича Василейского (1888–1961). Она и ее минский коллега Л. А. Кандыбович даже написали и выпустили книгу о нем. Они рассматривают Василейского, прежде всего, как психолога, но, судя по его работам, он был и социологом. В питерском журнале «Телескоп» (2013, № 3) я опубликовал интервью с Н. Стоюхиной, думаю, постепенно имя Василейского займет достойное место в истории нашей науки.

Второй пример. Недавно я закончил объемное (более 10 п.л.) интервью с нашим коллегой Леонтием Георгиевичем Бызовым. Он рассказал много интересного. В частности, трехтомник «Бызовы. Голоса прошлого». Это переписка членов семьи, начиная с 1905 года, военный дневник его деда Леонтия Алексеевича Бызова (1886–1942) и многое другое. Для нас это интересно, поскольку Л. А. Бызов активно работал в той научной нише, которую сейчас мы назвали бы экономической социологией.

Суммируя сказанное, можно высказать предположение о том, что многое значимое для понимания нашей социологии еще лежит на чердаках, в подвалах, на верхних полках шкафов. Но может и пропасть навсегда.

Тебе не кажется, что мы не до конца понимаем, что имеем право на историю, а для этого надо активно изучать прошлое?

Мне кажется, что здесь не может быть двух мнений. Превращение в «Ивана, не помнящего родства» – это худший вид научной, да и просто человеческой амнезии. Но, к сожалению, социологический «манкуртизм» – угроза совершенно реальная. Логика предельно проста: если забудем мы о тех, кто работал до нас, то тем самым создадим предпосылки, чтобы забыли и о нас. Тогда зачем живем и стремимся развивать нашу науку?

Я все чаще думаю о той колоссальной работе, которую ты проводишь как историк не только «большой» социологии (включающей в себя весьма значимые персоналии), но и социологии «среднего уровня» (использую мертоновский термин, но в другом контексте), включающей десятки, сотни социологов, далеко не всегда и не всем известных. А эти твои поистине социологические «раскопки»... А думая об этом, задаю вопрос: есть ли кто за тобой, кто поддержит, подхватит твоё дело? Не вечные же мы, черт побери... И когда не видишь смену, на душе становится очень тяжело.

Но ситуация, как мне кажется, может быть изменена. Я собираюсь адресоваться к Президиуму, Исполкому РОС, написав на его сайт обращение к преподавателям истории социологии, других социологических дисциплин с предложением ввести в практику преподавания обязательную студенческую работу (курсовую, реферат, просто исследование) историко-социологического характера. Условно её можно назвать «социологической раскопкой». Ведь ездят же студенты-историки на настоящие археологические раскопки, собирают и изучают артефакты прошлого. Приносят тем самым громадную пользу науке и получают от такой деятельности большое личное удовлетворение. Почему бы в изучении и преподавании социологической науки не ввести нечто подобное? Можно искать и находить, делать достоянием общественности истории жизни тех, кто в конкретных регионах занимался проведением социологических исследований, тем самым открывая нашей науке забытые имена. Мы не только имеем право на историю нашей науки, мы обязаны её изучать. Это – наш долг перед будущими поколениями социологов.

Жанр интервью не предполагает обращения респондента к интервьюеру, тем более с просьбами. Но я позволю себе нарушить этот принцип и обратиться к тебе с предложением написать совместно со мной на сайт РОСа, в «Социс», «Телескоп», «Социологический журнал», ещё куда-нибудь обращение к преподавателям социологических факультетов, департаментов, кафедр. В нём мы могли бы отразить идею привлечения студентов к историко-социологическому творчеству. Надеюсь, я ответил на твой вопрос, посвященный важности изучения истории социологии, хоть и не прямо.

Спасибо, Гарольд, давай подумаем: а вдруг такое письмо поможет привлечь внимание нашего сообщества к необходимости более глубокого изучения нашего прошлого? Мой следующий вопрос продолжает предыдущий, в нём о личных архивах социологов. Когда я спросил В. А. Ядова, есть ли у него домашний архив, он ответил: «Тоненькая папочка с несколькими документами». Но нам известны и другие типы отношения к своей работе. Ты знаешь об огромном архиве З. И. Файнбурга, который уже несколько лет приводит в порядок и исследует его сын – Г. З. Файнбург. Я работал в прекрасном личном архиве Г. В. Осипова, это – клад для историка социологии. Недавно скончался интереснейший петербургский социолог А. Н. Алексеев. Он оставил письмо-завещание, касающееся его архива. Это тысячи документов хранения – от семейной хроники до материалов последних лет, и кратко все сделанное им передаётся словами: «В заключение отмечу, что, начиная с 1960-х гг., я ни одной бумажки не выбрасывал». Возможно, ошибаюсь, но мне не встречались исследования, построенные на материалах архивов современных российских социологов... А у тебя есть личный архив?

Мне тоже не встречались такие исследования. Но есть литературные, причем настоящие, исследования архивных материалов, имеющих самое разное, в том числе и социологическое, значение. Я говорю о повести Д. Гранина «Эта странная жизнь...», посвященной анализу дневников самофотографии бюджетов времени известного отечественного ученого-генетика и биолога А. А. Любищева. Я уже называл в наших с тобой разговорах эту работу, имеющую исключительное научное значение.

Ты спрашиваешь, есть ли у меня личный архив. Я отвечаю сразу, не раздумывая: нет, и не было. Но попытка вести его была, причем именно путем заполнения еженедельных (как и у Любищева) бюджетов самофотографии времени. Я это делал задолго до того, как прочел повесть Гранина и узнал про Любищева, его бюджеты, которые на уровне литературного исследования анализировал писатель.

Я вел эти дневники несколько лет, сначала еженедельно, потом реже – раз в месяц-два. Бюджеты времени были только недельные, я их вел со вторника по понедельник. Одна из

особенностей этого метода, установленная социологами и экономистами, состоит в том, что недельный бюджет рекомендуется начинать «самофотографировать» в дневниковой форме с буднего дня, содержательно фиксируя получасовые (усредненно) затраты времени. Интерес у меня к этой работе был вызван чисто профессиональными соображениями, связанными с изучением метода. Но спустя несколько лет, в силу некоторых обстоятельств личной жизни (о которых я говорить не буду), я уничтожил всю громадную стопу ученических тетрадей, в которых вел дневники. Каждая тетрадь представляла собой недельный бюджет времени.

Конечно, сейчас было бы страшно интересно (вероятно, скорее страшно, чем интересно) посмотреть на все это с высоты прожитых лет. Но – чего нет, того нет.

Своим ответом ты вернул меня в мою раннюю молодость. Скорее всего, я писал тебе или говорил, что был знаком с А. А. Любичевым, бывал в доме его дочери, которая жила в Ленинграде в 15 минутах ходьбы от моего дома, описанный Граниным семинар – это наши «Биометрический семинар», где мы несколько лет обсуждали вопросы использования математических методов в биологии. У нас выступали Р. Л. Берг, Л. Н. Гумилев – тогда опальные, многие достойные ученые. Спасибо за повод для воспоминаний...

Замечу, я спрашивал тебя вообще об архиве, а не только о самофотографии времени. Может быть, немного дополнишь свой ответ?

Да, конечно, в моем архиве есть: мои диссертации, опубликованные и неопубликованные статьи, вспомогательные материалы к ним, переписка, причем в большом количестве. Но я к архивам отношу, прежде всего, систематизированные материалы, а этого (систематизации) у меня, к сожалению, нет. На полках лежит много разноплановых диссертаций, где я был научным руководителем, консультантом, оппонентом, писал отзывы ведущей организации. На полках огромное количество авторефератов, накопившихся за многие годы (около 40 лет) членства в диссертационных советах. Полно таких материалов и в электронной форме. Конечно, большую часть этого не выбрасываю. Естественно, лежат (даже еще в руко-

писном и машинописном виде) конспекты лекций тех многочисленных социологических и философских курсов, которые мне довелось читать в последние несколько десятилетий. Не знаю, представляет ли все это какую-либо ценность. Нет, я, видимо, не совсем прав. Конечно, что-то представляет. Когда ко мне домой приходят поработать (моя квартира и есть мой рабочий кабинет, на кафедре у меня нет даже своего стола) диссертанты, аспиранты, магистранты, соискатели, просто коллеги, они с удовольствием (или по необходимости) копаются в этих материалах. А что будет со всем этим потом... Думал заняться наведением порядка во всем этом, чтобы создать хотя бы подобие архива, но нужно много времени и сил на это положить. Мне сейчас это просто не вытянуть.

Теоретические вопросы социологии

Какие теоретические вопросы социологии ты изучаешь сейчас и какие ответы, пусть в первом приближении, вырисовываются?

Это невероятно сложный вопрос, самый сложный из всех заданных точно, а может быть, и из тех, которые еще будут заданы. Причем он сложен своей второй частью. Есть еще и такой элемент сложности ответа, как должная быть его относительная краткость. Иначе получится пространная теоретическая статья. Начну с некоторых итогов за последние 10 лет, чтобы было ясно текущее состояние теоретических поисков, потому что именно это время было важным с точки зрения их определения.

За прошедшее десятилетие у меня вышло пять больших работ, каждая из которых знаменует определенное направление моих теоретических интересов и соответствующих им исследований. Я рассматриваю эти работы как этапные, отражающие, с одной стороны, уже достигнутые результаты, с другой – открывающие возможности новых исследований по этим направлениям. Вот эти монографии: «Теоретическая социология XX – начала XXI века» (2007, объем 21 п.л.), «Теория социальной общности» (2009, 18 п.л.), «Знание и образование в социологии: теория и реальность» (2013, 28 п.л.), «Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу»

(2014, 28 п.л.), «Время социальной общности» (в соавторстве с П. А. Амбаровою, 2017, 20 п.л.).

В перерывах между ними опубликовано несколько книг, написанных в соавторстве с В. П. Засыпкиным и Е. А. Шуклиной в рамках социологии образования по материалам эмпирических исследований⁵². Далее, это несколько коллективных монографий (главные – «Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности», 2016, 19 п.л.; «Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе», 2017, 23 п.л.⁵³) и два больших учебника – один, двухтомный, «История социологии» (2014–2015, 47 п.л.) и «Эмпирическая социология» (2016, 20 п.л., в соавторстве с Е. А. Шуклиной).

Начну с первой этапной работы, посвященной метапарадигмальной модели современной теоретической социологии. Меня давно интересовал вопрос о систематике социологических теорий. Когда я писал «Историю социологии», то, естественно, использовал этапный подход (традиционно выделял классический и современный этапы с разбивкой каждого на периоды). Теорий и парадигм в социологии всегда хватало, и они были «расположены» и рассмотрены мною поэтапно и «попериодно». Я отказался от основного, господствовавшего в литературе способа их изложения – постранового (развитие социологии во Франции, Англии, США в такой-то период и т. д.). Тогда (более 15 лет назад) я поставил вопрос о необходимости создания в социологии некоего аналога «Периодической системы химических элементов», который позволил бы сгруппировать, проклассифицировать,

⁵² Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология педагогического образования. – Екатеринбург; Сургут, 2011; Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. – Ханты-Мансийск, 2012; Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования. – Сургут, 2012.

⁵³ Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / под ред. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург, 2016; Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе / под ред. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург, 2017.

систематизировать по определенным критериям имеющиеся и будущие теории. Но как это сделать, я тогда не видел. В «Теоретической социологии...», мне кажется, я нашел такой подход. Им оказался, как я его назвал, метапарадигмальный подход. Все структуры социологического теоретического творчества (концепции, теории, парадигмы, метапарадигмы) я объединил для рассмотрения в рамках пяти основных метапарадигм: классической, неоклассической, постклассической, неклассической, постнеклассической. В основу подхода было положено отношение к классической социологии (самое разное, в каждой метапарадигме – свое). Соответственно, с учетом внутренних критериев структурирования (понимание общества, объекта и предмета социологии, объективного-субъективного, макро- микросоциологического и т. д.), была предпринята попытка распределить существующие теории и парадигмы по соответствующим клеткам и линиям таблицы. Решению именно этой задачи и была посвящена упомянутая книга.

Совершенно другая цель была поставлена в «Теории социальной общности». Мне давно было ясно, что объект социологии – общество – есть полная абстракция, и в традиционных его трактовках оно не подлежит реальному и, тем более, эмпирическому изучению. А что тогда подлежит? К ответу на этот вопрос меня подтолкнула идея В. А. Ядова, сформулированная им относительно предмета социологии в 1990 г. Тогда он писал, а потом несколько раз повторил в последующие годы и в разных работах, что в таком качестве выступают социальные общности. Стало понятно, что общество не только можно, но и нужно рассматривать в качестве взаимосвязи (Ядов писал сначала – совокупности, что менее точно) социальных общностей. Но главным, конечно же, и именно это я и старался доказать, является изучение взаимодействия социальных общностей, выступающего в качестве ядра предметного поля социологии.

Однако для теории социальной общности такая трактовка – только исходный пункт, не более того. Оказалось, что те признаки социальной общности, которые ей традиционно приписывались со времен Ф. Тённиса, а в конце прошлого – начале нынешнего века рядом зарубежных и отечественных социологов (включая Н. Смелзера, Я. Щепаньского, В. А. Ядо-

ва и др.), недостаточны. Нужны новые характеристики, отвечающие реалиям и, тем более, новым типам социальных общностей (например, виртуальным). Помимо социокультурных, этнических, демографических, территориальных, профессиональных, религиозных и других характеристик, требует нового подхода признак идентификации (самоидентификации). Существенное значение приобретает хронотоп социальной общности, выявление ее ресурсов (ресурсный подход), реализация функций самостоятельного субъекта социального и исторического действия и др. Я постарался применить структурный подход к социальной общности и связать его с ее социальным действием (использовал для этого теорию структуры Гидденса), рассмотрел повседневные практики социальной общности и ее образ жизни, дал классификацию социальной общности и охарактеризовал основные ее виды (по самым разным основаниям).

Важное значение для меня имела еще одна этапная монография – «Знание и образование в социологии: теория и реальность». В ней я постарался подвести некоторые итоги своей работы в области изучения образования и знания за последние 20 лет (моя первая «Социология образования», включавшая два тома – «Социология допрофессионального образования» и «Социология профессионального образования» – вышла в 1993–1994 гг.). Всего же в области исследования образования мною было опубликовано 14 индивидуальных и коллективных монографий и учебных пособий (не говоря уже о многих десятках статей на русском и английском языках). Это – с учетом работ, вышедших уже после 2013 г., т. е. по настоящее время. Ничего удивительного в этом «изобилии» написанного по проблемам образования нет, если учесть, что я практически всю жизнь занимаюсь их изучением. Это же делают и многие мои ученики, в соавторстве с которыми были написаны некоторые из «образовательных» публикаций.

Теперь об основных идеях названной выше монографии. В книге рассматриваются проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи (знание как содержание образования), показывается становление и развитие двух отраслей социологической науки – социологии знания и социо-

логии образования, подчеркивается необходимость их совместных исследований. В центре моего внимания – наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности. Но, пожалуй, главное, на что хотелось бы обратить внимание, – это анализ образовательного знания как особого вида знания, в том числе образовательного и научно-образовательного знания социологии. Это вид знания, который находится между научным и повседневным, обыденным знанием. В монографии исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

Хотел бы обратить внимание на поднятую в монографии проблему современности социологического знания и образования. Она является важной для меня постольку, поскольку я пишу, с одной стороны, о кризисе социологического знания и социологического образования, с другой – ставлю вопрос о перспективах и сценариях развития того и другого. Скажу сразу: большого авторского оптимизма ты здесь не увидишь, разве что некоторые намеки на какую-то надежду, и то при появлении целого ряда условий. Особенно это касается России. Поэтому не случайно я ставлю и подробно рассматриваю феномен провинциализма социологического знания и образования – как вчерашнего, так сегодняшнего и завтрашнего.

Проявлением социологического провинциализма я считаю удручающее положение теоретической социологии в стране. Может быть, я излишне драматизирую ситуацию? Не знаю, но мой анализ ситуации в социологической науке подсказывает мне именно такой вывод. Социологи не хотят или не могут работать в области теоретического знания. Я думаю, это следствие низкой культуры (общей и профессиональной), незнания зарубежной социологической литературы, иностранных языков. Даже в Екатеринбурге (согласись, не самая глухая провинция: два социологических факультета в вузах города, диссертационный совет, свои журналы и др.) по существу нет серьезно работающих людей в области теоретической социологии. Очевидно, к ней нет интереса, такая деятельность не востребована.

Вообще проблемам теории и практики современного отечественного социологического знания и образования в монографии уделяется значительное внимание. Здесь и его кри-

зис, и попытка модернизации, в частности путем использования возможностей Болонской системы, и показ общественного недовольства этим процессом, и проблема культуры социологического знания, образования и самообразования.

В связи с постановкой вопроса о необходимости исследования в тесной увязке проблем знания и образования как на уровне реальности, так и их социологической рефлексии, путем поиска путей сближения отраслевых социологий знания и образования хочу сказать об одной очень важной для меня проблеме более широкого теоретико-социологического характера.

То, что я делаю сейчас, в известной мере есть продолжение нескольких взаимопересекающихся линий теоретического анализа, наметившихся раньше. Дело в том, что, постоянно отслеживая и анализируя проблематику общей социологической теории, я ощущал каждый раз необходимость исследования ее взаимодействия с отраслевыми социологиями и разработки в этом ракурсе специальных социологических теорий, поскольку каждая из них есть следствие определенного соотношения общей и отраслевой социологии.

Здесь я подхожу к вопросу о необходимости четкого разграничения отрасли социологии и специальной социологической теории, которое, к сожалению, зачастую игнорируется в научной литературе. Если отрасль социологии связана с наличием конкретного предметного поля, специфической сферы исследования, то специальная социологическая теория, также имеющая свою специфическую предметную зону, есть особым образом организованное логическое обобщение изучаемой социальной практики, связывающее общую социологическую теорию с эмпирическим исследованием этой практики. Таким образом, специальные социологические теории могут существовать как в рамках отдельных отраслей социологического знания (например, различные теории образования в границах социологии образования), так и на стыке их с общей социологической теорией (институциональные теории образования).

Работая в границах таких отраслей социологической науки, как социологии свободного времени, образа жизни, образования, знания, управления, культуры, я стремился исходить из общих принципов создания, построения конкретного

знания. Если этого не делать, то можно прийти прямо и непосредственно к разрыву между общей и отраслевой социологиями, общей и специальной социологическими теориями. Многие ошибки, недостатки и проблемы в наших исследованиях возникают уже тогда, когда мы не сопоставляем предмет социологии как науки в целом с предметом той или иной отраслевой социологии. Посмотри, как в литературе определяют предмет социологии труда, социологии молодежи, социологии города, социологии досуга и т. д., и ты увидишь, что зачастую нет никакой связи между определениями и трактовками предмета социологии как науки в целом и предмета той или иной конкретной области социологического изучения.

Особый теоретический интерес у меня проявляется к поиску связей между различными отраслями социологического знания, объективно расположенными близко друг к другу по объекту, предмету, кругу рассматриваемых проблем, а субъективно – с точки зрения конкретного социологического творчества – никак не связанных между собой. Так, в работе «Социология досуга и культуры» (выше о ней уже говорилось) я предпринял попытку поиска методологических и даже методических связей между социологиями культуры и досуга (досуг – часть культуры, ее сфера, методы ее исследования могут быть применены к изучению досуга; с другой стороны, исследование свободного времени, в том числе и с помощью бюджетного метода, обогатит представление о типах культурно-досуговой деятельности людей и т. д.).

Еще одна этапная работа в моих теоретических поисках – «Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу» – посвящена рассмотрению отечественной социологии на ее пути к гражданскому обществу. В ней имеет место продолжение анализа некоторых ранее затрагивавшихся проблем. Но у монографии была своя, особая задача, ранее не ставившаяся мною. В книге отечественная социология характеризуется под углом зрения ее роли в осмыслении перспектив создания в России гражданского общества. Потенциал социологии анализируется с позиции ее превращения в гражданский институт. В монографии был поднят вопрос о возможностях социологии в современных условиях способствовать становлению в стране гражданского общества.

Поскольку книга была посвящена роли социологии и социологов в жизни современного и, отчасти, грядущего общества, постольку в ней были подняты проблемы взаимоотношений 1) между социологией и властью (политикой, управлением) на ее разных уровнях – федеральном, региональном, муниципальном; 2) между социологией и обществом, при этом последнее понималось, с одной стороны, как все население страны, с другой – как гражданское общество, т. е. определенный сегмент общественной жизни; 3) между различными группами социологов, т. е. была показана ситуация внутри социологического сообщества. Она предстала как отражение, с одной стороны, первых двух типов взаимоотношений, с другой – того, что происходит внутри социологической науки: ее исследовательских процессов, межгрупповых противоречий, тенденций, перспектив развития.

Я поставил перед собой задачу показать не только (а иногда даже и не столько) сугубо научные процессы в социологии, но и ее место в жизни общества. При этом я стремился привлечь внимание читателя на то, что нужно сделать, чтобы социология воспринималась как достойная наука, чтобы шлейф необъективных исследований заказного и подчас продажного (или скажу мягче – ангажированного) характера не тянулся за ней, как это, к сожалению, все еще имеет место в наше время.

С этой целью в книге была предпринята попытка рассмотрения социологических практик. Одни из них рассматривались в узкопрофессиональном аспекте, как реальная деятельность социологов на рабочих местах (в исследовательских учреждениях, агентствах, фондах, в государственных и негосударственных структурах управления, в компаниях, на предприятиях, в аналитике, учебном процессе и т. д.). Другие трактовались в широком социальном плане – как деятельность общественных, публичных акторов, людей, занимающих видные позиции в государственной, региональной, муниципальной, партийной, политической и иных сферах жизни. В рамках того же смыслового ряда рассматривалась и деятельность участников и акторов структур гражданского общества.

В книге был раскрыт целый ряд важных особенностей отечественной социологии, с одной стороны, отличающих ее от зарубежных социологий, с другой – показывающих про-

цесс изменения и появления на каждом этапе ее развития новых специфических характеристик. Речь шла о тесной связи отечественной социологии с идеологией и политикой, свидетельствующей о политико-идеологической направленности социологической мысли в России. Эта особенность, в свою очередь, повлекла за собой постановку вопроса о взаимоотношениях между социологией и властью, политикой, управлением, прежде всего в связи с перспективой создания в нашей стране гражданского общества.

Наконец, пятая очень значимая (и тоже этапная) для меня в теоретическом плане работа – «Время социальной общности» (совместно с П. А. Амбаровой). О ней уже много говорилось раньше, поэтому коротко коснусь лишь центральной теоретической идеи книги. Она состоит в том, что впервые в качестве субъекта социального времени рассматривается социальная общность. Книга возникла на стыке социологии времени и теории социальной общности. Отсюда – междисциплинарность и плюрализм подходов к проблеме времени социальной общности как методологическая основа его исследования. Понятно, что центральным подходом стал социологический, но мы предприняли усилия для его интеграции с другими, в том числе естественно-научными, подходами, в особенности с синергетическим. Это создает хорошие предпосылки для дальнейшего исследования социального времени.

Такой интегративный подход дает возможность попытаться определить некоторые сценарии и тенденции развития теоретической социологии в целом. Я думаю, их нужно видеть на путях усиливающихся связей теоретической социологии с естественными и социально-гуманитарными науками. По-моему, социология отчасти возвращается на «круги своя» (к позитивизму). Не случайно в последние годы всё чаще говорят о физически ориентированной социологии, биосоциологии, инвайронментальной социологии, нейросоциологии, наносоциологии. Появилась даже пренатальная социология. Мне очень импонирует с этой точки зрения концепция мобильностей Дж. Урри, в которой теоретическая социология оказывается тесно связанной с развитием современных средств связи, транспорта и т. д.

В последнее время в статьях Л. Д. Гудкова, А. Ф. Филиппова и ряда других социологов звучат резко критические замечания относительно проводимых российскими социологами теоретико-методологических поисков. Что ты скажешь по этому поводу?

Я хорошо знаю об этой позиции и лет десять назад, не скрою, во многом был с ней согласен и даже где-то об этом писал. Ее впервые озвучил в полной мере А. Филиппов в одной из статей (по-моему, в «Социологическом журнале») и в книге «Теория общества». Если не ошибаюсь, это было в 1999 г., и у него в ней была большая статья «Теоретическая социология». Я ее хорошо помню и помню его аргументы. Они были отчасти убедительны. Спустя лет пять, еще при жизни Ю. А. Левады, аналогичную точку зрения высказал и Лев Гудков (Юрий Александрович, по-моему, на эту тему не писал, хотя я могу и ошибиться, но я у него не читал об этом ничего). В начале 2010-х гг. Л. Д. Гудков довольно резко писал об отсутствии у нас настоящей теоретической социологии, А. Ф. Филиппов же, как мне кажется, чуть «подостыл». Не знаю, так ли это, но ощущения у меня именно такие.

Что касается моих взглядов по этому вопросу, то они по-прежнему неоднозначны. С одной стороны, мне представляется, что в условиях отсутствия гражданского общества в нашей стране, господства вертикали власти, полицейского государства, серьезных ограничений в области свободы высказываний и поступков трудно рассчитывать на появление социологических теорий, в которых будет адекватно рассматриваться то самое негражданское общество, которое имеем. Ведь неизбежным выводом, который должен следовать за такими теориями (и в них самих), должен быть вывод о том, что подлинно научной, аутентичной социологической теорией будет только та, которая укажет на пути и способы замены негражданского общества, неправового государства и власти в нем и создания подлинно гражданского общества и правового государства. Но сегодня вряд ли можно на это рассчитывать – по разным причинам, о которых здесь говорить не буду.

С другой стороны, мы сегодня имеем ряд вполне законченных («приличных») теорий. К примеру, теорию трансфор-

маций общества Т. И. Заславской и В. А. Ядова⁵⁴, теорию социального неравенства О. И. Шкаратана⁵⁵, концепцию парадоксального человека Ж. Т. Тощенко⁵⁶, концепцию российского общества риска О. Я. Яницкого⁵⁷, теорию антропосоциокультурного эволюционизма Н. И. Лапина⁵⁸, гуманистическую теорию сложности С. А. Кравченко⁵⁹, в которых дается глубокий анализ социальных явлений и процессов, характерных для современного этапа развития российского общества. Причем эти теории, имея национальный характер, в то же время вписываются в мировые тенденции, что как раз и позволяет соотносить их не только с сугубо национальными, но и с интернациональными теориями. Что особенно важно (для меня), они лишены всяких идеологических подпорок. Их отсутствие я считаю обязательным условием «нормальной» социологической теории. Поэтому мне представляется, что есть определенные основания говорить пусть и об ограниченном, но все-таки сохраняющемся в нашей стране теоретико-социологическом пространстве. Перспективы его расширения в настоящее время туманны, многое будет зависеть от отношения социологии и власти (или наоборот).

Последний вопрос и ответ на него приведены из нашей беседы, состоявшейся в 2013 году. В 2016 году в Екатеринбургe состоялся V Всероссийский социологический конгресс, на котором обсуждался широкий круг проблем, касающихся социального неравенства и социальной справедливости. С твоей точки зрения, на Конгрессе звучали какие-либо новые принципиальные положения, которые уже в ближайшее время свидетельствовали бы о теоретических прорывах в российской социологии?

⁵⁴ Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2009. – № 1.

⁵⁵ Шкаратан О. И. Социальное неравенство. Теория и реальность. – М., 2012.

⁵⁶ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – М., 2008.

⁵⁷ Яницкий О. Н. Социология риска. – М., 2003.

⁵⁸ Лапин Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социс. – 2018. – № 3.

⁵⁹ Кравченко С. А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. – М., 2012.

То, что я слышал в докладах и выступлениях и читал в изданных материалах конгресса, дает мне основание утверждать, что никаких теоретических прорывов на конгрессе не было и вряд ли они ожидаются в ближайшее время. Вообще понятие теоретического прорыва в социологической науке столь же определенно, сколь и неопределенно. Многое зависит от точки отсчета и сравнения с тем, что делалось в науке в последние годы. Условно говоря, теоретический прорыв может рассматриваться как появление какой-то новой, значительной социологической теории. Но, насколько мне известно, такой (таких) не было.

Ситуация в области появления новых, «прорывных» теорий усугубляется тем, что наши ведущие ученые в последние годы ушли из жизни буквально друг за другом, оставив после себя, выражаясь словами А. Зиновьева (написанными, правда, в ином контексте), «зияющие высоты». Конгресс 2016 г. был первым «без Ядова», а ведь его участие в работе всех предшествующих социологических форумов во многом определяло их теоретический уровень, повышало теоретический «градус» дискуссий.

Вероятно, и время нынче не очень подходящее для развития отечественной теоретической социологии («не до жиру, быть бы живу»). Могу лишь предположить, что в этом плане идут какие-то латентные процессы. Нужны серьезные политические трансформации, которые были бы сопряжены с тектоническими сдвигами в нашем обществе, а новые и в этом смысле прорывные социологические теории обосновали бы всю совокупность условий и предпосылок наступления таких сдвигов.

Поэтому когда я писал аналитический отчет-обзор о работе конгресса⁶⁰, то испытывал определенные трудности с точки зрения выявления и показа новых социологических теорий. Преимущественное направление работы конгресса определялось больше и прежде всего анализом эмпирического материала. Здесь, конечно, царило широкое поле, и задача его систематизации состояла в том, чтобы в нем не утонуть и при этом найти нечто актуальное, новое и значительное.

⁶⁰ Зборовский Г. Е. Российское общество в зеркале социального неравенства // Социс. – 2017. – № 4.

В целом же, скажу откровенно, мне трудно в полной мере понять и оценить, что происходит в отечественной социологии в плане ее теоретического развития и его ближайших перспектив. Не могу сказать словами поэта – «ее грядущее иль пусто, иль темно», но и другого, явно выраженного, состояния не вижу тоже. Самое простое, что можно сказать, проживем – увидим. Но, увы, для того чтобы прийти к такому заключению, не нужно быть социологом.

Есть у меня вопрос, относящийся одновременно к истории и теории социологии. В моем сегодняшнем понимании Геннадий Батыгин своей книгой по истории российской социологии, намеренно или интуитивно, сделал значительно больше, чем закрепил в интервью с социологами некоторые факты и обстоятельства рождения нашей науки. Прежде всего, те интервью были биографическими, т. е. они вводили в историю социологии главных участников становления советской социологии. Батыгин «очеловечил», «антропологизировал» историю. Его книга представляет российскую социологию не в воспоминаниях, а в биографиях, т. е. в жизни, а теперь – и судьбах первопроходцев. В моих историко-социологических поисках, базирующихся уже на почти 180 интервью с социологами, человекоцентричность манифестируется. Исследователь предстаёт одновременно как человек, создающий социологию, и как человек, пишущий историю социологии. Интервью с социологом и наша беседа – это не только траектория его жизни и описание сделанного им, но это уже и история социологии. Андрей Алексеев, постулировавший, что социолог может быть объектом самонаблюдения, своей многотомной «драматической социологией» показал биографичность социологии. Не думаешь ли ты, что в настоящее время уже будет сложнее, чем раньше, трактовать историю нашей социологии лишь как движение теоретико-эмпирических концепций (историю идей)?

Труднее ли – не знаю, но одностороннее – да. Но, в конце концов, не каждый историк социологии должен (может) брать интервью или описывать биографию объекта/предмета своего исследования (я имею в виду социолога, о котором пишет исследователь). Тем более, расстояние во времени и в

пространстве между ними может быть очень большим. Есть и еще одно важное обстоятельство: чтобы сделать историко-социологический анализ более полным и адекватным, нужно, во-первых, хорошо владеть знанием биографии (жизненного пути) рассматриваемого автора, во-вторых, уметь найти внутренние связи между его жизненным опытом и социологическими построениями, что подчас сделать невероятно трудно. Особенно если этот автор нигде «не раскрывался», «не светился» в своих конкретных жизненных проявлениях.

Но ведь, как ты сам правильно говоришь, история социологии – это еще и движение теоретико-эмпирических концепций, история идей. А как при ее описании, в процессе анализа определенного направления социологии ты можешь использовать биографический метод и интервью, касающиеся отдельных людей? Понятно, что биография и интервью могут содержать в себе характеристики течений и направлений, теорий и концепций, парадигм и метапарадигм социологии. Если в этом ключе воспринимать антропологизм, то он, безусловно, будет полезным проявлением самонаблюдения.

Из этих рассуждений я делаю вывод о том, что хорошо для науки (истории социологии), когда есть возможность поступать, как Батыгин и ты, используя в анализе воспоминания, биографии, интервью, судьбы социологов, факты их жизни. Это придает историко-социологическому исследованию полноту, законченность, целостность, единство объективного и субъективного, я бы даже сказал, необычность описания. Но чаще всего бывает не так. И тогда мы видим историко-социологическое теоретизирование, под которое часто хочется спать.

Социология образа жизни

Вспомним, как активно в СССР развивались исследования образа жизни, сколько было сделано в области социального планирования трудовых коллективов (в том числе и в Свердловске) и по ряду других тем. Как ты думаешь, в обозримом будущем результаты этой работы будут востребованы или останутся лишь частью истории нашей социологии?

Я думаю, что какие-то исследования и их результаты будут востребованы социологами (и не только ими) и в дальнейшем (трудно сказать, насколько обозримом), какие-то – канут в Лету. Все, что было связано с идеологией советского времени, несомненно, уйдет. Вот, к примеру, проблематика образа жизни. Конечно, вся «накипь», связанная с «преимуществами советского социалистического образа жизни над буржуазным», давно уже никому не нужна. Но теоретические, методологические и методические разработки исследования образа жизни необыкновенно важны и полезны и сейчас. Думаю, что они пригодятся и в будущем. Это касается также результатов эмпирических исследований, особенно в сравнительном плане. Кстати, интересно, что в первой половине 1990-х гг., когда мы активно обсуждали и осуждали многое из того, что делалось при социализме, под «горячую руку» попала и проблематика образа жизни. Поэтому не случайно был большой перерыв в ее изучении (лет десять, не меньше), когда из «ванны вместе с водой выплеснули и ребенка», т. е. под флагом отказа от проблем социалистического образа жизни ушли и от самого образа жизни как социологической проблемы. К счастью, потом опомнились, и сейчас ей уделяется определенное внимание.

Твой вопрос об образе жизни попал в самую точку, поскольку эта проблема мне очень близка, а с ее исследованием была связана одна не очень приятная история. Я занимался этой проблемой с середины 1970-х до середины 1980-х гг., выполнил несколько десятков работ в ее русле. Правда, крупных публикаций не было, кроме одной книги «Как стать незаменимым»⁶¹, зато оказалось много брошюр и самых разных статей. Было и одно серьезное эмпирическое исследование – образа жизни учительства Свердловской области, проведенное на основе разработанной мной методологии его многомерного изучения (включая изучение бюджета времени учителей). Оно было осуществлено в 1977–1978 гг., в самый пик интереса к проблематике образа жизни.

Мы получили результаты, которые привели нас к выводу о необходимости глубоких и коренных реформ учительства, школы и всей системы образования, в особенности педаго-

⁶¹ Зборовский Г. Е. Как стать незаменимым. – Екатеринбург, 1987.

гического (это в разгар «застоя»!). Надо ли говорить, что у меня были очень большие неприятности? Брошюра с материалами исследования, несмотря на то что на ней стоял гриф «ДСП», попала к министру просвещения. Тот, прочитав ее, топал ногами и «брызгал слюной», требуя осудить и запретить впредь подобные исследования, а по отношению ко мне лично – применить самые жесткие санкции административно-организационного и партийного характера. Слава богу, все обошлось, я отделался выговором.

Не исключаю, что можем вернуться и к проблеме социального планирования трудовых коллективов. Но для этого необходимы объективные предпосылки, прежде всего стабилизация экономической сферы и нормальная работа бизнес-сообщества. Без этого интереса к таким исследованиям не появится. Когда бизнес поймет, что ему необходимы успешно работающие стабильные трудовые коллективы, он сам будет искать социологов для разработки планов их социального (и не только социального) развития. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь, тем более что сегодня в нашей стране мало что может об этом свидетельствовать. Но очень хочется так думать и на это надеяться. «Ничто на земле не проходит бесследно», – поется в известной песне советских лет. То, что было в нашей социологии раньше, тоже не должно пройти бесследно, – так коротко подведу я итог своего ответа.

Приятно иметь дело с оптимистом... Будем оптимистами. Конечно, за последние годы в России появилось множество социальных общностей, которых не было, да и не могло быть в доперестроечном СССР, появились новые формы организации труда, проведения досуга, новые типы поведения в коммуникационном пространстве. Твоя бы воля и наличие необходимой финансовой поддержки, какие теоретические проблемы ты поставил бы для нового цикла анализа образа жизни и изучению образа жизни каких общностей, групп отдал бы приоритет?

С точки зрения проблематики образа жизни и его теоретических проблем я бы обратил внимание, прежде всего, на два фактора, которые воздействуют на него как способ и систему форм и видов деятельности и поведения. Это, во-первых, неопределенность, во-вторых, нелинейность социаль-

ных (в широком смысле слова) процессов. Под их влиянием сам образ жизни людей и их общностей (групп) стал довольно часто и быстро обретать новые очертания, видоизменяться, опять же, в направлении движения от определенности и линейности к неопределенности и нелинейности. Существенную роль в этом продолжает играть труд в виде профессиональной деятельности и его формы. Несмотря на то что в последние десятилетия зависимость от труда повседневных и регулярных практик жизни заметно снизилась, она все еще существует и зачастую определяет эти практики.

Ты спрашиваешь меня, образ жизни каких общностей, групп должен привлечь внимание социологов. В связи со сказанным о влиянии труда на образ жизни интерес представляют фрилансеры, более широко – прекариат, к которому зачастую их относят. О прекариате сейчас пишут немало, особенно после появления и под влиянием книги Г. Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс». Но при этом наши исследователи калькируют западные представления о прекариате и дискутируют преимущественно по вопросу о его удельном весе среди наемных работников. Предлагаются различные классификации прекаризованных работников, дается характеристика нестандартной занятости этих людей.

А в чем специфика образа жизни российского прекариата? Мы пока этого не знаем. Ответ на поставленный вопрос требует специальных исследований, которые должны коснуться не только объективных сторон жизни этого класса (относимых к нему слоев, общностей, групп) – условий жизни, форм и видов их повседневной и нерегулярной деятельности, но и ценностных ориентаций, установок, интересов, мотивации поведения. Знание субъективного мира социальных общностей – важная сторона изучения их образа жизни, вне представления о которой трудно что-либо прогнозировать. Именно изучение образа жизни дает возможность посмотреть не только на сегодняшний день, но и попытаться понять, что будет с теми или иными общностями завтра. Это касается, в том числе, и прекариата.

Я мог бы назвать и иные социальные слои, с образом жизни которых происходят значимые изменения, нам пока не очень хорошо понятные. Перемены среди бизнес-слоев российского общества, общее ухудшение их экономических и

социальных позиций в обществе приводят к трансформациям и в их образе жизни. Нестабильность в профессиональной сфере деятельности вызывает изменения и в субъективном мире людей, в целом их образе жизни. Но что это за изменения, пока не очень видно. Нужны исследования. Даже и приведенных суждений, мне кажется, достаточно для того, чтобы сделать вывод о важности исследований образа жизни в стране.

Гарольд, не знаю, ты когда-либо ранее проводил такую инвентаризацию сделанного, очерчивал подобным образом свое исследовательское поле? Какие чувства ты испытываешь сейчас, когда перед тобой обозначены все главные дороги, по которым ходил десятилетиями? Что радует душу, успокаивает? Что, напротив, тревожит, настраивает на грустные размышления?

Как раз сейчас я и нахожусь в том самом состоянии «инвентаризации», о котором ты меня спрашиваешь. Подведение итогов – это то, чем я занимаюсь в предъюбилейное время. Делаю я это не в первый, а уже в третий раз. Впервые окидывал взором сделанное в 1998 г., когда отмечал 60-летие; второй раз – спустя 10 лет, а третий раз – 5 лет назад.

Самое странное во всей этой истории с «инвентаризацией» – расхождение между планами и итогами. Поскольку «едешь с ярмарки», каждый раз думаешь, что все, лет уже много, и нужно умерить свой пыл, работать меньше, спокойнее с мыслями о сохранении здоровья и благополучия. Но каждый раз все получается наоборот: возрастает активность, в том числе публикационная, увеличивается объем и напряженность командировок, все больше и больше времени уходит на научное руководство и консультации. И итоги получаются совсем неожиданными, не теми, на которые изначально рассчитывал, а гораздо более весомыми. Я мог бы привести данные о публикациях за последние годы, но просто не хочу колеб заставлять крутить пальцем у виска и представлять себе, как они это делают.

Общая продолжительность рабочей недели не только не сокращается, но даже и чуть растет, хотя, казалось бы, куда еще. Каждый вокруг из товарищей, коллег, знакомых говорит, что так нельзя работать и надо с такой работой заканчивать.

И я со всеми соглашаюсь, и говорю: да, обещаю. И опять все продолжается по-старому...

Ну ладно, это по форме. А по существу есть такое, что радует, успокаивает, есть – что вызывает грусть и печаль, а есть – что тревожит и рождает сильное беспокойство. Радуют успехи близких людей, учеников. Их у меня было и остается немало. Мне нравится с ними работать, я испытываю подлинное удовольствие, когда вижу их прогресс, читаю новые публикации, слушаю их доклады. Их всегда ждет у меня дома чашка крепкого кофе или чая. За такой чашкой всегда лучше обсуждается какой-либо текст.

Как тут не вспомнить Э. Гидденса и его замечательный пример, касающийся социологического воображения! В одном из своих учебников он рассматривал обычный, простой, явно неинтересный на первый взгляд фрагмент поведения людей – употребление кофе. Что здесь может «вообразить» социолог? Из четырех позиций, называемых Гидденсом, приведу только одну. Прежде всего, кофе – не только напиток, который помогает поднять «индивидуальное употребление жидкости». Это – символическая ценность, являющаяся частью повседневного социального ритуала. Нередко он намного важнее, чем сам акт употребления напитка, поскольку для людей, приглашающих друг друга на чашку кофе, встреча и разговор всегда интереснее, чем то, что они пьют и едят.

Но я чуть отвлекся. Радуют новые и интересные книги, журналы, статьи. Их (интересных), к сожалению, бывает не так много. Может быть, поэтому они так радуют. Радуют выходы в театры и особенно в филармонию. Радует общение за столом. Радуют поездки за границу, с какой бы целью они ни осуществлялись, будь то доклады на конференциях или туристические поездки. Но у последних должна быть важная особенность: познавательный характер. Терпеть не могу пляжный отдых, обожаю длительные прогулки по городам и весям.

Ты, вероятно, обратил внимание, что я говорю не только и не столько о самой социологии в ее, так сказать, непосредственном виде. Для меня важен окружающий ее «антураж». Без него я не воспринимаю занятия наукой. Социология для меня – часть жизни, а жизнь – часть социологии. Когда они для меня оказываются в тесной связи, это то, что нужно. Тогда я готов работать безмерно. Люблю, когда у меня есть «мор-

ковка на носу», когда я предвижу интересный, хоть и короткий, отдых после напряженных занятий социологией.

Грусть и печаль вызывают потери близких людей. Конечно, речь идет не о родственниках – это само собой понятно. Я тяжело переживал (да и сейчас это еще не ушло до конца) уход из жизни всех наших крупных социологов. Как-то так быстро произошло, что почти никого не осталось из первых поколений – тех, у кого я учился, с кого брал пример, чьи действия и поступки соотносил с нашей действительностью, тех, кто для меня выступал как своего рода моральный камертон.

А теперь о том, что тревожит и сильно беспокоит. Это – состояние социологии. Временами приходит такое ощущение, что земля уплывает из-под ног социологии. Я уже не говорю о том, сколько подлости в ее мире совершается. Да часто это и не ее мир, а мир людишек вокруг нее. Вот они обхватили ее своими грязными, сальными руками в надежде поживиться за ее счет, за счет тех возможностей, которые она предоставляет своим научным потенциалом. И в этот момент рождается очередное социологическое невежество, а то и похуже – социологическая безграмотность и социологическое хамство.

Меня бесконечно беспокоит, что социология так и не стала институтом гражданского общества. Страшит утеря ею своих позиций. Страшит отсутствие поколения, которое реально могло бы подхватить оставленное ему научное наследство. Возможно, я что-то преувеличиваю. Но не думаю, что сильно. Вот видишь... Так что ты напрасно называешь меня оптимистом.

*П. А. Амброва – моя любимая
докторантка и постоянный соавтор*

М. В. Певная – еще одна моя любимая докторантка

С моим любимым докторантом В. П. Засыпкиным, 2011 г., долина реки Колорадо, США

С Борисом Докторовым в Уральском федеральном университете, 2013 г.

Руководство «круглым столом» на V ВСК, Екатеринбург, 2016 г.

По следам «пивной культуры» Б. Грушина, Прага, 2016 г.

ЧАСТЬ 5

Мир близких людей

С любимой ученицей А. Кузьминчук

Гарольд, перечитывая твои ответы, я понимаю, что в известной триаде Ильи Эренбурга: «Люди, годы, жизнь» нами не «закрыт» ее первый элемент. Годы – это первые три части нашей беседы, жизнь – конечно, не вся, но профессиональная, достаточно развернуто представлена в предыдущей части – «Мое исследовательское поле». Теперь – все просто, поговорим о людях, встречи с которыми – иногда даже короткие, эпизодические – дороги тебе и присутствуют в твоей памяти. Ибо общение с этими людьми помогло тебе в жизни, в каких-то жизненных, профессиональных ситуациях. Я думаю, таких людей на твоем пути было немало. Не мог бы ты, для начала, в целом очертить круг этих людей или каким-либо образом стратифицировать, типологизировать это близкое тебе сообщество?

Ты прав, таких людей, действительно, было немало. Они, общение с ними в значительной степени и составляют то, что является «начинкой» прожитых лет и содержанием жизни. И. Эренбург был удивительно точным в этом словосочетании – «люди, годы, жизнь». В нем прослеживается тесная внутренняя взаимосвязь всех этих трех слов, выступающих элементами любой биографии и автобиографии, любого жизнеописания. Что касается социального контекста этой триады, то, вероятно, в автобиографии социолога он выглядит особенно выразительным. Поэтому люди в ней – это то же, что годы и жизнь. Помнишь крылатую формулу советских времен – диалектика, логика, теория познания – и вывод из нее: не надо трех слов? (Остряки тех времен добавляли – хватит трех букв.) Так и здесь: не надо трех слов (люди, годы, жизнь). Главное – люди, а через них видны и годы, и сделанное в жизни.

Среди них были (и многие продолжают оставаться) очень близкие мне по духу, по общению, характеру отношений люди. С другими таких отношений не было, но влияние на меня они оказали сильное – и своими работами, и отношением к социологии, да и ко мне тоже. Конечно же, я о них всегда помню и дорожу (горжусь) тем, что был знаком с ними, раз-

говаривал, полемизировал, просто общался. Они составляют, безусловно, мой социологический капитал.

Теперь о классификации, стратификации, типологии того сообщества (преимущественно профессионального), в котором я постоянно находился и продолжаю находиться сейчас. Разумеется, оно никогда не было однородным и включало в себя самых разных людей, оказывавших на меня влияние и игравших в моей жизни определенную роль. Поскольку я вступил на социологическую стезю очень давно, но был в то время молодым человеком (в 1963 г. мне было 25 лет), я бы выделил в первую очередь представителей самого первого послевоенного поколения отечественных социологов. Это была моя первая референтная группа. Я их называю (по аналогии с основателями первой Чикагской школы, но те были священниками, отсюда и «отцы») «отцами-основателями» советской (потом российской) социологии. Первым среди них, который встретился на моем жизненном пути (и в этом – мое счастье), был Лев Наумович Коган. В этом же ряду – Владимир Александрович Ядов, Борис Андреевич Грушин, Игорь Семенович Кон, Захар Ильич Файнбург. Особое место в этой референтной группе занимает Георгий Петрович Орлов, которого я не отношу к кругу «отцов-основателей», но считаю одним из наиболее значимых людей в моей жизни.

Вторая группа дорогих мне людей – это близкие коллеги, друзья, товарищи, с которыми я «хлебал» социологическую «кашу» из одного «социологического котелка» (старюсь это делать и сейчас). Приведенное фигуральное выражение означает лишь одно: мы понимали и понимаем друг друга, далеко не всегда совпадая во взглядах на целый ряд проблем, но при этом испытывая глубокое взаимное уважение. К сожалению, иных уж нет среди них (как и многих представителей первого поколения), а те – далече... В большинстве своем они относятся ко второму и третьему поколениям отечественных социологов. Пока я лишь назову некоторых из них, но дальше обязательно раскрою свое понимание их места в моей жизни. В первую очередь это Юрий Рудольфович Вишневский, Борис Зусманович Докторов, Валерий Андреевич Мансуров, Жан Терентьевич Тощенко, Валерий Трофимович Шапко...

Третья группа особенно дорогих и близких мне людей – это мои ближайшие ученики, ставшие (многие уже давно) докторами наук, профессорами, моими непосредственными коллегами по кафедре. Пока не называю имен, но о каждом из них обязательно скажу. Ими я искренне горжусь и не скрываю ни от кого, что каждого – люблю. Про любого из них могу говорить бесконечно. Не знаю, что такое материнское чувство (про отцовское знаю хорошо), но мне иногда кажется, что я их люблю так, как мать – своих детей. Я долго думал, в каком порядке о них говорить: алфавитном, возрастном, еще каком-то, и пришел к неожиданному для себя решению. Буду говорить о них по такому критерию, как время защиты докторской диссертации. В этом критерии есть нечто от продолжительности и интенсивности нашей совместной работы над ней. При этом нисколько не умаляю решающей, главной, основной роли моих ребят в подготовке диссертации, но и не хочу принижать своей роли в этом процессе: ни одна работа не давалась легко, каждая – буквально «с кровью».

Четвертая группа близких мне людей – это мои коллеги из уральских и российских вузов, научно-исследовательских институтов. О ком-то скажу подробнее, о ком-то просто штрихами. Но постараюсь никого не забыть – ни живых, ни, к несчастью, уже ушедших от нас.

Наконец, есть люди, которые не вписываются ни в какие типологии, классификации, стратификации и пр. Ну как я промолчу о Льве Абрамовиче Заксе, ректоре Гуманитарного университета, с которым я проработал вместе 10 замечательных лет? Или как я не скажу о профессоре Вольфганге Лемперте из Института проблем образования и человека в Берлине, с которым мы три года работали над совместным проектом и выпустили монографию на русском и немецком языках? Ведь именно он «впустил» меня в Европу после того, как я 18 лет был «невъездным».

И это еще не все имена...

Тогда и начнем с Льва Наумовича Когана – одной из ярчайших фигур в российской социологии, безусловно относящейся к «отцам-основателям». Пожалуйста, расскажи о нем, о его роли в твоей жизни. Здесь же хотелось бы узнать о ваших конференциях памяти Л. Н. Когана.

О Льве Наумовиче могу рассказывать бесконечно, все-таки личное знакомство с ним, которое продолжалось с 1956 г., когда я впервые услышал его лекции и сдал ему первый экзамен (по диамату), будучи студентом 2-го курса, и по 1997 г., когда он умер (я был у него дома за три дня до его смерти, которая наступила после тяжелой болезни) дает мне такое право. Он никогда не был моим формальным научным руководителем, зато был дважды официальным оппонентом – на защите кандидатской и докторской. На самом деле, конечно, я считаю себя его учеником и горжусь этим. Он мне давал читать рукописи его последних (написанных в 1980–1990-х гг.) книг: «Жить по справедливости», «Человек и его судьба», «Зло», «Вечность», «В четвертом измерении», «Жизнь в поколениях. Классика и современность», «Философия: серьезная и веселая. Очерки о философии Уильяма Шекспира» и при этом просил делать по ним замечания, а затем дарил их с очень теплыми, сейчас разрывающими сердце дарственными надписями (пишу эти строки, и слезы наворачиваются на глаза, все до сих пор живо в памяти, а его книги передо мною). Он писал прекрасные стихи, и небольшая их книжечка – «Белая обезьяна» (1996) – тоже передо мною. Он был поистине энциклопедистом в гуманитаристике: философ, социолог, эстетик, историк, искусствовед, театровед, киновед... Память у него была просто феноменальная.

О застольях с его участием до сих пор ходят легенды, лучшего тамады я просто никогда не слышал. А его устные рассказы (он их называл притчами) можно было слушать бесконечно, причем одни и те же по нескольку раз, и каждый раз хохотать до колик в животе. Мне кажется, их было у него около сорока. Мне фантастически повезло, поскольку большую часть из них я слышал, а многие – не по разу. Как правило, эти притчи он рассказывал в застолье. Даже из журнала «Крокодил» к нему специально приезжали с просьбой дать им хотя бы одну притчу, но он категорически отказывался это делать, полагая, что они на бумаге потеряют свой колорит именно устного (причем авторского) рассказа. Вообще те, кто его хоть один раз слышал, забыть уже не могли никогда. Лев Наумович был блестящим научным руководителем. Под его руководством было защищено 22 докторских и 182 кандидатских дис-

сертаций, причем в подавляющем большинстве это были хорошие работы, халтуру он просто не пропускал.

В память о Когане в Екатеринбурге ежегодно проводятся Коганские чтения, приобретшие статус международной конференции. С 1997 г. было проведено 20 научных конференций. На каждой из них (вплоть до 2013 г.) я выступал с пленарным докладом. Это было моей данью памяти любимому ученому и человеку. Когда я работал со студентами, то каждый учебный год на первом курсе социологического факультета Гуманитарного университета начинал лекцией о Л. Н. Когане как основателе Уральской социологической школы, его вкладе в социологию.

Не могу не сказать специально о двух любимых учениках Л. Н. Когана – профессорах Ю. Р. Вишневском и В. Т. Шапко (последний умер несколько лет назад), которые сделали очень много для сохранения памяти о Л. Н. Когане. Достаточно назвать двухтомное издание его избранных трудов с 1961-го по 1997 г. общим объемом около 50 п.л., опубликованное в 2009 г.⁶² Боюсь, что многих вещей не коснулся, а что сказал – выглядит несколько сусально. Но так уж получилось.

Заканчивая разговор о Л. Н. Когане, скажу, что за время, прошедшее после его смерти, он абсолютно не забыт. Студенты пишут работы о его творчестве, его ученики постоянно цитируют ученого. Про себя лично могу сказать, что его «Социологию культуры» использую регулярно, хотя прошло более 25 лет со времени ее издания. Мне было у кого учиться, и за это я благодарен судьбе. Это вовсе не значит, что я идеализирую Когана, да он в этом и не нуждается. Конечно, он был сыном своего времени, он не взрывал его идеологию и даже не угрожал ей, но мастерски адаптировал применительно к своим исследовательским задачам и показывал всем, как это нужно делать. Однако, что важно отметить, его работы 1990-х гг. уже смотрели в XXI век. И вполне был прав один из любимых учеников Когана Владимир Волков (тоже ушедший из жизни) в стихотворении «Памяти Льва Наумовича Когана», зачитанном им на поминках 18 июля, когда в последних строках писал:

⁶² Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961–1997 гг. : в 2 т. / ред.-сост. Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург, 2009.

Не прижился к врачам и палатам,
Взбунтовался Лев-Человек.
И ушел. Но не в этот, Двадцатый.
А вперед – в Двадцать первый век!

А как сегодня екатеринбургские социологи оценивают деятельность Михаила Трифоновича Иовчука и Михаила Николаевича Руткевича? Об Иовчуке очень мало написано, хотя советская социология во многом началась с его исследования по рабочему классу и технической интеллигенции.

Михаила Трифоновича Иовчука сегодня почти никто не помнит на Урале, разве что профессор Г. П. Орлов, который учился в аспирантуре на кафедре диамата и истмата в УрГУ, когда ею заведовал Иовчук. Он ведь был сослан на Урал после какой-то неприятности, которая у него была в то время, когда он был секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде (конец 1940-х гг.). На Урале он пробыл несколько лет, и точно я теперь не помню, в каком году он снова понадобился в Москве. Мне довелось его лично знать и даже бывать у него дома в Москве на Ленинском проспекте. Это было в 1968 г. Я был молодой доцент, находился на пятимесячной стажировке в ИПК при МГУ, а он читал лекции слушателям. Я даже был старостой этой группы (по его настоянию), поскольку он благоволил к уральцам, и на меня это отношение распространялось автоматически. Именно в это время его назначили ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, чем он страшно гордился. Последние лекции курса он читал через раз, поскольку был очень занят на новой работе. Но зато всегда приносил с собой новые факты о том, что происходило в это время в Чехословакии. От него мы многое и узнавали, что было очень важно, поскольку, как известно, информацией нас об этих событиях, мягко говоря, не баловали. Что касается участия Иовчука в исследованиях рабочего класса и научно-технического прогресса, то он ими только руководил и обеспечивал публикацию материалов. Главную же работу делал Л. Н. Коган и его люди.

Здесь не могу не сказать о взаимоотношениях Иовчука и Когана. Это удивительно, как у таких разных во всем людей могла быть такая взаимная любовь. Я понимаю, откуда это

чувство у Иовчука: он любил Когана как родного сына, что и понятно. Коган был необычайно талантлив и работоспособен. У них была масса совместных публикаций, причем не только в 1960-х, но даже в 1970-х и 1980-х гг. Нетрудно догадаться, кому принадлежала львиная доля авторства. В конце 1980-х и в 1990-х годах, когда мы очень сблизились с Л. Н., я не раз задавал ему вопрос о его отношениях с Иовчуком. Без всякого энтузиазма и желания развернуто обсуждать эту тему, он говорил о том, что многим обязан Иовчуку. И я его понял. В тяжелые годы антисемитизма (1950-е) Иовчук, действительно, не раз защищал Когана, хотя тот ни в чем не был замешан, разве что был виноват в «испорченной» анкете. Мне рассказывали такой эпизод. На кафедре Иовчука, где работал и Коган, в то время был аспирантом (а может быть, доцентом, не знаю) некий В. Гаврилов (потом он вынужден был уйти работать в партшколу). Когда в 1952 г. началась история с врачами, Гаврилов посетил лекцию Когана и на заседании кафедры начал ее разносить, произнеся такие слова: «В то время как весь советский народ борется со своими врагами – еврейскими врачами, Коган позволяет себе...» И пошло, и поехало. Иовчук остановил Гаврилова, сказал, что ему стыдно за него, и велел ему выйти вон. Конечно, Иовчук рисковал сильно, но все утряслось, Коган остался работать. Я думаю, что этого, а вероятно, и еще каких-то вещей он не мог забыть и его отношение к Иовчуку всегда было очень трепетным. Кстати, я слышал не только от Л. Н., но и от других, о порядочности Иовчука. Несмотря на то что Иовчук способствовал продвижению Когана и часто оказывался его соавтором, в социологии он мало что понимал. По-моему, она была ему неинтересна.

Вторая часть вопроса – о М. Н. Руткевиче. Честно признаюсь, что это тот случай, когда я вынужден сказать: «О покойниках или хорошо, или никак». Хорошо не могу, слишком много зла он мне причинил в жизни. Началось с того, что я отказался идти работать к нему на кафедру (после отъезда Иовчука он стал заведовать той же кафедрой). И он меня сразу предупредил: «Вы еще горько пожалеете о своем отказе». Я ему был нужен, чтобы переводить зарубежные тексты с английского и французского, а я этого не хотел делать. Никогда не жалел о своем отказе, а он мне мстил за это много лет. На

этом, пожалуй, я остановлюсь в своих личных оценках. Иначе придется вспоминать, какие методы он использовал в этой мести, чего совсем не хочется делать. Что касается отношения к нему среди городских социологов, то есть несколько человек, которые являются его личными учениками. Вероятно, они его помнят. Но я с ними на эту тему не разговаривал – неинтересно. Знаю только, до самой смерти (а умер он на 92-м году жизни, причем всегда гордился тем, что был ровесником Октября) он интересовался всем происходящим в городском екатеринбургском мире философов и социологов.

Л. Н. Коган был «своим» во многих социологических центрах: в Москве, Ленинграде, Поволжье и Сибири, Эстонии... Когда ты начал знакомиться с социологами из других городов? Кто из них в те годы и позже в большей степени оказал влияние на твои научные интересы?

Мои знакомства с социологами из других городов никак не были связаны с именем Когана, разве что на мне лежал отсвет славы человека из города, в котором он жил и которого (Когана) я хорошо знал. Когда люди узнавали, что я из Свердловска, первый вопрос был не о городе, не обо мне, а о Когане: ну как он? И когда слышали, что он в полном порядке, очень радовались и непременно просили передать ему привет (что я старался никогда не забывать делать). Разница между Коганом и мной в возрасте (15 лет) была в годы моей социологической молодости просто громадной. Это потом она стала (разумеется, не в физическом смысле) «стираться» – вплоть до того, что Лев Наумович неоднократно предлагал мне (уже в начале 1990-х) называть его на «ты» и «Леня», т. е. так, как звали его самые близкие к нему люди. Кстати, я так и не смог перейти, более того, не хотел переходить на такой стиль общения. Он был для меня всегда Учителем на «Вы».

Основным каналом знакомства и общения с социологами было участие в конференциях, я старался по возможности это делать, когда меня на них командировали. Очень много в этом плане дала мне поездка в Польшу летом 1965 г. в составе группы социологов, куда входили О. И. Шкаратан, В. Т. Лисовский, З. И. Файнбург, В. Г. Мордкович и ряд других, менее маститых по тем временам. Поездка эта была организована ЦК ВЛКСМ, а поскольку я был связан с молодежной пробле-

матикой и регулярно наведывался в отдел, который возглавлял В. Васильев, то и последовало такое предложение поучаствовать в этой поездке. От нее я получил громадную пользу. Мы были в Польше порядка трех недель, причем это была не туристская, а насыщенная по программе рабочая поездка с целью как можно больше узнать о деятельности польских социологов. Чрезвычайно полезным с точки зрения знакомства с социологами было участие во Всесоюзной конференции «Молодежь и социализм» (1967 г.).

Как мне кажется, я довольно быстро стал узнаваемым человеком в нашей профессиональной среде. Этому способствовала и моя публикационная активность. Я много печатался в разных журналах – «Философских науках», «Вопросах философии», «Молодом коммунисте», «Советской педагогике», «Новых книгах за рубежом по общественным наукам» (это был реферативный журнал) и др. В 1970 г. вышла моя первая книга в соавторстве с Г. П. Орловым «Досуг: действительность и иллюзии». Ее рецензировал Б. А. Грушин. Естественно, она добавила мне известности как «критику буржуазной социологии» (в то время выход монографии считался совсем не рядовым событием). По этой книге, но, разумеется, не только по ней, Г. П. Орлов вскоре защитил докторскую диссертацию.

Но, пожалуй, первой работой, которая принесла мне известность в профессиональном сообществе, была совместная статья с Г. П. Орловым в «Философских науках» – «Трактовка свободного времени в буржуазной и марксистской социологии»⁶³. Она была написана в мае – начале июня 1964 г. по горячим следам моей первой поездки в Москву (о ней я говорил выше) и тем материалам, которые я привез оттуда. Судя по информации, которую мы получили из Москвы, статья произвела большое впечатление на Иовчука, который был тогда главным редактором журнала, и он велел из уже сверстанного № 6 (журнал выходил тогда 6 раз в год) перенести в следующий номер какую-то статью, а нашу с Г. П. Орловым срочно поставить в номер. Несколько лет назад мне подтвердил эту информацию Д. И. Дубровский, который был в то время заведомом этого журнала.

⁶³ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Трактовка свободного времени в буржуазной «социологии досуга» // Философские науки. – 1964. – № 6.

Теперь о влияниях на меня и мои научные интересы. Из отечественных социологов я бы назвал в первую очередь В. А. Ядова и Л. Н. Когана. Время не изменило моих пристрастий. О Когане уже говорил и больше добавлять ничего здесь не буду. А вот о В. А. Ядове не могу не сказать. Я и сейчас считаю его, как и раньше, самым крупным, самым значительным нашим социологом и поистине благодарен судьбе за возможность учиться у него, причем не столько лично (это, к сожалению, было крайне мало), сколько по его работам. Если же учесть, что Владимир Александрович был моим оппонентом на защите обеих докторских диссертаций, проявив смелость и глубокую порядочность (тогдашний директор ИСИ и председатель ССА, которого перевели из Свердловска в Москву, не хочу повторять его фамилию, ранее уже названную мною, настоятельно отговаривал его от этого шага, а ведь на дворе был 1973 год), то нетрудно представить мое благодарное отношение к нему. Когда я встретил Ядова в аэропорту Свердловска (куда он приехал на мою защиту) и мы с ним сели в машину, то прежде всего он сказал мне, что у меня в Москве есть очень влиятельный «друг» и что я должен быть готов психологически и морально ко всяким пакостям с его стороны. Как же Ядов оказался прав!

С Ядовым (в отличие от Когана) я никогда не был знаком достаточно близко. Конечно, он меня знал с молодости: мои статьи в «Философские науки» проходили через него как члена редколлегии. Опять же докторская диссертация... Я ему дарил некоторые свои учебники и книги. Не знаю, какого он был обо мне мнения (смею только надеяться, что не самого плохого). Важно другое: есть люди, по отношению к которым ты всю жизнь чувствуешь себя учеником. Для меня в социологии из тех ученых, с которыми я общался лично, таких было двое – В. А. Ядов и Л. Н. Коган.

Говоря о людях, с которыми меня свела судьба и которые оказали на меня самое благотворное воздействие, не могу не назвать имени профессора Георгия Петровича Орлова, умнейшего и добрейшего человека. Раньше я уже говорил о том, как мы с ним познакомились и к каким результатам привела наша первая встреча. Тогда, осенью 1963 г., я не осознавал далеко идущих последствий сделанного мне Орловым предложения, касающегося предмета научного исследова-

ния – проблемы времени (прежде всего, свободного) в зарубежной (тогда в буржуазной) социологии. Лишь годы спустя мне стало понятным значение нашего общего выбора. Но только сейчас я об этом говорю.

Так первая встреча может определить во многом научную судьбу. Причем речь ведь идет не только обо мне. Дело в том, что и Георгий Петрович всю последующую свою профессиональную научную деятельность (после 1963 г.) связал с социологическими исследованиями времени, прежде всего свободного. Его докторская диссертация была посвящена анализу свободного времени как социологической категории (у него есть монография с аналогичным названием).

В педагогической же деятельности он перешел с преподавания философии на преподавание социологии. Я до сих пор встречаю бывших студентов социологического факультета Уральского государственного университета, которые с восторгом вспоминают тот учебный год (по-моему, 1992/93), когда мы с Г. П. вдвоем вели у них курс теоретической социологии (я читал лекции, а он вел семинарские занятия).

Я не видел руководителя кафедры более мудрого, чем он. И если я чему-нибудь научился в этой области профессиональной деятельности (а заведовал я кафедрами, с небольшим перерывом, почти 40 лет), то в значительной степени благодаря ему. Мы писали с ним вместе первые наши совместные статьи (с 1964 г.), первую нашу книгу «Досуг: действительность и иллюзии» (1970), первый наш социологический учебник «Введение в социологию» (1992)⁶⁴. Я многому у него учился. Нашей творческой и просто человеческой дружбе исполняется в этом году 55 лет, а ему – 90. Как бы хотелось увеличить и первую, и вторую цифру! Увы, он уже несколько лет не работает (по состоянию здоровья), но держится, и поэтому – большой молодец. Мы с ним регулярно созваниваемся и кратко обмениваемся новостями.

Ты хотел рассказать о своих встречах с И. С. Коном...

Да, очень. Их было несколько – в Свердловске, Питере, Москве, Екатеринбурге (называю в порядке очередности). Но

⁶⁴ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Введение в социологию. – Екатеринбург, 1992.

говорить буду только об одной, которая состоялась в Екатеринбурге в мае 2008 г. Собственно, это была не встреча, а неделя жизни, целая неделя – каждый день с утра до вечера. Но, прежде чем о ней рассказывать, хочу ответить на твой вопрос, точнее, на часть вопроса, которая касалась точки зрения Игоря Семеновича на образ жизни и его изучение. Тогда я умышленно ушел от ответа, зная, что в дальнейшем вернусь к этой проблеме. Ты говорил о том, что при встрече с Коном в Публичной библиотеке он высказался совершенно определенно по поводу своего нежелания изучать эту проблему, сказав, что скорее стал бы изучать образ смерти, чем образ жизни.

Теперь я хотел бы высказаться по поводу приведенного тобой суждения И. С. Кона. Мне его позиция давно известна и хорошо понятна: ему страшно не нравилась вся та идеологическая апологетика и шумиха, которая была связана с социалистическим образом жизни. Ее смысл состоял, особенно первоначально, в том, чтобы противопоставлять «наш» образ жизни «их» образу жизни, т. е. социалистический – буржуазному. Чего стоил только пропагандистский тезис «Два мира – два образа жизни»! Конечно, это был один из тех партийных мифов, который использовался исключительно в целях идеологической обработки сознания рядовых граждан страны. Теперь более подробно и конкретно о Коне.

В мае 2008 г. И. С. Кон приезжал на неделю в Екатеринбург по приглашению Гуманитарного университета, его ректора проф. Л. А. Закса, которому я бесконечно благодарен за согласие принять его и предоставленную возможность создать для этого визита хорошие условия (инициатором приглашения был я). И. С. Кон прочел студентам-социологам Гуманитарного университета небольшой курс лекций по сексуальной культуре (на который сбегались все, кто мог, причем мест в самой большой аудитории явно не хватало, стульями был занят каждый свободный сантиметр). Он также выступил на международной конференции университета с основным докладом, СМИ использовали его, как говорится, по полной программе. Помню, я привел его на радиостанцию «Эхо Москвы в Екатеринбурге». Интервью, причем большое (минут на 40) у Кона брал главный редактор местного «Эха» Максим Путинцев. Он смотрел на Кона влюбленными глазами и несколько минут не мог начать интервью, постоянно вопрошая:

«Неужели я сижу рядом с человеком, которого мы буквально боготворили в годы студенческой молодости и сутками стояли в очереди, чтобы купить билет на его лекцию?»

Я сопровождал И.С. всю неделю, находясь при нем неотрывно: в 8.30 приходил к нему в гостиницу после завтрака и привозил его в нее же после 21, а то и 22 ч. – все зависело от времени окончания спектаклей в театрах или мероприятий с его участием. Это было в канун его 80-летия, а 21 мая – в день юбилея – ректор Гуманитарного университета Л. А. Закс пригласил Кона и меня в ресторан, где мы его тепло поздравили за праздничным ужином и вручили от имени университета подарок. Игорь Семенович был очень растроган, он не собирался вообще отмечать свой юбилей, может быть даже именно поэтому и уехал на майские дни в Екатеринбург (не подумав о том, что в этом городе его тоже очень любят, помнят и о нем, и о его юбилее). Все было очень здорово, неделю он «купался» в волнах уважения и любви. Уехал очень радостным и приятно возбужденным. Я все это хорошо помню, потому что и встречал, и провожал его, а главное – очень много с ним общался. Для меня это была одна из очень запомнившихся недель жизни, по крайней мере в XXI веке.

Во время наших разговоров мы затронули и проблему образа жизни. Произошло это тогда, когда он меня спросил про тему докторской диссертации. Я ему рассказал свою историю, он не знал ее. Услышав, он тут же резко негативно высказался по поводу прозвучавшей фамилии инициатора этой истории. В свою очередь, я ему рассказал, что хорошо знаю историю его ухода из ИКСИ. Оказалось, что мы оба были «потерпевшей стороной». Посмеялись над этим.

Но в данном случае имеет значение не это, а негативное отношение И. С. Кона к проблеме и даже категории образа жизни. В разговоре он как раз и заявил, что ему впору думать над проблемой не образа жизни, а образа смерти – это было время выхода (если не ошибаюсь, по крайней мере, он что-то об этом говорил) книги «80 лет одиночества». Когда ты, Боря, в своем вопросе сказал об услышанных от Кона словах, я сразу вспомнил о его визите к нам и подобном же его суждении. А ведь между этими событиями – твоей встречей с ним в Публичной библиотеке и его приездом в Екатеринбург – прошло «всего-навсего» лет 20, не меньше. Но дело,

конечно, не в возрасте Кона. Видимо, тот образ жизни, который был типичным для нашей страны, не вызывал у него энтузиазма и свидетельствовал скорее не о настоящей жизни, а о каком-то ее симулякре.

Теперь попрошу тебя рассказать о Захаре Ильиче Файнбурге. Я не был с ним знаком, лишь просматривал некоторые его статьи. Но из бесед с Т. И. Заславской, Г. В. Осиповым возникает очень располагающий образ этого человека: многогранный ученый, человек, отлично понимавший свое время, профессор. Что ты мог бы добавить к портрету Файнбурга?

С Захаром Ильичом я познакомился в июне 1965 г. во время поездки в Польшу в составе группы советских социологов. Поездка была организована ЦК ВЛКСМ и молодежной туристической организацией «Спутник». Цель визита состояла в ознакомлении с польской социологией, которая в те годы была намного более развитой, нежели отечественная. В составе группы было немало уже тогда внятно заявивших о себе социологов. Несколько раньше я уже об этом говорил. Оказался в этой группе и З. И. Файнбург, самый старший среди нас по возрасту – в то время ему было 43 года. Да и должность он занимал заметную – заведовал кафедрой в Пермском политехническом институте. Уже тогда, если я не ошибаюсь, при кафедре начали работать две социологические лаборатории, научным руководителем которых стал З. И. Вуз был очень сильным и хорошо известным в стране, а заведование кафедрой общественных наук в нем было делом сложным и почетным.

Жена Захара Ильича – Галина Петровна Козлова, умнейшая женщина и прекрасный экономист, была кандидатом экономических наук, вместе они написали ряд работ – после его смерти прислала мне большой (на целую газетную полосу) некролог. Вскоре после смерти мужа она умерла и сама. С их сыном Григорием – он доктор технических наук, большая умница – мы поддерживаем очень теплые отношения, но видимся редко. В основном – на Файнбургских чтениях, которые устраивают пермские социологи из Политеха (ныне Пермский национальный исследовательский технический университет), где З. И. много лет заведовал кафедрой. З. И. был прек-

расным социологом, теоретиком, методологом и эмпириком в равной мере. Он участвовал в составлении самых первых планов социального развития. Сфера его традиционных интересов – не только труд, но и творчество, прежде всего научно-техническое, хотя писал он и о многом другом. Его волновали проблемы будущего общества, особенно в связи с анализом творчества Маркса, на которое у него всегда были свои собственные, нетрадиционные для советского времени взгляды.

Несмотря на большую разницу в возрасте (мне было тогда 26, и я только защитил кандидатскую диссертацию), мы быстро, по его инициативе, перешли на «ты». В нашей группе, как и во всех, выезжавших из СССР за границу, существовала «железная» дисциплина – никуда самостоятельно не отлучаться, ставить обо всем в известность руководителя. (В нашей группе им был работник ЦК ВЛКСМ Артемий Семенович Кулагин, которого мы звали Тема, очень славный человек и хороший товарищ. Впоследствии он стал доктором философских наук, профессором. К несчастью, недавно он ушел из жизни.) Но, несмотря на запреты исчезать надолго по собственной инициативе, однажды мы не увидели среди нас З. И. Он, по договоренности с Артемием, на пару дней уехал в гости к польскому писателю-фантасту Станиславу Лему, который в то время находился в горах – польских Закопане, работал и отдыхал. Видимо, З. И. предварительно с ним списывался. Дело в том, что научная фантастика была предметом исследований Файнбурга, и с Лемом они переписывались давно. Более того, З. И. часто писал о его романах и в научных, и в публицистических работах. Проблема будущего общества и человека в нем постоянно интересовала Файнбурга. И немудрено: он ведь был очень тонким исследователем Маркса, его формационного подхода к историческому структурированию общества. Помню, что приехал он от Лема очень воодушевленным, даже взволнованным. Видимо, встреча произвела на него сильное впечатление. Но говорил о ней он как-то скупой, без подробностей.

В контексте нашего пребывания в Польше нельзя не сказать несколько слов об этой поездке, о встречах с известными польскими учеными Зигмундом Бауманом (который недавно умер; тогда он был заместителем директора Института философии и социологии Польской академии наук Яна Щепань-

ского), А. Клоковской, В. Весоловским, К. Жигульским (будущим министром культуры Польши) и другими учеными, социологами Гданьских судоверфей (для нас это было очень актуально, поскольку начинала развиваться заводская социология). Мы очень многому поучились у наших польских коллег. Чувствовалось влияние Ф. Знанецкого, которого многие наши польские коллеги если не боготворили, то очень сильно уважали. В то время, когда мы были в Польше, его уже не было в живых. Да он, собственно, и не жил на родине в послевоенный период. Строившийся социализм был ему органически противопоказан. Плюс к этому трагедия его семьи во время фашистской оккупации Польши. Но приезжал в страну он регулярно, встречался с социологами, читал им лекции. Социология в Польше была институционализирована. Она преподавалась в учебных заведениях. В крупных университетах были факультеты и кафедры социологии, которыми руководили известные социологи. Так, кафедрой социологии Лодзинского университета заведовал уже упомянутый К. Жигульский, с которым мне удалось неоднократно общаться. Активно проводились интересные и полезные эмпирические исследования в самых различных сферах общественной жизни.

Я упоминал о встрече с польскими социологами, работавшими на Гданьских судоверфях. Их было двое, и они рассказывали о том, как исследуют проблемы текучести рабочих, выявляют причины и разрабатывают технологию ее предотвращения. Было необыкновенно интересно. Хорошо помню, что Захар Ильич и О. И. Шкаратан задавали массу вопросов и делились соображениями по поводу возможности использования польского опыта в советских условиях.

С чувством юмора у Файнбурга всегда все было в порядке, и он не отказывал себе в удовольствии при случае пошутить. Помню, мы переезжали из Варшавы на поезде в другой город, по-моему, в Лодзь. День был жаркий, хотелось пить, а воду в дорогу мы не догадались купить. Провожавшие нас польские социологи увидели это, и один из них, Зигмунт Скужиньский, побежал по платформе к киоску за напитками. Купив несколько бутылок, он стал вручать их В. Т. Лисовскому и мне. Здесь нужно отметить, что временами нас с Володией приветствовали больше, чем других коллег, особенно из-за польских фа-

милый (Лисовский и Зборовский). Я, правда, на вопрос, откуда у меня такая фамилия и нет ли у меня родственных связей в Польше, отвечал отрицательно. Когда З. И. увидел, что бутылки суют нам, он отпустил что-то ехидное по этому поводу, вроде того, что если вы этого еврея принимаете за поляка (и он показал пальцем на меня), то тогда я тоже могу рассчитывать на бутылку воды. Когда поляки услышали это, они расхохотались и тут же вручили З. И. пару бутылок оранжада (польского лимонада). Завершая разговор о нашем общении в Польше, могу сказать, что оно очень хорошо сохранилось в моей памяти благодаря сильному интеллектуальному следу, оставленному З. И. в моем сознании. В последующем он становился еще более ярким благодаря неоднократным встречам на конференциях, семинарах, Уральских социологических чтениях, защитах диссертаций и др.

Хочу просить тебя охарактеризовать роль З. И. Файнбурга в развитии уральской социологии. Прошло более четверти века со дня его смерти, так что можно попытаться рассказать не только о том, что он делал как исследователь, преподаватель, руководитель научных коллективов, но и в чем сегодня проявляется сделанное им.

Думаю, здесь нужно рассмотреть несколько аспектов. Во-первых, это его школа, его ученики и ближайшие соратники. Говоря о последних, я бы назвал М. А. Слюсарянского, Е. С. Шайдарову и В. Н. Стегния. Один из них – профессор Слюсарянский – несколько лет назад ушел из жизни. Он много сделал для сохранения наследия Захара Ильича. Нельзя не отметить, что исследования Марка Абрамовича Слюсарянского осуществлялись в той же области научного знания, которая всегда была предметом профессионального интереса Файнбурга, – сфере труда и производства. Приняв после ухода из жизни З. И. кафедру, он руководил ею бессменно до своей смерти в конце 2013 г. По его инициативе, немедленно поддержанной Стегнием и Шайдаровой, начали проводиться ставшие традиционными Файнбургские чтения. Их популярность была значительной. Не могу сказать, что я был на всех без исключения конференциях, но в работе многих из них принимал участие. Они всегда были интересны и собирали солидную аудиторию. Большую роль в организации Файн-

бургских чтений сыграл профессор В. Н. Стегний, бывший долгие годы деканом гуманитарного факультета и сыгравший значительную роль в пропаганде идей З. И. и посмертном издании его работ. Область научных интересов Василия Николаевича Стегния тесно смыкается с еще одним предметным полем социологических штудий З. И. – прогнозированием социальных процессов. Преемственность, как видно, налицо.

Во-вторых, благодаря профессиональной социологической деятельности З. И. Файнбурга (и это один из ее основных результатов) на кафедре социологии и политологии ППИ была начата подготовка студентов по специальности «Социология», которая продолжается и по сей день. Многие сотни выпускников (а возможно, и больше) обрели профессию социолога.

В-третьих, результатом деятельности З. И. явился диссертационный социологический Совет, который успешно работал на протяжении многих лет под руководством декана факультета профессора В. Н. Стегния. Причем работал плодотворно и интересно. Сужу об этом из своего личного опыта – я неоднократно участвовал в работе Совета в качестве официального оппонента.

В-четвертых, продолжает оставаться центром эмпирических исследований созданная при кафедре социологическая лаборатория, руководитель которой – Г. В. Разинский – тоже ученик З. И. Файнбурга.

В целом можно подытожить, что кафедра Файнбурга как была крупным образовательным и научным социологическим центром при его жизни, так и осталась таковым и в последовавшие после 1990 г. десятилетия. Дело, начатое З. И. Файнбургом, живет.

Гарольд, помню, когда мы гуляли по Екатеринбургу в 2013 году, ты рассказывал о проблемах, возникших в твоей жизни после выхода в свет книги «Пространство и время как формы социального бытия», и о поддержке, которую в то время оказал тебе З. И. Файнбург. Пожалуйста, вспомни еще раз, какого рода были эти проблемы и в чем выражалась поддержка Файнбурга.

Да, с удовольствием вспомню о поддержке Захара в это тяжелое для меня время и без всякого удовольствия – о том, что произошло и послужило поводом для такой поддержки.

В 1974 г., через год после защиты докторской диссертации, у меня вышла книга – «Пространство и время как формы социального бытия». Я уже раньше говорил о ней, равно как и о том, что книга вызвала неоднозначную реакцию у философов и социологов. По существу началась травля меня, инициированная М. Н. Руткевичем.

И вот в таких условиях я еду на конференцию в Пермь, прихожу на кафедру к Файнбургу, и он мне говорит: «Пошли, пройдемся». Конференция эта проходила не в здании института, и туда нужно было либо проехать несколько остановок, либо пройти пешком минут 30. И так получилось, что эти полчаса резко изменили мое настроение, мои взгляды и позиции по ряду вопросов поведенческого плана. Во время прогулки (помню, кто-то пытался присоединиться к нам, но З. И. быстро его «отшил») он говорил мне примерно следующее: ты должен быть благодарен Руткевичу (к слову, он сам его терпеть не мог), что он придает популярности тебе и твоей книге. Кто бы без этого узнал о твоей книге, которая издана в Свердловске тиражом всего в две тысячи экземпляров? А так о тебе знает не только вся страна, но и весь мир, вон сколько писем получаешь с просьбой выслать экземпляр книги. Все же знают, что если Мишка (он часто его называл именно так) пишет, что книга плохая, то, значит, на самом деле ее стоит читать. И запомни, сказал он мне в конце разговора, его не будет, а книга останется, и на нее еще долго будут ссылаться. А что тебе еще нужно, кроме такого признания? Эти аргументы З. И. Файнбурга тогда подействовали на меня очень успокаивающе, поскольку мое психологическое состояние было не из лучших. А потом на конференции, когда во время пленарного заседания дошла очередь до моего доклада, он представил меня аудитории как автора одной из самых интересных, хотя и не бесспорных, книг последнего времени. Из Перми я уезжал в весьма приподнятом настроении.

Этот вопрос обращен к тебе как к историку социологии и многоопытному преподавателю, вопрос – общий, но я сформулирую его применительно к творчеству Файнбурга. Захар Ильич умер в 1990 году, несколько более четверти века назад. Давно нет того государства и общества, которые он изучал, марксизм не имеет того места в рос-

сийской философии и идеологии, которое он имел в годы жизни Файнбурга, нет тех производственных отношений и механизмов государственного управления, которые он анализировал, и т. д. Как рассказывать нынешним студентам о значении работ Файнбурга для понимания сегодняшней жизни? Применительно к Файнбургу мой вопрос важен еще и потому, что он серьезно думал о будущем не только как философ-социолог, но и как культуролог, специалист по научной фантастике.

Многое зависит от того, каким студентам и что рассказывать. И дело не только в их научной специализации, хотя и она крайне важна – с учетом многогранности и разнонаправленности, многовекторности идей З. И. Главное – в интересе студентов к прошлому науки, ее истории. Как бы современно ни звучали отдельные теоретические положения Файнбурга, касающиеся будущего, творчества, труда, коллектива, личности, организации общества и другие, многие из них относятся уже к истории науки. Увы, я очень пессимистически отношусь к сфере студенческих интересов, связанных с ней. Как мне кажется, история науки их мало волнует. Я уже не говорю о постоянных вопросах студентов: зачем нам Дюркгейм? Вебер? Маркс? Зиммель? Парсонс? Причем эти вопросы, как показывают исследования, в равной мере характерны и для американских, и для французских, и для немецких, и для российских студентов. Конечно, преподаватели стремятся доказать им, что без прошлого нет сегодняшнего дня науки, что манкуртизм – это путь к гибели общества, что «Иван, не помнящий родства» не может быть образцом для современного человека. Нужны большие усилия в этом плане. Вероятно, нужно давать темы курсовых и дипломных работ, рефератов, эссе на базе изучения текстов Файнбурга, других крупных ученых конца XX – начала XXI в., устраивать дискуссии вокруг их творчества. Но все это непросто делать в условиях резкого сокращения времени и возможностей непосредственного общения и взаимодействия студентов и преподавателей, а также быстро меняющихся ориентаций и интересов как тех, так и других.

Захар Ильич был непростым человеком, зачастую бескомпромиссным, особенно по отношению к некоторым властям. Не всегда у него складывались отношения и с

Л. Н. Коганом, между яркими людьми это бывает. Подчас даже трудно объяснить, почему. Тем не менее, в целом они ладили. Я абсолютно подтверждаю тезис о том, что З. И. был блестящим профессором и очень неординарным человеком. Не зря после его смерти в Перми чтят его память, издают избранные работы и посвящают его творчеству конференции. Коротко его значение в истории нашей науки я бы определил так: он был одним из первых среди тех, с чьим именем связано второе рождение социологии на Урале, а может быть, и в стране в целом.

Ну что ж, теперь можно переходить ко второй группе близких тебе людей. Конечно, тебе виднее, в каком порядке, в какой последовательности говорить о них, но мое предложение – расположи их по продолжительности знакомства... Тогда здесь будут «годы-люди»...

Не возражаю. Но в любом случае я бы начал говорить именно об этом человеке в первую очередь. Хотя бы потому, что ближе коллеги и друга, чем Юрий Рудольфович Вишневский, у меня нет. Нас многое объединяет в течение более чем полувекового общения, которое началось в 1966 г. в секторе социологии (его все называли «сектор Когана») Института экономики Уральского филиала АН СССР. Я долго думал, что же так много лет скрепляет наши отношения. Если выразить коротко эти «скрепы» (такое модное сейчас слово), то это – верность социологии, порядочность и доверие в отношениях как друг с другом, так и со многими окружающими нас людьми. Вероятно, к этому же ряду можно отнести и постоянную готовность оказывать помощь и поддержку в трудных жизненных ситуациях. Слава богу, было не так много критических ситуаций в нашей жизни, когда такая помощь была нужна. Но сама уверенность в том, что ты можешь рассчитывать на помощь друга в случае необходимости, значит очень много.

Нас связывают общие профессиональные интересы, главным среди которых является образование, особенно высшее. В последние годы его стала интересовать социология образования в ее историческом ракурсе, что мне также очень близко. Он написал первый том этой работы, сейчас готовит второй. Мне приятно отметить, что по некоторым вопросам этой большой работы я его консультирую.

Наши дружеские отношения сложились не сразу. Первые года два (они относились к тагильскому периоду жизни Юры) мы были даже на «Вы». Более тесные отношения между нами стали устанавливаться в 1967–1968 гг. Много дала в этом плане московская конференция «Социализм и молодежь» 1967 г., в которой мы оба, вместе с Л. Н. Коганом и многими другими коллегами, участвовали. Причем ехали в одном вагоне, жили в одной гостинице «Юность», вместе собирались по вечерам и выпивали. После защиты докторской Юра с семьей перебрался в Свердловск, стал заведовать кафедрой в политехническом институте. Мы стали чаще встречаться – на конференциях, городских семинарах преподавателей общественных наук (они были в то время регулярными и проходили ежемесячно). Но, конечно, центром притяжения был Л. Н. Коган, его сектор, превратившийся затем в крупнейший отдел института.

В 1990-х гг. появилась еще одна мощная «скрепа» наших отношений – Валерий Трофимович Шапко, многолетний (точнее, многодесятилетний) самый первый и большой Юрин друг. Юра и Валера вместе работали в Н. Тагиле, дружили семьями. Про их тандем рассказывают легенды. Юра вовлек Валеру в «большую социологию», способствовал его быстрому творческому росту, подготовке и защите докторской, переезду из Н. Тагила в Екатеринбург к нему на кафедру. Они вместе писали книги, учебники, статьи, проводили исследования, создали диссертационный совет, в котором Юра был председателем, а Валера ученым секретарем. У них всегда все было на двоих, но оба были «распахнуты настежь» и для других.

О В. Т. Шапко можно много говорить и в тесной связи с Ю. Р. Вишневским, и отдельно. Это был во многом уникальный человек: удивительно деликатный, интеллигентный, тонко чувствующий людей. Он обладал колоссальным чувством юмора, знал бесконечное количество анекдотов (в отличие от Юры, который не мог запомнить ни одного, при этом сам над собой подтрунивал). Говорил всегда тихим, ровным, спокойным голосом, его трудно было вывести из себя. Как и Юра, он пользовался безграничной любовью кафедралов, да и не только их. Неожиданная смерть В. Т. Шапко была тяжелейшим потрясением для всех. Что касается Юры, то он

только в последние несколько лет стал приходить в себя. Хочу надеяться, что наши с ним отношения помогают ему в этом.

В последние годы Юра переживает вновь непростые времена. Они связаны с внутриуниверситетской «чехардой»: кафедру передают из одного института в другой, из другого в третий. Всё на нервах, а при его эмоциональности на пользу ему это явно не шло. Сейчас он уже не заведует кафедрой (и слава богу), появляется больше времени для научной работы. К сожалению, немного стало сдавать здоровье, но, увы, с возрастом это становится неизбежным.

Однако я с огромным удовольствием отмечаю, что он не потерял ни интереса, ни вкуса к жизни. Не зря его называют «человек-праздник». На кафедре отмечается все, что только может отмечаться: дни рождения, юбилеи, конференции, научные семинары, предзащиты и защиты диссертаций, приезды коллег из других городов и весей. И всюду в центре застолья и веселья – Ю. Вишневский, всюду он тамада, всюду он поет и танцует (и еще как!).

Гарольд, я помню, ты очень тепло отзывался о взаимодействии с Жаном Терентьевичем Тощенко, говорил о его умении спокойно обсуждать самые сложные теоретико-методологические проблемы социологии, о его политике ведения «Социса». Только что Ж. Т. Тощенко оставил пост главного редактора журнала. Что ты мог бы сказать о своем общении с ним и о его руководстве журналом?

С Жаном Терентьевичем Тощенко я знаком с мая 1973 г. Он приезжал из Красноярска (где он тогда жил) в Свердловск защищать докторскую диссертацию, а я защищал свою работу в том же диссертационном совете на месяц раньше, в апреле. Поскольку из членов совета он почти никого не знал, равно как и его атмосферу (а совет тогда был объединенным и включал, наряду с философами, историков, политэкономов и еще кого-то, сейчас уж и не помню), то я на правах товарища и свердловчанина рассказывал ему об особенностях совета и его работы. Диссертацию он защитил блестяще, не проявив (по крайней мере, внешне) никаких признаков волнения.

Бывают ситуации, когда в твоём сознании человек не меняется и запечатлевается в памяти таким, каким ты увидел его в первый раз. После этого ты можешь видеть его часто,

регулярно, редко, неважно, как и когда, а он будет тебе представляться человеком «первого времени». Так и у меня с Жаном. Ощущение скромного, ровного, спокойного, рассудительного, уверенного в себе (но не самоуверенного) человека тоже осталось с того времени.

Потом было много всего. Из памятного – его приезды в Екатеринбург, лекции для моих студентов-социологов, выступления на Уральских социологических чтениях, куда мы его не раз приглашали, общение с коллегами, постоянные встречи на конференциях и конгрессах – за рубежом, в Москве, в других городах страны. Порой я просто удивлялся – он что, конференций не пропускает? И всюду, каждый раз новые доклады. Скоро я понял: если тебе нужно срочно с ним увидеться и обсудить важный для тебя вопрос, не договаривайся с ним о встрече в Москве во время очередной (или внеочередной) командировки (когда она еще будет?), а узнавай про ближайшую по времени конференцию и езжай туда – точно не промахнешься. Тем более что на научных встречах – будь то конгрессы, конференции, семинары, симпозиумы, дискуссии, круглые столы, чтения – возможностей обстоятельно поговорить всегда больше, чем в университете или в редакции журнала. Высокая научная активность, готовность делиться своими знаниями с другими, необыкновенная мобильность всегда отличала и отличает по сей день Ж. Т.

После того как он стал в 1990-х гг. главным редактором журнала «Социологические исследования», наше профессиональное общение, так или иначе, оказалось связано с работой журнала и моим участием в ней – на правах и автора, и члена редакционного Совета, куда я был введен по его рекомендации (за что по сей день очень благодарен ему). Эта общественная работа позволила мне рекомендовать журналу целый ряд интересных социологов, особенно уральцев, и их статей. Жан всегда очень внимательно относился к таким рекомендациям.

Не могу не сказать еще об одном ценном, с моей точки зрения, качестве Жана Терентьевича – его научной толерантности к чужому мнению, с которым он мог быть и несогласным. Нет необходимости лишний раз говорить, насколько важным является такое качество для главного редактора журнала.

В этой связи вспоминаю об одном случае, имевшем место в истории наших отношений. Как-то раз, где-то на рубеже 1990-х гг. – начала нового века, в устном разговоре я ему сказал, что не приемлю его позицию в отношении предмета социологии и некоторых иных его теоретических взглядов. А он мне в ответ: напиши об этом в журнал статью. Я ему в ответ: ты что, серьезно? Ты же не опубликуешь. Он мне снова: а ты напиши. Я говорю: хорошо, напишу. Сам же был уверен на 90 %, что не опубликует, найдет какой-нибудь предлог для этого или, в лучшем случае, вырежет часть текста. Статью все же написал, причем в жанре открытой полемики с его точкой зрения и изложением своей позиции. Каково же было мое удивление, когда моя статья не просто была быстро опубликована, но в ней не было изменено ни одного слова! Однако дело на этом не закончилось: через некоторое время Жан ответил мне в журнале, правда, не в специально написанном полемическом ответе, а в рамках большой теоретической статьи (читатели «Социса», тем более со «стажем», наверняка заметили, что главный редактор регулярно, с периодичностью раз в год, выступал в журнале с такими глубокими аналитическими статьями). Он, в свою очередь, не согласился с моей точкой зрения, но она явилась для него поводом для более развернутого обоснования собственного взгляда по дискуссионным вопросам. Это было сделано очень корректно.

Не могу не отметить фантастическую работоспособность Ж. Т. Нет смысла называть и перечислять его монографии, книги, учебники – они у всех на слуху и на виду. Нет, вероятно, таких книжных магазинов, где на полках не стояли бы его труды. Но одну работу я хотел бы выделить специально – и не потому, что в свое время написал и опубликовал рецензию на самое первое издание этой книги. Просто я считаю, что она явилась очень важной для нашей социологии – речь идет о «Парадоксальном человеке». Как мне кажется, она открыла какой-то особый жанр в социологической литературе, связанный с анализом социальных и личностных процессов как глубоко противоречивых в условиях общества, сотканного из парадоксов, противоречий и конфликтов. И еще: именно в этой работе, опять же, как мне кажется, Ж. Т. (пусть неявно, может быть, даже не конца осознанно) впервые ставит проблему ущербности власти, политического режима.

Будучи не столичным, а региональным социологом, я всегда ценил внимание Ж. Т. к тому, что делают и пишут социологи не в столицах, а за их пределами, в провинциальной России. Похоже, что он видел свою миссию главного редактора ведущего социологического журнала страны именно в этом – способствовать развитию социологии в «глубинке», выискивать новых людей оттуда, помогать их публикационной активности. Я бы его назвал человеком, который сделал очень много для преодоления социологического провинциализма в России. Думаю, что этому во многом способствовали годы жизни и работы Ж. Т. в Сибири.

Могу совершенно точно, без боязни ошибиться, сказать, что социологи Урала всегда вспоминают его с благодарностью. Когда во второй половине 1990-х гг. он ввел практику выпусков журнала о социологии в регионах (насколько мне известно, в том числе и из откровенных разговоров с Жаном, далеко не все в социологическом «бомонде» тогда положительно отнеслись к его идее), то одним из первых среди них был «уральский номер». Я хорошо помню (поскольку отвечал за него), какую гигантскую консолидирующую роль в социологической жизни региона сыграла подготовка статей в журнал. Главный редактор наверняка не рассчитывал и даже не предполагал, что такие специализированные номера могут выполнять, прямо скажем, несколько необычные функции. Ему важно было показать читателю, каково «социологическое дыхание» региона, чем он живет, над какими проблемами работает. А тут вдруг выясняется, что есть еще и конкурс статей за право быть представленными в журнале от региона. К счастью, практика тех лет не была забыта, и несколько лет назад социологи Екатеринбурга (теперь уже не всего Урала) вновь были представлены целой группой авторов в журнале.

Мои воспоминания о Жане все время возвращают меня к непосредственным, личным контактам с ним. Практически ни одна поездка в Москву (за редчайшим исключением) не обходилась для меня без встречи с Ж. Т. В перечне моих дел в столичной командировке всегда на одном из первых мест – планируемый разговор с ним. Причем не минутный. У меня всегда складывалось впечатление, что при его большой занятости он никогда не жалеет на меня времени. И пока я не обсужу с ним интересующие меня вопросы (а это не только

прошлые и будущие публикации, но и новости социологической и всякой иной жизни в Екатеринбурге и на Урале, проблемы вузовской социологии и сложности ее развития, разговор об отдельных социологах и т. д.), он даже не намекает, что у него есть еще и другие дела и планы.

Мог бы еще много писать о Ж. Т. – личное знакомство с ним с 1973 г. (а это уже 45 лет, т. е. больше половины жизни и его, и моей) дает богатый материал для этого. Конечно, я не могу назвать его своим другом, но точно могу – хорошим, надежным товарищем, близким по духу коллегой, с которым мы всегда понимали в главном друг друга. Это не значит, что у нас всегда все было гладко – у давно и успешно взаимодействующих в одной профессиональной сфере людей так не бывает и не должно быть. Да, были какие-то противоречия, несогласия, неудовлетворенность тем, что делал каждый из нас. Но у нас есть еще время, чтобы двигаться дальше и лучше понимать друг друга.

Теперь – однозначно. Пожалуйста, о Валерии Андреевиче Мансурове и, естественно, о РОСе.

Немалое место в моей «социологической» жизни занимает Российское общество социологов (РОС), в исполкоме и президиуме которого я состою и выполняю функции первого (одного из восьми первых) федерального вице-президента этого общества. Его президентом с 1998 г. является Валерий Андреевич Мансуров. Об отношениях с ним и о своей деятельности в РОСе не могу не сказать. До 1998 г. я не был с ним знаком лично, но, разумеется, слышал о нем немало добрых слов как об организаторе научных исследований.

В 1998 г. в Москве (не помню точную дату) проводится собрание Российского общества социологов. Я приезжаю на него, регистрируюсь, захожу в зал, здороваюсь с коллегами. Подходит В. А. Ядов, а он был директором Института социологии и Президентом РОС, отводит меня в сторону и говорит примерно следующее: понимаешь, я ухожу с должности Президента РОС, не успеваю все делать, полно работы в институте, буду предлагать на это место В. А. Мансурова. Поддержи, пожалуйста, от имени уральских социологов это выдвижение. Я говорю Ядову: да я не хочу, чтобы Вы уходили. Он в ответ стал убеждать меня, что для пользы дела это просто

необходимо, что Мансуров будет работать намного лучше, чем он сам. Я пообещал, что поддержу и проголосую «за». Ядов оказался прав, так оно и вышло.

В этом году исполняется 20 лет, как Валерий Андреевич – президент РОСа. И я не думаю, что в отечественной социологии может найтись какое-то, даже небольшое, число людей, которые были бы недовольны его работой на этом посту. Можно приводить много аргументов успешности его работы: РОС стал самой массовой общественной организацией российских социологов, имея свои отделения почти во всех регионах страны, заметно активизировалась его международная деятельность, под эгидой РОС прошло пять всероссийских социологических конгрессов, проводятся ежегодные конкурсы социологических изданий по многим номинациям... Сам Мансуров очень мобилен. Он постоянно ездит по стране, участвует в конференциях, организуемых отделениями РОСа в регионах, выступает с докладами, рассказывает о работе социологов в стране, награждает от имени исполкома и президиума общества социологов дипломами, грамотами, знаками отличия, встречается с руководителями вузов, органов власти на местах, ратует за поддержку социологической науки. Активно помогает ему в этой работе Елена Ивановна Пронина – исполнительный вице-президент РОС.

Не могу не сказать о своих отношениях с Валерием Андреевичем. Они, с одной стороны, являются деловыми, я – его заместитель, и этим все сказано. С другой стороны, они очень дружественны, пронизаны теплотой и какой-то взаимной заботой. Эти отношения подчас скрываются за шутками. Он очень любит юмор, и здесь мы с ним «совпадаем». Иногда можем дружески пикироваться, особенно в застолье.

Не могу не вспомнить некоторые наши поездки за рубеж. Почему-то до сих пор в памяти сохранилась поездка в Торунь (Польша) на конференцию Европейской социологической ассоциации. Была замечательная погода, и тепло было не только вокруг нас, но и в нас самих. Уже в конце конференции мы пошли с ним пообедать в какой-то ресторан на свежем воздухе и провели два замечательных, полных откровенных разговоров, часа. Прошло уже более 10 лет, а я до сих пор вспоминаю тот наш обед.

Нельзя не сказать о регулярных приездах Валерия Андреевича в Екатеринбург – на Уральские социологические и Коганские чтения. Его присутствие на них всегда придавало этим научным встречам особую остроту и интерес. И, конечно же, особое место занимает организация и проведение V Всероссийского социологического конгресса в Екатеринбурге в октябре 2016 г. Он дался нам всем нелегко. Мы не получили обещанной финансовой и организационной поддержки со стороны руководства Уральского федерального университета, на базе которого проводился Конгресс. Тем не менее он удался, по общему мнению его участников. Я помню родившуюся на конгрессе шутку его организаторов (одним из которых мне довелось быть и работать под руководством Мансурова): за деньги и дурак проведет такое мероприятие, а вот попробуйте сделать это без них... А ведь попробовали и (почти без них) провели. Я очень благодарен за помощь в подготовке и проведении конгресса директору Института социологии РАН М. К. Горшкову, его заместителю М. Ф. Чернышу, председателю программного комитета конгресса Ж. Т. Тощенко, а также моим ближайшим коллегам по институту и кафедре – Ю. Р. Вишневному, П. А. Амбарову, М. В. Певной, А. К. Клюеву.

А теперь я сам, не ожидая вопроса от тебя, напишу о наших отношениях. Для начала сообщу читателям, что когда я обратился к тебе с просьбой задать вопрос, потому что решил написать о тебе и наших отношениях (считая тебя членом второй моей референтной группы), то в ответ получил строчки из известного стихотворения Булата Окуджавы:

Говорите мне прямо в глаза, чем пред вами слышу,
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья.
А иначе зачем на земле этой грешной живу?

Что же, буду говорить тебе и читателям «прямо в глаза». Я – снова о критерии, который ты выдвинул: говорить о людях, относимых ко второй категории, т. е. о друзьях, близких товарищах, коллегах, согласно «временной табели о рангах». То есть начинать с тех, с кем я давно вместе, и постепенно переходить к другим на основании сокращения сроков «сов-

местности». Ты видишь, я тщательно соблюдал этот критерий. С Вишневым этот период «совместности» составил более 50 лет, с Тощенко – более 40, с Мансуровым – 20 лет. В этом смысле период нашей с тобой «совместности» намного меньше.

Конечно, что-то в этом критерии есть, но он не в полной мере совершенен. Потому что дело не только (а иногда и не столько) в количестве лет, в течение которых ты с человеком знаком и коммуницируешь по каким-то вопросам. Не менее значимо содержание и качество этих связей и взаимодействий. Случай моих отношений с тобой как раз подтверждает не только твою, но и мою правоту. Непосредственных связей, взаимодействий, общения – всего-то 5 лет. Зато каких лет и каких отношений!

Думаю, для тебя не будет очередным открытием Америки, что я раньше не только о тебе слышал и знал про тебя, но и читал твои работы, причем очень давно. А кто из советско-российских социологов не слышал про Докторова и не читал его работ? Наверное, есть сколько-то таких (как говорят в городе моего детства Одессе, «их есть у меня»), но тогда они не социологи. Однако лично с тобой до 2013 г. мы не были знакомы.

И тут – Ю. Беспалова, тюменский социолог, передает мне весточку от тебя с предложением поговорить в жанре интервью и предлагает выслать тебе адрес моей электронной почты. Если ты помнишь, я согласился сразу, что называется, моментально. Но тогда я сразу не понял, не подумал, не осознал, что это может для меня значить и какими будут последствия нашего общения, во что выльется наш начавшийся разговор. Теперь, когда пишу об этом и охватываю мысленно – не прошедшие, нет, а пробежавшие, пролетевшие – пять лет, вдруг осознаю, что за это время было считанное количество дней, когда мы не общались (короткий отпуск, короткие командировки и т. д.). Постепенно отношения с тобой превратились в неотъемлемую часть моей повседневной жизни. И когда я включаю компьютер или смотрю телефон, первое, чего жду – сообщения от тебя или о тебе. Я не состою «ВКонтакте», не пользуюсь «Фейсбуком», но знаю, что ты там пишешь или что пишут тебе. Ты тоже знаешь, что я «не в этой сети», и время от времени информируешь меня о твоих публикациях в этом же «Фейсбуке». Но ты не знаешь другого:

люди вокруг меня, мои коллеги, ученики постоянно информируют меня о том, где, что и как ты написал. А иногда и просто присылают этот материал мне на почту.

Наши отношения существенно обогатились во время двух твоих недельных приездов в Екатеринбург. Мы общались каждый день – буквально с утра до вечера. Я сидел на всех твоих лекциях, был на приемах в твою честь, мы слушали замечательный концерт в прекрасной Свердловской филармонии. На социологическом конгрессе в 2016 г. я, конечно, не мог уделить тебе слишком много внимания в силу своей большой загруженности в качестве одного из его организаторов. Но мы вместе с Е. Григорьевой провели очень интересную презентацию твоего девяти томника. И сейчас я с нетерпением буду ждать сентября 2018 г. и надеяться на то, что ты примешь приглашение приехать на конференцию, связанную с моим юбилеем, и будешь участвовать в презентации нашей книги, нашего «Романа». Я назвал лишь некоторые, чисто внешние, аспекты наших отношений: переписка, интервью, поездки...

А ведь за всем за этим скрывается глубокий и наш с тобой взаимный интерес к проблемам социологической науки в целом и ее историко-социологической «ипостаси» в особенности. Мне бесконечно нравятся твои экскурсии (и в опубликованных работах, и в письмах, и в вопросах) в различные ее проблемы. Я с громадным удовольствием читаю твои многочисленные интервью, которых сегодня уже около 180. Они требуют глубокого, системного, фундаментального исследования. Это – настоящая, живая история послевоенной отечественной социологии, рассмотренная сквозь призму предложенных тобой семи поколений ее представителей, их взглядов и представлений. В рамках такого подхода история социологии предстает совсем по-иному. Она, с одной стороны, персонифицируется, с другой – множественность мнений и позиций позволяет «соткать» сложное, мозаичное социологическое полотно.

Особое место занимают твои работы по изучению общественного мнения за рубежом (в США) и у нас. Выполненные тобой исследования творчества горячо любимых Б. А. Грушина, Дж. Гэллага и других известных специалистов в этой сфере знания делают тебе честь первопроходца историко-биографического описания и анализа этих авторов. Мне

особенно приятно отметить, что я имел прямое отношение к публикации твоих работ, посвященных проблемам изучения общественного мнения, в Екатеринбурге, а преподаватели и студенты получили эти книги (иногда даже подписанные их автором) после прослушанных ими твоих лекций.

Не могу не сказать и того, что благодаря нашему с тобой сотрудничеству ты взял интервью у нескольких моих учеников, что, конечно же, составляет предмет их гордости. Благодаря тебе социологи России узнали многое о жизни уральской социологии, родоначальником которой был Л. Н. Коган.

По-видимому, теперь можно попросить тебя поделиться воспоминаниями о представителях еще одной группы дорогих тебе людей – твоих ближайших учениках, которые стали – кто давно, а кто недавно – докторами наук, профессорами, твоими коллегами по кафедре.

Да, ты прав, настало время и появилось место поговорить о тех, кого я считаю своими учениками (а некоторые из них, надеюсь, признают во мне своего профессора). Многие из них работали и работают рядом со мной, на тех же кафедрах, которыми я заведовал, вместе со мной переходят в другие вузы. За более чем полвека моей жизни в социологии, служения ей учеников у меня было немало, есть они и сейчас.

Но кого считать своим учеником? Кто сам себя видит в этом качестве? Понятие ученика в науке – не такое простое, как кажется на первый взгляд. А «на первый взгляд» – это формальный признак: ученик тот, кто пишет у тебя диссертацию и защищает ее под твоим началом. Но можно ее не писать под руководством того человека, которого ты считаешь своим учителем, а делать это под руководством других людей, ценность и значимость которых ты признаешь, однако не относишь к числу своих учителей.

Я не писал своих диссертаций под руководством Л. Н. Когана и В. А. Ядова, но считаю их своими учителями. И если Коган видел мое отношение к нему, знал о нем, то В. А. Ядов ни сном ни духом об этом даже не догадывался. Наверняка среди тех, кто формально может быть отнесен к моим ученикам, есть какая-то часть людей, кто не рассматривает меня в качестве своего учителя, а относит к числу научных руководителей. Это тоже очень интересная категория лиц, от кото-

рых много зависит в жизни людей, на какое-то время связавших свою судьбу с моей деятельностью по оказанию им помощи и поддержки.

Пишу эти строки и думаю: сколько же из общего числа людей, защищавших у меня диссертации (а их число я раньше называл – 58 кандидатов и докторов наук), реально воспринимают меня как своего учителя? У меня нет ответа на этот вопрос. В одном уверен – далеко не все. Поэтому буду говорить только о тех, в ком уверен, по крайней мере, процентов на 80 %.

Интересен и другой вопрос: а есть ли люди (и сколько их), которые называют меня своим учителем, но не писали у меня никаких диссертаций? Могу сразу сказать: такие есть, и я знаю, что их немало. Ведь мой педагогический стаж, включая работу в школе (1959–1963), без малого 60 лет. И за эти долгие годы я работал не только с классами, лекционными потоками и академическими группами, но было много, что называется, «личных» учеников и студентов.

Среди них оказывались и те, кто выбирал профессию социолога. Ими я особенно горжусь. Но ничуть не меньше горжусь теми, кто приходил «лично», целенаправленно ко мне в магистратуру, аспирантуру, докторантуру. Так что дальше я буду говорить только о тех, кто связан со мной научными узами. И, если ты не возражаешь, я начну с того времени, когда у меня появились собственные аспиранты. Это было ровно 50 лет назад – в 1968 году.

Ты решил рассказывать о своих учениках в порядке защиты ими диссертаций? Пожалуйста, кто там первый?

Первым в этом ряду я называю Виктора Григорьевича Черникова, моего дорогого Витю, который пришел ко мне в кружок студенческого научного общества на 2-м курсе юридического института, после моих лекций и семинаров по философии, работал под моим руководством все четыре года студенчества, поступил в аспирантуру и закончил ее с досрочной защитой диссертации. Это было в 1971 г. В этом же году защитилась и еще одна моя, тоже первая, аспирантка – Нина Меньшикова.

Виктор – человек трудной судьбы, воспитывавшийся в годы войны без родителей, пробивший себе дорогу исклю-

чительно своим самоотверженным трудом. Это самый настоящий «selfmademan» (на всякий случай – человек, «сделавший» себя сам). Не знаю более порядочного, честного и искреннего человека. К моему несчастью, ему пришлось уехать из Свердловска в Рыбинск, где ему дали квартиру (он женился и ждал ребенка) и место сначала доцента, а затем профессора – после защиты докторской диссертации в Москве. Он и сейчас живет в Рыбинске, работает в авиационном техническом университете (если не вру с точным названием вуза), пишет про социальное пространство, общественные отношения и другие проблемы. Он моложе меня всего-то на три года, но соблюдает пиетет, называет на «Вы», регулярно звонит, не забывает поздравить ни с какими праздниками, был на моем 75-летнем юбилее и обещает приехать в сентябре 2018 г. Витя, приезжай, я тебя очень жду!

Если же говорить без эмоций, то я должен сказать о нем самые добрые слова как об исследователе. Уже в молодые годы он работал очень тщательно, временами просто скрупулезно. А когда встал вопрос о необходимости для написания диссертации чтения зарубежной социологической литературы, как минимум, на немецком и французском языках, он в процессе обучения в аспирантуре сумел для себя решить эту проблему. Часть кандидатской диссертации у него написана на основании его собственных переводов работ западных социологов. По существу он продолжил то, чем занимался я сам. Кандидатскую диссертацию Виктор защищал в Казани (у нас в Свердловске в совете была большая очередь, а там – нет). До сих пор помню блестящую защиту этой работы. Оппонентом был Л. Н. Коган (он неоднократно выполнял эту функцию относительно моих аспирантов), а я специально прилетал в Казань на защиту. Был праздник.

Потом было много защит самых разных диссертаций. А во второй половине 1990-х гг. пошли докторские работы – хорошие, добротные, крепкие, блестящие. Одна из них – Елены Анатольевны Шуклиной – была названа в ВАКовской рецензии, опубликованной на страницах «Социса», лучшей докторской диссертацией 1999 г. Работа была посвящена обоснованию новой отрасли социологического знания – социологии самообразования. В ней раскрывались предпосылки этой отрасли, методология и методика социологического ис-

следования самообразования, его результаты. За 4 года до этого, в 1995 г., она защитила у меня же кандидатскую диссертацию. Нас связывают 25 лет совместной работы, проведение многих эмпирических исследований, большое количество самых разных публикаций – от статей и докладов до монографий и учебников, преподавание на кафедрах трех университетов, выполнение целого ряда грантовых проектов и т. д. и т. п. Из рядового работника хоздоговорных исследований, которым она была в начале 1990-х гг., Елена Анатольевна превратилась в крупного, российского масштаба, социолога образования. Она прекрасно пишет (что не так часто случается даже с докторами наук), очень критично мыслит и ведет себя в научном плане совершенно независимо. Прошло столько лет, а мы и сейчас вместе работаем, участвуем в совместных исследованиях, много совместно публикуемся. В нашем научном коллективе Е.А. Шуклина – безоговорочный авторитет, да ее еще и любят как человека. Я очень часто прошу ее (боюсь сказать – поручаю, именно прошу) возглавить самые сложные направления исследований. Это тот редкий случай, когда будет справедливо сказать: я боюсь ее больше, чем она меня. Написал эту фразу и предвижу ее реакцию, когда она получит в подарок от меня нашу книгу с указанием этой страницы. Завершая эти слова о ней (а мог бы писать еще очень много – ты представляешь себе: 25 лет совместной работы, в которой успехов было немало, а неудач – почти никаких), не могу не сказать с гордостью о ее двух дочерях.

Старшая, Елизавета, училась у меня в университете на социологическом факультете, мы с ней опубликовали в «Социсе» статью по проблемам ностальгии, когда она училась на 2-м курсе. Работа была отмечена как лучшая статья года в журнале в номинации «Инновационность». Потом она провела эмпирическое исследование по проблемам ностальгии в Финляндии, где полгода училась в рамках программы «Темпус-Тасис». А затем она стала у меня аспиранткой и великолепно защитила очень сильную диссертацию (по проблемам социальной ностальгии). Младшая, Екатерина, тоже закончила социологический факультет и тоже писала у меня дипломную работу. Так что Е. А. Шуклина, как видишь, возглавляет социологическую семью. И это тоже что-нибудь, да значит.

Еще один мой ученик, который, так же как и Е. А. Шуклина, защитил у меня кандидатскую и докторскую диссертации, – Александр Сергеевич Ваторопин. Кстати, они большие друзья, на некоторые конференции даже ездят вместе. Сейчас судьба разбросала их по разным вузам – Е. А. Шуклина работает профессором в УрФУ, а А. С. Ваторопин заведует кафедрой социологии и теории управления – в Уральском институте управления РАНХиГС (это академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ). Раньше же они работали у меня на кафедре (сначала в одном, потом в другом университете), причем вместе более 20 лет.

В 2002 г. Саша защитил докторскую диссертацию по проблемам религиозного модернизма и постмодернизма. Но здесь я должен добавить еще одну даму, и тоже мою ученицу – Наталью Борисовну Костину, которая писала у меня в то же время, что и А. С. Ваторопин, докторскую по проблемам религиозной общности. В общем, у нас тогда появился методологический семинар «на троих». Помимо относительно близких тем, нас троих соединяла работа: я был директором Института социологии и экономики УрГПУ, а они оба – моими заместителями. Так что в течение нескольких лет мы каждый день встречались на работе и раз в неделю-две в конце рабочего дня устраивали семинар. Было необыкновенно интересно и полезно. Результат – налицо: в 2001 г. докторскую защитила Наташа, а в 2002-м – Саша. Самое любопытное, что и у той, и у другого дети избрали социологическую стезю. У Натальи Борисовны дочери – близнецы: Таня закончила у меня социологический факультет и защищала диплом (она вышла замуж за бельгийца и уже много лет живет в Бельгии), а Аня под моим руководством защитила кандидатскую диссертацию. Что касается сына Александра Сергеевича – Сергея, то он тоже стал кандидатом социологических наук (я у него выступал официальным оппонентом). Пишу об этом и думаю – насколько это все удивительно, но совсем не случайно. Наше социологическое сообщество все-таки находит возможность продолжать свое воспроизводство. Видение этого вселяет и чувство гордости, и понимание того, что не зря живем и что-то оставляем после себя.

Все же я хотел бы сказать несколько слов об Александре Сергеевиче. Это очень дорогой для меня человек. Больше

20 лет мы работали бок о бок – и в деканате (я был деканом, а он – заместителем), и в дирекции института (я был директором, а он – заместителем). Мы достаточно часто с ним общаемся – и по телефону, и очно. Он приходит на наши семинары, конференции, экспертные «круглые столы». Сейчас он живет не в самом Екатеринбурге, а в небольшом старинном уральском городе Сысерть, в 50 км от мегаполиса, рядом с лесом и красивым прудом. Я несколько раз был у него в гостях и получал большое удовольствие от общения с ним, его женой и природой. Стараюсь ему помогать, консультирую по тем вопросам, где могу помочь. Радуюсь, когда это удается, расстраиваюсь – когда нет. Работается ему в вузе нелегко – мало возможностей для исследований, к которым он привык. Большая учебная нагрузка, огромный бумажный поток и контроль. Но это всюду, в любом вузе. Так что вопрос, кому сейчас легко в нашей стране, рационального ответа не имеет.

Говоря о своих бывших докторантах (успешно защитивших диссертации), людях, к которым я отношусь с глубочайшим уважением (хотя бы потому, что они очень долго терпели мое руководство, временами выглядевшее как вмешательство в их творчество), не могу не сказать несколько слов о Галине Борисовне Кораблевой.

К несчастью, она ушла из жизни два года назад после тяжелой продолжительной болезни, с которой она мужественно боролась, работала, что называется, до последнего. Она пришла ко мне в докторантуру в 1996 г. Тема диссертации, которую мы вместе с ней сформулировали, звучала так: «Теоретико-социологический анализ взаимосвязи профессии и образования». У Г. Б. была очень хорошая черта: она не могла работать, пока у нее не появлялась полнейшая ясность насчет того, что и как надо делать. Хорошо помню, как у меня дома за большим столом в течение нескольких дней, с утра до вечера, мы разбирались с институциональным подходом к профессии и образованию, выявляли плотность их связей и взаимозависимостей. Наконец, она сказала, что вроде как поняла. Прошло несколько дней, и она снова пришла с целым рядом вопросов. И опять мы с ней сидели и разбирались с различными концепциями неoinституционализма. На этот раз все было лучше.

Она работала в жестком режиме, не отступая от запланированных сроков. В декабре 1999 г., незадолго до Нового

года и нового века, Г. Б. успешно защитилась. После докторантуры она осталась работать у меня на кафедре. Не прошло, по-моему, и года, как она подошла ко мне и сказала, что не хочет меня подводить и будет вынуждена уйти с кафедры. Когда я спросил, почему, она назвала в качестве причины ту самую страшную болезнь, от которой она спустя многие годы (лет 15 точно) умерла. Тогда, в 2000 г., я ей сказал: «Вы мне ничего не говорили, а я от Вас ничего не слышал, и Вы будете работать столько и так, сколько сможете и захотите». Больше этот вопрос мы с ней никогда не поднимали. А спустя год-два с кафедры ушел сначала я, а вслед за мной сразу пять или шесть докторов наук, включая ее, Шуклину, Ваторопина, Костину... Она перешла на работу в университет. В последующие годы мы тесно контактировали, читали курсы у студентов моего и ее университетов, выступали оппонентами на защитах наших аспирантов, вместе работали в одном диссертационном совете и т. д. Она часто говорила: этому я научилась у Г. Е. Зборовского, Г. Е. Зборовский вел заседание кафедры так-то... Я ей подарил много своих работ, а после смерти ее очень хорошая библиотека как-то разошлась по рукам. Вероятно, что-то досталось ее кафедре, которой она заведовала много лет и которую после ее смерти моментально присоединили к другой.

Галина Борисовна была очень порядочным человеком, строгой, но справедливой, и терпеть не могла, когда люди делали гадости. Я долго думал, писать ли о том, что произошло пять лет назад, или нет, но, в конце концов, решил, что когда-то об этом нужно сказать. Речь идет об одной крайне неприглядной истории, по существу сговора против меня, который организовал декан факультета политологии и социологии, председатель диссертационного совета. Он подготовил проголосовать на защите против моей аспирантки нескольких его членов, зависящих от него, – видимо, в отместку за жесткие вопросы, которые я задавал защищающимся, в том числе аспирантам его кафедры. Г. Б. случайно оказалась свидетелем разговора декана с некоторыми членами совета, и потом рассказала мне о нем. Этот сговор был абсолютно гнусной акцией. Одного моего звонка или письма в ВАК хватило бы для того, чтобы закрыть Совет. Тем более что после защиты было его бурное закрытое заседание. Я не сообщил в ВАК об

этом должностном преступлении декана, пожалев тех людей, которым предстояла в ближайшие месяцы защита. А моя аспирантка блестяще защитила чуть измененную диссертацию через год в другом совете. Сейчас она декан факультета в одном из университетов на Севере.

Не хочется заканчивать на этой печальной ноте. Но это и не конец, я продолжу говорить о своих учениках – моих коллегам и друзьям.

Получается, что твоих докторантов можно, с определенными оговорками, делить по времени защиты диссертаций на «старших», «средних» и «младших». Пожалуйста, расскажи о тех, кто стал доктором наук в последние годы.

Конечно, твое деление очень условно. Скорее, это первые, те, кто в середине, и последние (но не по принципу «последняя у попа жена»). По возрасту они все были, когда защищались, в районе 40 лет (плюс, минус, но больше чуть плюс), в этом смысле – да, «средние». Но работали над диссертациями многие и в возрасте до 40.

Один из таких – Владислав Павлович Засыпкин. Сейчас он первый проректор Сургутского государственного педуниверситета. Когда я начал с ним работать, он был проректором этого университета по научной работе. И защищал докторскую в 2010 г., находясь в этой должности, что стало причиной вызова его в ВАК на заседание экспертного Совета. У него была очень хорошая диссертация на тему «Модернизация педагогического образования: социологический анализ». Он ее великолепно защитил. И когда он позвонил мне и сказал, что его приглашают в ВАК, я ничего не мог понять: в чем дело? А ларчик, оказывается, открывался просто: в этой абсолютно идиотской конторе под названием ВАК изначально полагали, что если работу защищает начальник, то ему ее могли написать подчиненные или он ее купил. Поэтому нужно было выяснить, разбирается ли в своей диссертации ее автор. Когда Засыпкин рассказал мне об этом заседании и о вопросах, которые ему задавали, я просто хохотал.

Я начал работать с Владиславом, когда основа работы была уже написана. Правда, тема была другая и специальность, но объект исследования – педагогическое образование – был

тем же. Это позволило нам быстро все перекроить и перестроить. Я до сих пор вспоминаю 2010 г. и то, как мы с ним работали. Конечно, нам помог случай: мой подзащитный упал и сломал ногу. Сработал принцип: не было бы счастья, да несчастье помогло. Полгода (или около того) он был на больничном, что позволило ему очень много и энергично работать. А я ему очень много и энергично помогал, приезжая в Сургут на консультации ежемесячно. Эту ситуацию потом долго осмысливала моя неудачная сургутская докторантка. Когда у нее ничего не получалось, она повторяла каждый раз: а не сломать ли и мне ногу, может, тогда получится, и я напишу работу? Слава богу – и для нее, и для меня все кончилось хорошо. Я ее отчислил, отказавшись с ней работать из-за бесперспективности ее работы, а она ушла из вуза, стала директором громадного супермаркета. Исполнилась ее мечта – иметь много денег. В данном случае я за нее только рад: со мной ведь были одни проблемы, поскольку я ее постоянно ругал за плохую работу.

Но вернусь к Засыпкину. Благодаря ему, ректору СурГПУ профессору Н.В. Коноплиной и думаю, что немножко и мне, в университете была открыта подготовка бакалавров, магистров и аспирантов по социологии. Впервые в Ханты-Мансийском округе появились свои дипломированные социологи. Профессора Е. А. Шуклину и меня пригласили почитать отдельные курсы. С этого года к такой работе привлекли А. С. Ваторопина. А председателем ГАК в этом году назначена П. А. Амбарова. Вот она, тесная связь двух университетов – федерального и регионального. Стали проводиться серьезные заказные социологические исследования. Причем заказчиком выступила окружная Дума. Возникло Югорское отделение РОС. Назвал я далеко не все, что можно было бы упомянуть. Но и этого достаточно, чтобы понять: наша дружба и наше сотрудничество с В. П. Засыпкиным дает свои плоды.

И, наконец, две замечательные женщины, защитившие диссертации в 2016 г., – Полина Анатольевна Амбарова и Мария Владимировна Певная. Подруги, коллеги, единомышленники. Опора моей научной группы (вместе с Е. А. Шуклиной). Смело могу сказать больше – моя опора в нынешней моей жизни. Они мне, действительно, много помогают – и в работе, и в быту. На них я всегда могу положиться. Знаю, что

если о чем-то попрошу и если это в их возможностях, – всегда сделают.

Я о них уже говорил раньше – о Полине чуть больше, чем о Маше. Причина проста: тематика первой мне ближе – темпоральные стратегии поведения социальной общности. Тематика Маши – волонтерство как социальный феномен. Могу и должен сказать, что работа с моими дамами – сначала над диссертациями, а затем в рамках выполнения грантовых проектов – доставляла и доставляет мне большую радость и удовлетворение. Какие они молодцы – что та, что другая!

Я считаю, что их работа над диссертациями – это классический пример того, как нужно выполнять большие исследования. Мы шли четко по плану, составленному в начале нашего пути. Конечно, какие-то отклонения были, но это абсолютно естественный процесс. Они защищались в Нижегородском университете, причем обе защиты (с интервалом в полгода) прошли прекрасно. Мои поездки на эти защиты доставили мне колоссальное удовлетворение и даже удовольствие. Конечно, я был бы неправ, если бы сказал, что ничуть не волновался. Но этот легкий мандраж сполна был компенсирован гордостью и радостью за них. Не могу не отметить отношений Полины и Маши. Один только факт: Маша приезжала на защиту к Полине, а та – на защиту Маши. Молю судьбу (в бога не верую), чтобы их дружба ничем не омрачалась.

Я вижу, как они работают со студентами, магистрантами, аспирантами, стараюсь им в этом помогать, даю какие-то советы, хотя они и сами все умеют делать. При этом я уверен, что они будут двигать вперед наше общее дело, а социологические исследования, проводимые ими или под их руководством, будут отвечать всем строгим научным требованиям.

Вот, вероятно, и все, что касается третьей группы очень близких и дорогих мне людей.

Теперь – о четвертой группе близких тебе людей... Мне так думается, что этот рассказ начнешь с «совсем близких», я имею в виду твоих кафедральных коллег...

Далее мне хотелось бы очень коротко сказать о моих ближайших коллегах по кафедрам, на которых я недавно работал и работаю сейчас. Конечно, я должен буду снова назвать не-

которые ранее называвшиеся имена, но уже в иной ипостаси, в ином качестве – как коллег по научно-педагогической работе. Это Александр Сергеевич Ваторопин, Елена Анатольевна Шуклина, Наталья Борисовна Костина, Галина Борисовна Кораблева, Юрий Рудольфович Вишневский, Полина Анатольевна Амбарова, Мария Владимировна Певная. Особое спасибо последним двум, которые взяли на себя заботу – в условиях дичайшей сверхбюрократизации вузовской жизни – следить за своевременным оформлением кучи бумаг, меня касающихся. Если бы не они, моей ноги давно бы не было в вузе. Мне самому все это было бы просто не под силу, да и, честно сказать, противно.

Не могу не назвать и тех коллег, о ком еще не говорил. Это Елена Николаевна Заборова. Вероятно, я должен был бы сказать о ней подробнее раньше – тогда, когда называл своих докторантов. Ведь она – одна из них. Более того, она защитилась раньше большинства многих из них. Если мне не изменяет память, это было в 1997 г. Но так уж получилось, что я говорю о ней здесь, поскольку недавно вместе работали на одной кафедре и продолжаем сотрудничать сейчас. Ее работа была посвящена социологическому анализу городского социального пространства. Она и сейчас занимается проблемами города. У Е. Н. Заборовой были два научных консультанта – доктор географических наук, профессор Е. Г. Анимича и я. Мы несколько лет работали с ней вместе на кафедре в УрФУ, а последние два (или три) года она заведует кафедрой в экономическом университете. Мы хорошо с ней общаемся и откликаемся на взаимные просьбы и нужды.

Продолжая разговор о моих ближайших коллегах по кафедре, я называю двух «Людмил Николаевен». Первая – это деликатнейшая и интеллигентнейшая Людмила Николаевна Банникова, профессор нашей кафедры, доктор социологических наук. У нее была очень интересная докторская диссертация, и я с радостью и гордостью говорю о том, что способствовал ее успешной защите, выступив официальным оппонентом. Именно благодаря ей я попал на кафедру в 2010–2011 гг. в качестве руководителя методологического семинара и два года читал лекции по истории и теории социологии преподавателям, докторантам и аспирантам кафедры. Приходили те, кому было это интересно и нужно. Не могу не ска-

зать теплых слов и в адрес еще одной Людмилы Николаевны (для меня просто Люси) – Борониной, доцента, ученого секретаря кафедры. Она активно способствовала моему полному переходу в штат кафедры и вхождению в ее жизнь. У меня с ней просто замечательные отношения.

Хотел бы назвать представительниц нового поколения, которые в последние годы защитили у меня кандидатские диссертации и начали писать докторские. Среди первых – очень способная Анечка Кузьминчук, среди вторых – Нина Васильевна Шаброва и Варвара Сергеевна Каташинских.

А если пошире? Об уральских социологах...

Согласен, с радостью скажу о своих коллегах, с которыми я на протяжении многих лет контактировал и продолжаю делать этой сейчас. Хочу назвать некоторых из них, живущих и работающих в городах Урала – Челябинске, Перми, Уфе. Социологический Челябинск для меня – это в первую очередь профессора Владимир Самойлович Цукерман и Сергей Григорьевич Зырянов. С первым я знаком сто лет. Он ведь начал свой путь в социологии в Свердловске, работая у Льва Наумовича, который бесконечно любил Володю. Я-то его знал еще по учительской стезе: он преподавал в школах Свердловска русский язык и литературу, я – историю. А потом мы с ним встретились уже на социологическом поприще. Он написал у Л. Н. Когана блестящую докторскую диссертацию о музыке как предмете социологического исследования, прекрасно работал в его секторе, вообще был всеобщим любимцем.

Остроумие из него не просто сочилось, но «падало фонтаном». Он был редактором стенгазеты Института экономики Уральского отделения АН СССР, в секторе которого работал под руководством Л. Н. Когана. В день выхода газеты к ней нельзя было подступиться, стояла настоящая очередь. Однажды я оказался там как раз в такой день. Вспоминаю, как один из заведующих секторов подошел к скоплению институтского народа у газеты и буквально призывал своих работников продолжить заседание и обсуждение какого-то важного вопроса. Текст стенгазеты разбирался, что называется, на цитаты.

Иногда Цукерману его остроумие выходило «боком». Однажды на него написала большую жалобу в профком лаборантка какого-то отдела. Оказалось, что в газете под рубрикой

«Для вас, любознательные» появилась коротенькая заметка: «У лаборантки такой-то (называлась ее фамилия) мужа призывали в армию на трехмесячные сборы». Было целое разбирательство, Володе, по-моему, объявили выговор по профсоюзной линии. После защиты докторской у Цукермана возникла проблема трудоустройства и жилья одновременно. Ему негде было жить, поскольку после развода с женой он оставил ей квартиру. Володю пригласили работать в Челябинск, в Институт культуры, заведовать кафедрой с предоставлением квартиры. Лев Наумович метался, как раненный зверь в клетке. Он ни за что не хотел отпускать Володю. Когда не удалось пробить ему квартиру, Коган готов был предоставить ему комнату в своей квартире и заявил об этом публично. Но, разумеется, Володя не мог воспользоваться таким предложением и уехал в Челябинск, где живет и сейчас. К сожалению, он сильно болеет, особенно подвело его зрение. Уже несколько лет как он стал незрячим.

Несколько слов о Сергее Григорьевиче Зырянове, который возглавляет бессменно на протяжении очень долгого времени Челябинское отделение Российского общества социологов. Он доктор политологии, директор Челябинского Института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Благодаря ему в Челябинске неоднократно проводились Уральские социологические чтения. Он тоже – из «коганского гнезда» и тоже один из его любимых учеников. Мы поддерживаем с ним самые добрые, по-настоящему дружеские отношения. Но особая любовь у Сережи – с Юрой Вишневым. Не помню случая, чтобы С. Г. Зырянов не приехал на какое-нибудь социологическое или иное, иногда просто праздничное, действо. Он был много лет бессменным председателем ГЭК и ГАК на Юриной кафедре. Причем всегда он выступает на конференциях с очень интересными аналитическими докладами по материалам собственных исследований, проводимых в Челябинской области. Социологический анализ политических процессов в его работах мы демонстрируем студентам как образец, на котором следует учиться.

Говоря об очень близких мне коллегах в Перми, назову упоминавшихся ранее учеников З. И. Файнбурга – профессор Марка Абрамовича Слюсарянского и Василия Николае-

вича Стегния. К сожалению, первого уже нет в живых. С обоими меня связывали и связывают сейчас самые добрые дружеские отношения. Марк много лет возглавлял кафедру социологии Пермского политеха после смерти Файнбурга, по существу до своей смерти. Все эти годы (вплоть до последних трех лет) деканом Гуманитарного факультета этого университета был В. Н. Стегний. У них был очень хороший тандем. Наше тесное сотрудничество включало в себя участие в конференциях, семинарах, работе диссертационного совета, публикациях и многом другом. До сих пор это сотрудничество сохраняется, хотя Екатеринбург и Пермь относятся сейчас к разным федеральным округам. Отношения между социологами, к счастью, остаются выше президентских указов.

В последние годы Василий Николаевич много внимания уделяет работе главного редактора очень хорошего журнала «Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки». Естественно, он продолжает оставаться и профессором кафедры. Я и мои ученики-коллеги охотно публикуемся в этом журнале. У Василия Николаевича есть одна замечательная черта (среди многих других): он работает очень четко и ответственно. И если уж мы договорились о чем-то, то оба стараемся сдерживать взаимные обещания.

Еще один уральский город, с которым меня многое связывает, – Уфа. Ранее я много говорил о своей жизни в юношеские и молодые годы в этом городе. Сейчас речь пойдет о коллегах, с которыми меня немало связывало – вплоть до последних пяти лет. Дело в том, что я был членом двух диссертационных советов – в Башкирском государственном и Уфимском авиационно-техническом университетах. Работал я в этих советах в совокупности лет 20. Ездил в Уфу с громадным удовольствием. Во-первых, потому, что любил и люблю сейчас этот город. Во-вторых, потому, что здесь жили и живут мои самые близкие родственники (родители уже умерли, а старший брат здравствует, хоть и сильно болеет). В-третьих, в Уфе у меня очень много хороших знакомых и товарищей. Некоторые из них мне очень близки по духу, и когда я приезжаю в Уфу, стараюсь обязательно с ними повстречаться.

К их числу относится Владислав Львович Бенин. Формально он не социолог, а культуролог и педагог, доктор наук, профессор, завкафедрой и декан социально-педагогического

(если не ошибаюсь) факультета Башкирского госпедуниверситета. Познакомился я с ним много лет назад (больше 20 точно) по «наводке» Л. Н. Когана (опять Лев-себе-Наумович, как звали его некоторые студенты). Он написал докторскую диссертацию и защищал ее в Совете профессионально-педагогического университета, членом которого я был много лет. Его работу и самого Бенина в совете продвигал я – по просьбе Когана. Я же был и одним из оппонентов. С этого все и началось. А потом Бенина включили в состав этого Совета, и он приезжал в Екатеринбург, а я ездил в Уфу. Так мы подружились. Встречались часто, и всегда было что обсуждать. Несколько лет подряд, по приглашению его университета, я приезжал на неделю читать свои авторские курсы студентам. Читал социологию образования, социологию культуры, еще что-то.

Сейчас встречи стали гораздо более редкими (ездить стали нечасто), но от этого – еще более интересными и желанными. Бенин – человек из артистической семьи. Папа и мама (она еще жива) – народные артисты – проработали всю жизнь в русской драме в Уфе. Я познакомился с ними, когда театр приезжал на гастроли в Свердловск, и Лев Наумович, будучи абсолютно театральным человеком (кого он только не знал, Бениных же знал очень давно), водил меня к ним в гостиничный номер. До сих пор помню этот интересный вечер.

Сам Владислав – тоже очень большая умница, эрудит и остроумнейший человек. Пишу о нем – и сразу появляется желание увидеться и пообщаться с ним.

Затрудняюсь со следующим вопросом, пожалуйста, обозначь следующую группу близких тебе коллег сам...

Пожалуй, я бы еще рассказал о двух из них. Первый представляет ректорский корпус. 55 лет моей работы в вузах Свердловска (затем Екатеринбурга) обусловили мое активное взаимодействие не только с коллегами по кафедре, факультету, институту, университету, но и с ректорами этих вузов. Бывают преподаватели, особенно в больших вузах, которые за долгие годы работы в них никак не пересекаются с ректорами и даже оказываются лично не знакомыми с ними. Это касается, прежде всего, коллег «допрофессорского» уровня. У меня изначально складывались с ректорами определенные отноше-

ния, видимо, в силу той работы, которую я вел (педагогической, научной, общественной) и которая представляла определенный интерес для вуза и его ректора.

Я не собираюсь говорить обо всех ректорах, с которыми работал или работаю сейчас, тем более, что иных уж нет. Но об одном из них не могу не сказать. Это – ректор Гуманитарного университета г. Екатеринбурга профессор Лев Абрамович Закс. Хорошо помню наш первый разговор в самом конце декабря 2001 г. Я тогда принял окончательное решение уйти из Российского профессионально-педагогического университета. Из всех вузов города мне наиболее интересным представлялся Гуманитарный университет, причем по многим соображениям: по характеру образования (гуманитарного), по слабому уровню представленности в нем социологии (открывалось широкое поле деятельности), по перспективам развития социологического образования и другим причинам. Среди них не последнюю роль играла личность ректора Л. А. Закса, про которого уже тогда много говорили: о его творческой натуре, о большой популярности у студентов и преподавателей, о масштабной работе по популяризации Гуманитарного университета и т. д.

Он был очень удивлен моему визиту, но еще больше моему предложению перейти на работу в Гуманитарный университет. Помню его фразу: ущипните меня, неужели сам Зборовский пришел к нам работать? После позитивного в принципе решения вопроса о переходе после Нового года, с 11 января 2002 г., в штат ГУ он меня попросил оставить заявление (видимо, побаивался, что я могу передумать, тем более что на старом месте работы я не говорил пока о своем уходе). И тут же пригласил прийти на новогодний вечер ГУ. Я поблагодарил, но отказался, поскольку в этот вечер улетал на новогодние каникулы во Францию. Он тут же меня спросил: как я буду добираться в аэропорт? Я сказал, что вызову такси. Он предложил мне свою служебную машину, попросил оставить адрес, телефон и время (рейс) прилета из Франции, сказав, что меня обязательно встретят. С тех пор (видимо, по его распоряжению) я мог заказывать у его секретаря машину, когда уезжал в командировки и возвращался из них. Я никогда в течение 10 лет работы в ГУ не злоупотреблял этой возможностью, но по необходимости пользовался (о чем до сих пор

ему благодарен). Л. А. Закс был (вероятно, остается и сейчас) очень заботливым и внимательным человеком.

В те десять лет, что я работал под его началом, в университете делалось очень много для его развития, для воспитания студенчества. Чего стоили только бесплатные для студентов и преподавателей годовые абонементы в филармонию! Многие студенты потом становились просто завсегдатаями таких концертов, и я их часто встречал в филармоническом зале.

Не только искусство, но и наука всегда составляла предмет постоянного внимания Л. А. В университет ежегодно на научные конференции приезжали крупные ученые-обществоведы. Некоторые приглашения делались и с моим участием. Я уже говорил раньше о недельном визите к нам И. С. Кона, который не только выступил с блестящим научным докладом, но еще и прочел курс лекций студентам (причем во все дни яблоку упасть было негде в аудитории). На университетских научных конференциях выступали М. Кастельс, Ю. А. Левада, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, В. Л. Иноземцев, Э. А. Паин и др. Разумеется, все материалы конференций публиковались. К слову, я и сейчас ежегодно печатаюсь в них, причем исключительно по своей инициативе. Ни в одном другом вузе Урала ничего подобного, я имею в виду постоянное и регулярное приглашение крупных ученых, не было и нет. Все это – Л. А. Закс.

Часто я просто приходил к нему на разговор. Обычно использовался какой-нибудь повод, благо для этого всегда были возможности: я ведь был деканом социологического факультета. Максимум за 10 минут мы обсуждали производственные проблемы, а потом за чаем шел крайне интересный и зачастую острый, продолжительный по времени, разговор по многим вопросам, выходящим за пределы университетской жизни. Он – доктор философских наук, чрезвычайно широко эрудированный в проблемах культурологии, эстетики, да и социологии тоже. Я ему всегда рассказывал о положении дел в нашей науке, особенно после научных командировок, личного участия в международных и российских конференциях. Не помню случая, чтобы он отказал мне в какой-либо поездке. Правда, я никогда не злоупотреблял такими возможностями, старался экономить университетские деньги, покупал недорогие билеты и жил в таких же гостиницах. Своим

коллегам я могу пожелать лишь одного – работать с таким ректором. Это – большое везение и большая радость. Могу в заключение сказать лишь одно: буду просить его прийти на мой юбилей 17 сентября. Для меня это будет высокая честь.

Буквально напрашивается еще один вопрос: есть ли у меня коллеги за рубежом, о которых мне хотелось бы поведать? Отвечу: конечно, да. Об одном из них я уже говорил – не так много, как мог бы, но он «всегда со мной». Это мой интервьюер, независимый исследователь из США профессор Борис Докторов. Понятно, что территориально он там, но духовно и душевно – всегда в России и с российскими социологами.

К слову, на днях узнаю о любопытном факте. Сообщаю его всем, но в первую очередь – Борису. У нас в университете существуют так называемые рейтинговые надбавки. Это дополнительные выплаты за те или иные важные для университета достижения: защиты диссертаций, изданные монографии, публикации статей в изданиях, отражаемых в зарубежных базах цитирования, совместные публикации с зарубежными исследователями и т. д. За эти и иные достижения ставятся баллы, которые потом переводятся в деньги. Так вот, выясняя, что мне поставлены дополнительные баллы за статью с зарубежным ученым, опубликованную в 2017 г. Я долго ломал голову, с кем у меня была публикация. Но так и не вспомнил, пока мне не сказали, что это была статья в «Социологическом журнале» № 1 за 2017 г. (статьи этого журнала отражаются в базе данных Scopus), а моим соавтором был... Б. Докторов. Это была статья о З. И. Файнбурге. Боря, я тебе обещаю, что когда ты приедешь в Россию в очередной раз, мы пропьем с тобой этот гонорар (правда, я не знаю, каков он будет и когда я его получу, но это уже неважно).

А теперь я хочу сказать о другом зарубежном моем коллеге – профессоре из Германии Вольфганге Лемперте. Ведь именно он «впустил» меня в Европу после того, как я 18 лет был невыездным. Разумеется, это фигуральное выражение. Получилось так, что немецкий профессор К. Штратманн, присутствовавший на конференции в России, где я выступал с докладом о развитии профессионального образования, предложил рассказать обо мне его близкому товарищу и коллеге проф. В. Лемперту, который интересовался схожими пробле-

мами. Лемперт работал в Берлине в Институте образования и проблем человека. Институт относился к числу образовательных организаций общества Макса Планка. Вскоре пришло письмо от Лемперта, мы вступили с ним в переписку, и через некоторое время я получил официальное приглашение от Института приехать на два летних месяца в Берлин в качестве приглашенного профессора. Оплату всей моей командировки (самолет Москва – Берлин – Москва, зарплата и пр.) Институт взял на себя без каких-либо обязательств с моей стороны (отчет, выступление и т. д.). Условие было лишь одно: общение и взаимодействие на одном из двух языков – немецком или английском. Я немедленно согласился, и в начале июля 1993 г. самолетм Люфтвагзы из Шереметьева вылетел в Берлин. В аэропорту меня встретил Вольфганг Лемперт. Мы легко и быстро познакомились, сразу же перешли на «ты», и начались два незабываемых и счастливых месяца в моей жизни. Главным результатом этой поездки я считаю нашу договоренность о проведении совместного сравнительного, кросс-культурного исследования, которое спустя три года (в 1996 г.) выразилось в совместной нашей монографии на русском и немецком языках – «Профессиональное образование и социальная ответственность на рабочих местах в России и в Германии». Летом 1993 г. в Берлине мы разрабатывали методологию и методику проведения эмпирического исследования. В последующие три года проходили сами исследования по выработанной проблематике, обобщались результаты. В Екатеринбурге книга была переведена с русского на немецкий и с немецкого на русский и издана на двух языках. Осенью 1996 г. на презентацию книги в Екатеринбург приехал Лемперт. Его недельный визит прошел с большим успехом. Книга получила всеобщее одобрение и была подарена министру образования самим Лемпертом. Немецкий профессор с удовольствием выступил перед студентами социологического факультета профессионально-педагогического университета.

Не могу не вспомнить добрым словом Вольфганга и по другому поводу. Благодаря ему я попал в Билефельд в 1994 г. на Всемирный социологический конгресс. Он обеспечил мне месячное пребывание в Германии (Берлин, Бремен, Билефельд – конгрессовская неделя) в результате договоренности с его коллегой профессором Феликсом Раунером, директором

Института профессионального образования Бременского университета, об оплате проезда, гостиницы, пребывания в стране. Со своей стороны, я прочел несколько лекций студентам, и гонорар за них составили как раз эти средства. К сожалению, в XXI веке мы уже не встречались, а передавали друг другу приветы через коллег (в основном, Михаэля Корстена). Лемперт вышел на пенсию и активно уже не работал.

Гарольд, поздравим друг друга... Еще не конец, но совсем близко. Мы вдоволь поговорили о твоей работе, о близких тебе людях. Теперь расскажи о том, к чему еще лежит твоя душа... В детстве, юности, ранней молодости была музыка, одно время ты думал о ней как о профессии. Я знаю, пристрастие к музыке сохранилось. Ты много путешествуешь, много читаешь... Пожалуйста, приоткрой немного этот свой мир.

Ну что ж, вопрос, хоть и в конце наших бесед, но в самый раз. Мы, действительно, много говорили о работе, о том, что с ней связано, о людях – близких и далеких, но важных для меня. Взаимодействие с ними было очень значимым, а иногда и решающим в ряде конкретных жизненных ситуаций. Однако в жизни всегда бывает такое, что напрямую не зависит ни от работы, ни от тех, с кем ты общаешься. Это мир дополнительных внутренних интересов и увлечений, который способен превращаться в ряде случаев в основные. Особенно, когда наступает усталость и появляется желание какой-то новой «морковки на носу», того, что наполняет жизнь новыми ожиданиями и возможным их осуществлением. Я вновь возвращаюсь к проблеме времени, на сей раз свободного, но теперь уже не как к социологической проблеме, а как практике собственной повседневной жизни. До чего все-таки интересна связь теоретического и практического, социального и индивидуального! Ну, просто замкнутый круг!

В моей жизни всегда были и продолжают оставаться некие «сквозные» досуговые интересы: художественная литература, музыка, спорт, путешествия... Меняются формы и способы реализации этих интересов. В молодости я активно занимался спортом: баскетболом, легкой атлетикой, футболом, настольным теннисом, шахматами. Когда работал в школе, это было естественно: вел секции для учеников, играл с ними в спортзале и на школьном дворе, ходил в турпоходы.

Потом многое продолжалось в вузе: играл со студентами в баскетбол, причем часто сразу после занятий. Спортзал был на первом этаже, а лекции я читал на третьем. Заканчивались пары в 15–16 ч., и мы вместе спускались в спортзал. В баскетбол играл лет до 45–50. Постоянно принимал участие в шахматных турнирах. Дома каждое утро совершал пробежки (по 3–5 км). Девиз «Жизнь – ты спорт» был моим девизом на протяжении многих десятилетий. Но все имеет свои границы, и активный спорт – тоже. Сейчас от всего этого остались только прогулки и активная утренняя зарядка дома, где у меня стоит тренажер. Печально это, как все то, что доставляло многие годы радость, а теперь уходящее. Однако остался интерес к спорту как предмету «боления» и эмоционального переживания. Очень люблю смотреть яркие соревнования, но только в режиме он-лайн. Смотреть спорт, «уже состоявшийся» не у тебя на глазах, мне не интересно.

Почти то же, что и со спортом, произошло в моей жизни с музыкой, которой я когда-то занимался профессионально (о чем уже говорил в первой части книги). После 40 лет я перестал играть на скрипке. Этот инструмент требует каждодневной игры на нем. В противном случае пальцы и сама скрипка становятся чужими. В этом случае играть невыносимо, прежде всего для собственного слуха. Так скрипка и лежит 40 лет без прикосновения к ней, исключая редкие случаи большой уборки в квартире, когда прикасаюсь к ней мягкой тряпочкой и вытираю с нее пыль.

Зато музыка постоянно звучит в моей квартире, преимущественно классическая, которую я бесконечно люблю и готов бесконечно слушать. У меня очень много записей оркестровой, скрипичной, фортепианной музыки. Но апофеозом удовольствия являются филармонические концерты, которые я посещаю с разной периодичностью, в зависимости от предлагаемого репертуара. В целом Свердловская филармония отличается высокой культурой. В ней прекрасный симфонический оркестр, великолепный главный дирижер, постоянно приглашаются «звезды» классической музыки. В последние годы я полюбил хороший джаз и изредка хожу на джазовую музыку, особенно когда кто-то покупает билеты (по моей просьбе) и составляет мне компанию.

Настало время сказать и о путешествиях. Я их (в большей степени зарубежные) очень люблю. Начал ездить в середине 1960-х гг., когда поездки за границу в нашей стране были не такими частыми, как сейчас, в конце XX – начале XXI в. В те годы каждая поездка превращалась в событие. Когда я возвращался, долго рассказывал в разных аудиториях об особенностях жизни за рубежом, особенно в капиталистических странах. После 1973 г. я стал невыездным, и даже приглашения на конференции за счет принимающей стороны не принимались в расчет. Почему так произошло, могу только догадываться.

По-настоящему много я стал ездить уже в 1990-х гг. Первая такая поездка состоялась в 1993 г. в Берлин по приглашению Института человека Макса Планка (о ней я только сейчас говорил). А вот потом как «прорвало». Были деловые, профессиональные командировки, были и просто туристические поездки. Как ни странно, раньше, а сейчас особенно, люблю индивидуальные туристические поездки, вне групп, по самостоятельному маршруту. Деловые командировки всегда оплачивались, а значит, обязывали. Туристические поездки шли за свой счет. В первом случае нужно было работать, а во втором была полная свобода.

Я объездил много стран, практически всю Европу. Во многих бывал не по одному разу. Как-то решил посчитать, в скольких же странах побывал. Оказалось – более чем в 40.

Сейчас интерес сместился со стран на города. Каждый год обязательно езжу в какой-нибудь столичный и интересный город, который притягивает мое внимание. В последние годы это были Лондон, Рим, Афины, Тель-Авив, Иерусалим, Амстердам, Прага, Севилья... Прожив в таком городе недельку, исходив его ногами, посмотрев все его улицы, площади, дома, музеи «вживую», а не через окно автобуса, лучше и глубже узнаю его дух, культуру, историю. Для меня это интереснее, чем поехать по стране, перебирая быстро город за городом. Одно знаю точно: ожидание поездки за границу, подготовка к ней – это одна из самых лучших «морковок на носу». В зарубежных поездках голова полностью освобождается от рутины повседневной жизни, постоянных забот, необходимости выполнять жестко в срок определенные обязательства. Когда я оказываюсь за рубежом, прохожу таможенную и выхожу из

терминала, первое слово, которое я всегда произношу громко, – «свобода». Это прекрасное слово и состояние – свобода хотя бы на неделю, дней на 10.

Гарольд, я уверен, что ты без особого напряжения памяти мог бы увеличить объем этого раздела и текста нашей беседы в целом. Но надо что-либо оставить и на потом... Мы начали нашу работу год назад, 18 февраля 2017 года, насколько помнится, по моей инициативе. Конечно, у нас были перерывы – к счастью, жизнь многогранна, но все же год мы прожили вместе. В самом начале нашей беседы через Океан ты назвал наш будущий текст «Роман с социологией длиной более полувека». Доброе название. Оно задавало широкие рамки для разговора... Ты описал многие события этого романа. Как ты считаешь, твой выбор оказался успешным? Любовь оказалась взаимной? Кто кого больше мучил: ты Социологию или Социология тебя?

Твои вопросы имеют характер подведения итогов. Действительно, настает пора для этого. Из трех твоих вопросов однозначно я могу ответить только на один, первый. С момента своего выбора я никогда не раскаивался в нем и считаю его для себя успешным. В течение всей моей взрослой жизни у социологии как профессии всегда был лишь один конкурент. Это – профессия дирижера. Поскольку моим первым профессиональным образованием (по-настоящему не реализовавшимся) было музыкальное, причем исполнительское (о чем я говорил в первом разделе книги), меня никогда не оставляли в покое мечты о работе дирижера. Но эти мечты были абстрактными, я никогда ничего не делал для их осуществления. Любовь к музыке, ее постоянное слушание, регулярное посещение концертов в счет не идет. Последний раз разговор с кем-то из друзей на эту тему происходил лет 20 назад, когда я уже немало достиг в социологии. Мы обсуждали вопрос: а вдруг появилась бы такая возможность сменить профессию, получил бы я необходимое материальное обеспечение для нормальной жизни и обучения дирижерству, решил бы я на такой шаг? Свой ответ я хорошо помню: если бы лет 20 назад, возможно, что и да. А сейчас – нет.

Так что – «не жалею, не зову, не плачу». Дирижерскую деятельность по-прежнему люблю и даже боготворю, хожу

только на хороших дирижерах. По-прежнему, сидя на концертах, впиваясь глазами в их жесты и манеры исполнения. Зная эту мою страсть к профессии дирижера, на одном из юбилеев мне подарили дирижерскую палочку. Видимо, с намеком на то, чтобы управлял, как следует, институтом, факультетом, кафедрой (не помню уже, с какой моей должностью – по времени – был связан этот подарок).

Что касается твоего вопроса о взаимной любви, так и хочется ответить: а давай спросим об этом социологию. Но она ведь неживая, как сказали бы дети. Я ее никогда не предавал, не уходил от нее к другим наукам и сферам деятельности, не делил с другими. Соавторство – как форму деления – в данном случае рассматриваю лишь как привлечение к служению социологии – вместе с собой – других людей. Соавторство – не как приписывание себя к чьей-то работе, а как совместный труд над какой-то проблемой. И когда удается такого добиться, бесконечно радуюсь. Как и многие другие науки, социология зачастую приобретает характер совместной деятельности. За последние лет пять-шесть у меня, как минимум, половина работ (как статей, так и монографий) написана в составе коллективов (от 2–3 до 8–9 человек, это состав моей научной группы).

Что касается третьего вопроса – кто кого больше мучил (я социологию или она меня), то я думаю, что более уместна постановка вопроса о муках творчества. Были ли они? Еще как и еще сколько! Любое творчество – это муки. В процессе работы далеко не все получается, порой не можешь толком, четко, лаконично сформулировать те или иные положения, гипотезы, выводы. Говорят, что муки творчества – сладкие. Не знаю, может быть, для кого-то – да, но про себя я бы так не сказал. Чаще испытываю неудовлетворенность оттого, что не могу, как следует, реализовать замысел.

Вообще же, если говорить честно и откровенно, безумно устал от этой гонки, от книг, статей, исследований, диссертаций, конференций, докладов, командировок и т. д. Устал не от людей, а от суеты. Хочется (и надеюсь) чуть-чуть отдохнуть, соскучиться по работе, не торопясь подумать. «Служение муз не терпит суеты...» А социология – это моя муза. Суждено ли сбыться моим надеждам? Не знаю... Поживем – увидим...

Г. П. Орлов, Ж. Т. Тощенко и я

С. И. С. Коном в Гуманитарном университете, 2008 г.

Разговор со В. Н. Стегнием

С Ю. Р. Вишневским на конференции, 2010 г.

Н. Б. Костина, В. Т. Шапко (справа) и я после заседания диссовета, 2004 г.

Президент Российского общества социологов В. А. Мансуров

С моим первым и любимым аспирантом В. Г. Черниковым, 2013 г.

25 лет совместной работы с А. С. Ваторопиным

Поздравление с юбилеем – от Л. А. Закса, 2008 г.

На вертолете в долине Колорадо, 2011 г., США

Борьба с «одноруким бандитом», Лас Вегас, США

Кормление британских овечек

Счастливый роман с социологией Гарольда Зборовского. Послесловие профессора Б. З. Докторов

Сначала этот заголовок «Послесловия» показался мне интересным, сразу ясно, о чем пойдет речь. Но когда начал писать, сразу ощутил его главную слабость: он сдерживает меня и лишает потенциального читателя смысла читать написанное. Собственно, зачем писать и зачем читать, если вывод известен? Для читателя – нет интриги, для меня – мало места для размышлений типа «с одной стороны... с другой...». Но менять, редактировать заголовок у меня нет оснований, ибо я знаю, куда в любом случае заведет меня мой анализ полувекового романа Гарольда Ефимовича Зборовского с социологией.

Более того, в общих чертах содержание нашего разговора – который продлится год – мне было известно еще в конце 2016 г. Тогда на мое предложение Гарольду Зборовскому побеседовать с ним в связи с просматривавшимся через два года его 80-летием он ответил согласием и даже – редкое дело – сразу назвал заголовок текста, который еще только должен был родиться.

А догадываться о содержании нашего предполагавшегося биографического интервью я мог в силу следующих обстоятельств. Прежде всего, весной 2013 г. состоялся наш первый разговор через Океан (при посредстве электронной почты): «Я ощущаю себя в первую очередь профессором»⁶⁵. Затем, при активном содействии Зборовского, я получил приглашение прочесть лекции в Уральском федеральном университете и в конце октября 2013 г. впервые прилетел в Екатеринбург. Во-вторых, разговор «за жизнь» с Гарольдом к концу 2016 г. дал импульс многим новым совместным начинаниям и непрекращающемуся общению. И, в-третьих, у меня уже был опыт ведения продолжительных биографических интервью с российскими социологами, ставших основой книг, и

⁶⁵ Зборовский Г. Е.: «Я ощущаю себя в первую очередь профессором» (Интервью Б. З. Докторову) // Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. [Электронное издание] / ред.-конс. А. Н. Алексеев; ред. электр. издания Е. И. Григорьева. – 4-е доп. изд. – М., 2014–2017. – URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=69

считаю этот жанр историко-социологических исследований (соответственно, литературы) интересным и плодотворным.

К первой встрече со студентами и преподавателями университета я подготовил учебное пособие, в котором рассмотрены некоторые страницы истории изучения общественного мнения в США и России. Книга вышла из печати в конце лета 2013 года. Мне повезло: Гарольд Зборовский не только поддержал издание книги, но и согласился стать ее редактором и автором предисловия⁶⁶.

Таким оказался первый год нашего знакомства. На момент начала того интервью мы совсем не знали друг друга. Однако за три месяца регулярного общения в ходе интервью, а затем при подготовке названной книги заметно сблизились, обнаружилось общее в траекториях развития наших научных интересов, наконец пребывание в Екатеринбурге, прогулки по городу и неформальное общение со Зборовским сделали наши отношения глубоко доверительными, дружественными.

Продуктивным в наших отношениях стал и следующий, 2014 год. Тогда под редакцией Зборовского и с его предисловием университет опубликовал мою работу по истории американской рекламы и методологии историко-биографического анализа. Книга называлась «Гиганты американской рекламы»⁶⁷. Весьма значимым для меня оказалось предисловие Зборовского, озаглавленное им «О пользе научно-исторической литературы». Он нашел точные слова для обозначения жанра моего исследования, достаточно сложного, синтетического и мало разработанного в нашей стране. Приведу этот фрагмент предисловия: «...Б. З. Докторов называет свою работу историко-биографической. Но нам представляется более точным предложенное выше определение жанра как биографо-монографического. Сквозь призму изложения биографий американских рекламистов (копирайтеров) просматривается научное исследование проблем развития рекламы как социально-исторического явления, как части культуры общества

⁶⁶ Докторов Б. З. Лекции по истории изучения общественного мнения: США и России. – Екатеринбург, 2013. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=340>.

⁶⁷ Докторов Б. З. Гиганты американской рекламы / под ред. проф. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург, 2014. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=392>

(и в этом смысле общественного феномена), как социального института, как формы общественного сознания, как элемента общественного мнения. Мы бы подчеркнули особое значение общих вопросов методологии научного исследования рекламы, которые рассматриваются сквозь призму биографий и творчества наиболее крупных рекламистов США»⁶⁸. В этих словах я увидел в Зборовском историка социологии, много лет прорабатывающего методологию этого исследовательского направления применительно к другим предметным сферам, но в близкой мне «человекоцентричной» парадигматике. Как не порадоваться?

В 2013 г. в Екатеринбурге я познакомился с коллегами, друзьями и учениками Гарольда, заинтересовался направленностью их исследований. Продолжением этих встреч и бесед стали интервью с П. А. Амбаровою, А. П. Багировой, Ю. Р. Вишневым, В. П. Засыпкиным и Г. Б. Кораблевой, проведенные в конце 2013 – первой половине 2014 г. Как итог, весной 2015 г. под редакцией Ю. Р. Вишневого и Г. Е. Зборовского вышла в свет книга «Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век»⁶⁹ – одна из немногих работ по современной истории российских региональных социологических школ.

Тогда же, в 2015 г., Гарольд Зборовский написал мне, что предпринимает усилия к тому, чтобы я приехал на V Всероссийский социологический конгресс, который должен был пройти в Екатеринбурге в октябре 2016 года. Одновременно он просил подумать о представлении результатов моего историко-социологического проекта, включающего в себя проведение интервью с советскими/российскими социологами всех поколений. Трудно сказать, каким был бы процесс моей работы в 2015–2016 гг., но ожидание Конгресса и возможность обсудить сделанное с широким кругом профессионалов заметно меня мобилизовало. К тому времени моя последняя встреча с коллегами состоялась в 2008 г. в Москве, где проходил III Всероссийский социологический конгресс.

⁶⁸ Докторов Б. З. Гиганты американской рекламы / под ред. проф. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург, 2014. – С. 8. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=392>

⁶⁹ Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / под ред. Ю. Р. Вишневого, Б. З. Докторов, Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург, 2015. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=424>

Так, при поддержке моих друзей Ф. Э. Шереги и Е. И. Григорьевой, к Конгрессу вышло на диск третье издание моей книги «Современная российская социология: Историко-биографические поиски»⁷⁰. Это девять томов различных материалов по методологии исследования и опыте историко-биографического интервьюирования. В общей сложности в книге представлены 143 интервью, первое из которых было проведено на рубеже 2004–2005 гг. и последнее – было завершено в середине августа 2016 г., буквально накануне Конгресса. Все сложилось благополучно, диск был вложен в материалы Конгресса, которые вручались каждому участнику этого форума, а в один из рабочих дней прошла секция с моим рассказом о работе. Ею руководил, как и было предусмотрено, профессор Г. Е. Зборовский.

Но это не единственный след Конгресса в развитии моего проекта. Уже в первые часы форума, среди шума и суеты, когда многие участники встречаются после того, как не делились годами, Гарольд познакомил меня с доктором технических наук Григорием Файнбургом – сыном советского/российского социолога З. И. Файнбурга, много делающего для сохранения памяти об отце. Мы сразу договорились о проведении интервью, в котором Файнбург-сын расскажет об отце и матери – социологе-экономисте Галине Петровне Козловой. Вскоре произошла встреча с давней коллегой Светланой Гавриловной Климовой, она спросила, почему в моей коллекции материалов о социологах нет ничего о Вадиме Борисовиче Ольшанском. Мне не надо было объяснять, кто такой Ольшанский и что сделано им для становления нашей социологии. На мой вопрос: «Кто готов рассказать мне о нем?», она ответила: «Я и вдова Вадима».

Две эти встречи не прошли даром, на память пришло название моего давнего (2006 г.) эссе: «Вспоминайте сами, не ждите, пока вас будут вспоминать...»⁷¹, и стало горько и

⁷⁰ Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски : в 9 т. [Электронный ресурс] / ред.-конс. А. Н. Алексеев ; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – М., 2016. – URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm

⁷¹ Докторов Б. З. Вспоминайте сами, не ждите, пока вас будут вспоминать... // Социологические методы в современной исследовательской практике : материалы Всерос. научн. конф., посвященной памяти А. О. Крышта-

понятно, что ни Ольшанский, ни Файнбург уже никогда о себе не расскажут. Более того, как-то сразу пришло осознание очевидного: уже многие, кто оставил след в нашей истории, не расскажут. Тогда возникла мысль о формировании нового направления моих исторических разработок – «О тех, кто сам о себе уже не расскажет...». Первым делом была реализована программа намеченного в Екатеринбурге, проведены интервью о В. Б. Ольшанском, Г. П. Козловой и З. И. Файнбурге. Вслед за этим собраны воспоминания о Н. А. Аитове, А. А. Кисселе, В. Н. Шубкине и Г. П. Щедровицком. По предложению редколлегии «Социологического журнала» сделан небольшой материал о Льве Наумовиче Когане. О нем вспоминают его ученики и друзья: Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский и Б. С. Павлов. Статья выйдет к 95-летию со дня рождения Л. Н. Когана. Но это не единственный методолого-технологический ход для восстановления и сохранения памяти об ушедших коллегах.

Вспомнился разговор с Владимиром Александровичем Ядовым десятилетней давности: «Работа над биографиями – это общение с моими героями»⁷². Тогда я определил мою работу над биографиями как общение, причем замечу: в то время у меня были написаны лишь рассказы о жизни американских копирайтеров и аналитиков общественного мнения, творчество которых протекало в XIX – первой половине XX в. Другими словами, речь шла о сугубо мысленном общении. Но к 2016 г. у меня были написаны книги и объемные статьи о ряде советских/российских социологов: А. Н. Алексееве, Г. С. Батыгине, В. Б. Голофасте, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслов, Б. М. Фирсове, В. А. Ядове и других. Таким образом приходило осознание того, что в моей практике существует два типа интервью с коллегами: реальное (по электронной почте) и мысленное (при работе над их биографиями).

новского (ГУ ВШЭ, Москва, 14–15 апреля 2006 г.). – URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/kryshstanovsky.html>

⁷² Докторов Б. З. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В. А. Ядову) // Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски : в 9 т. [Электронный ресурс]. Т. 3 / ред.-конс. А. Н. Алексеев ; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – М., 2016. – URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_3_2_1.pdf

После обсуждения этого «открытия» с консультантом моей онлайн-интерактивной книги «Биографические интервью с коллегами-социологами» А. Н. Алексеевым несколько ранее написанных биографий, в некоторых случаях – с дополнениями, были внесены в эту книгу, а фотографии этих социологов дополнили галерею респондентов⁷³. Так коллекция «живых» интервью пополнилась мысленными беседами с Г. С. Батыгиным, В. Б. Голофастом, Б. А. Грушиным, Я. С. Капелюшем и Б. С. Рабботом.

Но было еще одно важное продолжение Екатеринбурга. После длительных размышлений я все же решил продолжить «регулярные» интервью с моими коллегами. Дело в том, что, достигнув в преддверии Конгресса «вершины» в 143 интервью, я решил закончить процесс интервьюирования и даже написал соответствующий текст под названием «143!? Или большой придорожный камень...», который А. Алексеев разместил в своей колонке под заголовком: «Ретроспектива и перспектива историко-биографического проекта Бориса Доктора»⁷⁴ [9]. Тогда я рассматривал 143 имеющихся интервью как сигнал к завершению процесса интервьюирования и как необходимость перехода к анализу собранной информации. Аргументация этого решения казалась мне достаточной, и я придерживался этого утверждения три месяца. Интервью № 143 было закончено в начале октября 2016 г., а № 144 – в середине января 2018 г. Но я решился на продолжение бесед с коллегами и потому, что видел интерес многих участников Конгресса к моим результатам. Думаю, это был шаг в верном направлении. Прошло менее полутора лет после Конгресса, а в моем архиве – 180 реальных и мысленных интервью с социологами семи поколений.

Таким образом, пунктирно раскрыты первые два обстоятельства моего обращения к Гарольду Зборовскому с предложением о проведении обстоятельного биографического ин-

⁷³ Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. [Электронный ресурс] / ред.-сост. А. Н. Алексеев ; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – 4-е доп. изд. – М., 2014–2017. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>

⁷⁴ Докторов Б. 143!? Или большой придорожный камень... // 11 октября 2016 г. – URL: a.n.alekseeva/retrospektiva-i-perspektiva-istoriko-biograficheskogo-proekta-borisa-doktorova

тервью. Их суть: три года сначала нашего заочного, а затем и реального знакомства оказались весьма плодотворными в научном плане и благоприятными в человеческом отношении. Редко случается, когда между двумя людьми, почти ровесниками, которым вместе – более 150 лет, так быстро и легко складываются доверие и дружеские чувства. Тем более если они живут «ну очень далеко» друг от друга...

Теперь о третьем обстоятельстве, выше оно было обозначено как опыт ведения продолжительных биографических интервью с российскими социологами, ставших основой отдельной книги. В этом утверждении – синтез методологии и технологии проводимых интервью. Фактически, это один из значимых итогов двенадцати лет изучения прошлого российской социологии.

Объем первого интервью, проведенного на рубеже 2004–2005 гг. с Б. М. Фирсовым, по согласованию с редактором журнала «Телескоп» М. Е. Илле был около двух печатных листов. Это и по нынешним временам немало, обычно журналы не столь щедры, тогда это был серьезный риск редактора. Но читатели приняли этот материал, журнал продолжил практику публикации интервью подобного размера, и сложился «типичный» объем проводимых биографических бесед. Однако случалось, что текст обсуждения с респондентом его жизни превышал сложившиеся границы: например, интервью с В. А. Ядовым занимало более трех листов; оно публиковалось в двух выпусках журнала. Следующий подобный случай произошел лишь в начале 2013 г. Материал беседы с красноярским социологом Л. И. Григорьевой превысил 150 тыс. знаков, т. е. был несколько менее четырех печатных листов; я переслал его Илле и спросил, как быть. Его ответ снял все проблемы: «...прочитал не отрываясь интервью с Григорьевой. Потрясающе интересно. Предлагаю опубликовать полностью, с продолжением в 5 и 6-м номерах...»

На рубеже 2013–2014 гг., когда количество проводимых бесед резко выросло и появилась онлайн-интерактивная книга «Биографические интервью с коллегами-социологами»⁷⁵, возникла потребность и открылась возможность сразу

⁷⁵ Зборовский Г. Е.: «Я ощущаю себя в первую очередь профессором» (Интервью Б. З. Докторову) // Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [Электронное издание] / ред.-конс. А. Н. Алексе-

размещать материалы на сайте, не дожидаясь, когда они будут опубликованы в том или ином журнале. Соответственно, отпало ограничение на объем текста интервью, технология и новая организация работы открыли путь к объемным интервью.

Тогда же оформились две предпосылки к появлению пространственных бесед. Во-первых, десятилетний опыт интервьюирования постепенно привел к изменению самой процедуры моего общения с собеседником. Принимая во внимание, а скорее – ощущая, что меня больше не сдерживают рамки всегда ограниченного журнального пространства, я стал так формулировать мои вопросы, что они «разрешали», подталкивали моих собеседников к более развернутым ответам. Более того, иногда после получения ответов я просил респондентов детализировать сказанное, писать «ширше». Но это – технология, важнее то, что постепенно начал меняться механизм моего общения с собеседниками. Оно никогда не было формальным, не строилось как формализованное интервью, в новых условиях, мне кажется, я чаще смог подробнее обсуждать с респондентами темы, которые – в моем понимании – были им особо дороги.

Вторая предпосылка: в 2013 г. я начал изучать биографии исследователей VI поколения советских/российских социологов, т. е. тех, кто родился в промежутке между 1971 и 1982 гг. Главная особенность этой профессионально-возрастной страты нашего сообщества заключается в том, что первичная социализация ее представителей проходила в СССР, а профессиональное становление – в новой, независимой России. Я эмигрировал в США в начале 1994 года, и мне эта когорта была особенно интересна, поскольку я хорошо знаю, понимаю макросреду, в которой проходили детство и юность социологов VI группы, но весьма поверхностно представлял их пути вхождения в социологию. Было ясно лишь одно: историей нашей страны и всем комплексом событий, связанных со становлением и развитием социологии в России – СССР – России, на них возложена особая функция. По сути, они стали, собственно, первыми социологами постперестроечной Рос-

ев; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – 4 доп. изд. – М., 2014–2017. – URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=69

сии. В этом просматривается особая близость данного поколения – первого, которое стояло у истоков современного этапа отечественной социологии. Дело шло к проведению объемных интервью с представителями этой когорты социологов. И не случайно, что первое интервью такого типа было проведено с московским социологом VI поколения Дмитрием Михайловичем Рогозиным.

К моменту начала нашей беседы с Дмитрием мы уже много лет регулярно переписывались и знали друг друга. Но причину, по которой наше интервью не состоялось раньше, раскрывает мое письмо ему от 8 февраля 2014 г.: «Дима, я, помню, спрашивал Вас, когда Вы родились... я тогда начинал интервью с социологами 5-го поколения (1959–1970). Вы не прошли, оказались помоложе... так вот, я приступаю к беседам с социологами шестого поколения: 1971–1982 гг. рождения... похоже, Вы вписываетесь в этот интервал... мои критерии для отбора были сформулированы десять лет назад (я начал интервью в конце 2004 г.) и прошли испытание практикой: наличие и умение пользоваться электронной почтой (тогда это было серьезным ограничением для старших) и признание в кругу специалистов (не степени, не звания, не должности). Кто определяет, есть ли признание? Во-первых, я сам; полагаю, имею право, так как знаю многих и слежу за их работой. Во-вторых, люди, с которыми я дружу, нахожусь в постоянной переписке, к примеру: А. Алексеев, Я. Гишинский, Л. Козлова, Л. Петренко, Б. Фирсов, Ф. Шереги, В. Ядов... все – супер-эксперты... если возникает сомнение, консультируюсь с ними... Вас и Ваши работы я знаю давно, последняя Ваша статья об образе смерти – еще одно свидетельство Ваших поисков и Вашей профессиональной зрелости... Давайте поговорим “за Вашу жизнь”... все элементарно: я Вам – вопрос, Вы мне – ответ... за 3–6 месяцев сделаем? Думаю, что “да”... что скажете? Всего, БД».

Ответ Рогозина не вызывал сомнений относительно его согласия, и в тот же день – по моему, калифорнийскому времени, я отправил ему первый вопрос: *«Дима, в краткой информации о Вас на сайте “Шанинки” отмечено, что Вы закончили Красноярский государственный университет. Вы и родом из Красноярска, и родители «тамошние», или жизнь их забросила туда? Мое и старшие поколения мало знали о*

своих предках, эту информацию часто вынуждены были скрывать в семьях. А Вы насколько знаете прошлое Вашей семьи?»

Через три дня, в течение которых Рогозин ответил на три вопроса, объем текста был около 30 тыс. знаков, это еще не обещало ничего сверхъестественного, хотя на первые вопросы о родительской семье и о малой Родине респонденты отвечают сухо, 7–8 тыс. знаков. Работа наша шла споро, к 21 марта текст вырос до 134 тыс., но вдоль траектории жизни Димы мы продвинулись совсем немного: я узнал лишь то, что он окончил с отличием экономический факультет Красноярского государственного университета и пребывал в состоянии неопределенности относительно ближайшего будущего, не говоря о перспективе.

Здесь уже мне стало ясно, что рождается некий новый вид интервью, назовем его условно, «интервью-книга». Забегая вперед, скажу, что на момент завершения основной части нашей беседы на дворе уже был конец 2014 г., объем текста составил свыше 500 тыс. знаков, т. е. это – книга объемом свыше 12 печ. листов. Вскоре после окончания интервью Дмитрий писал: «Начиналось всё неспешно, и ничто не предвещало столь грандиозной авантюры – на год растянутого автобиографического повествования. Перерывы в ответах порой превышали месяц, но где бы я ни находился, вновь и вновь возвращался к обдумыванию поставленных вопросов, поиску наиболее релевантных выражений, позволяющему точнее высказаться, не только упаковать в слова часть жизни, представлений и мнений из прошлого, но и указать на возможные их трансформации»⁷⁶.

Конечно, иногда меня посещала мысль о том, не «зарвались» ли мы в нашей беседе, но мы не педалировали этот вопрос. По-моему, Рогозин в какой-то момент, когда уже было ясно, что мы преодолели все традиции, нормы биографического интервью, заметил, что будет искать в Москве возможность его публикации в виде отдельной книги. И дейст-

⁷⁶ Рогозин Д. М. Автобиографические размышления: «Я выбирал не профессию, а просто жизнь» // Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [Электронное издание] / ред.-конс. А. Н. Алексеев; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – 4 доп. изд. – М., 2014–2017. – URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=135

вительно, в 2016 г. Фонд «Общественное мнение» опубликовал книгу: Д. Рогозин «Автобиография в переписке с Борисом Докторовым» – солидное, крупного размера, издание.

Хотя беседа с социологом V поколения Владимиром Яковлевичем Гельманом состоялась уже после интервью с Рогозиным, наш совместный препринт «Борис Докторов – Владимир Гельман. Биографическая беседа» был опубликован Европейским Университетом в СПб. в 2015 г., до выхода книги Рогозина. Тогда же увидела свет книга академика Михаила Константиновича Горшкова «...Пути в социологию исповедимы», ее основа – наше одноименное интервью с ним. Все эти работы были сделаны до начала интервью с Гарольдом Зборовским, но и в ходе беседы с ним состоялось продолжительное интервью с Равилем Талибовичем Насибуллиным, социологом III поколения. Оно стало базой нашей совместной книги «Социология в биографическом измерении», вышедшей в Уфе в конце прошлого года.

Таким образом, действительно, «интервью-книга» как жанр историко-социологической литературы стала заметной составляющей проводимого проекта, а само интервью этого типа – еще одним инструментом анализа динамики становления и развития нашей науки. Прежде чем обозначить возможности этого инструмента познания и условия пользования им, замечу, что данный жанр, по-видимому, не мог родиться в начале 2000-х при интервью с представителями старшего поколения. Во-первых, я не обладал достаточным опытом ведения интервью по электронной почте, к тому же отношение к этому способу сбора биографической информации было весьма настороженным, оно выглядело экзотикой. Во-вторых, и это еще более важно, сами интервьюируемые не были готовы к такому глубокому рассказу о себе, не было такой традиции, да и прошлое, о котором я их расспрашивал, не было «настоящим» прошлым. Всё и все были рядом. Рождение обстоятельных биографических интервью должно было состояться позже, при общении с представителями новых поколений, входивших в социологию в новое время.

Главное условие проведения продолжительного интервью – взаимное доверие его участников. Конечно, определенную роль играет продолжительность знакомства, но, очевидно, степень доверия – не прямая функция продолжитель-

ности контактов между собеседниками. Не играет значимой роли и соотношение возрастов (или принадлежность к одному профессиональному поколению). Так, Зборовский, Насибуллин и я принадлежим к одному – III поколению, на момент начала интервью мы были знакомы с Гарольдом Зборовским всего четыре года, и обе наши встречи были непродолжительными. С Равилем Насибуллиным мы лично не знакомы и, по сути, узнавали друг друга в процессе общения. С Михаилом Горшковым мы знакомы несколько десятилетий, оба тогда еще были кандидатами наук. Владимира Гельмана знаю с первых перестроечных лет, когда он лишь входил в социологию.

Мое отношение к Дмитрию Рогозину – «двухслойное». Во-первых, мы знакомы давно, в архиве моей переписки есть мое письмо ему от 27 августа 2004 г., это – ответ на его вопрос относительно моих методических исследований 1970–1980-х гг. И я вижу, как много им сделано за прошедшие годы и каким высоким качеством отличаются его разработки и публикации. Во-вторых, я не могу не видеть в Дмитрие ученика моего покойного коллеги и друга Геннадия Семеновича Батыгина. Я замечая это во многих аспектах деятельности Рогозина, и в частности в его работах с текстами и в стиле его письма.

Теперь о «рабочих характеристиках» объемного интервью как метода историко-социологического поиска.

Прежде всего скажу, что, по моему мнению, временные, энергетические, этические и пр. «затраты» участников этого продолжительного таинства окупаются. Общение доверяющих друг другу людей, понимающих цель беседы, не может быть пустым, как правило, оно плодотворно. Интервьюируемый – сегодня это большая редкость – приобретает собеседника, готового слушать его долгий и подробный рассказ о прошлом, но еще дороже – человек получает возможность окунуться в былое, неспешно прокрутить пробежавшие годы. И «сухой остаток» – человек имеет Протокол прожитого. Опыт, практика показывают, что этот «отчет себе» или «перед собой» ценен рассказчику уже непосредственно после завершения интервью, и ценность его возрастает во времени.

Многие участники регулярных по продолжительности интервью писали мне после окончания работы, что скучают по совместной работе, что по инерции рассматривают события жизни и находят то, о чем надо было рассказать. Люди

понимают, что приступить к воспоминаниям и ответам на вопросы интервью – трудно, но не легче и выйти из ставшего привычным желания, стремления делиться прожитым. Выше приводились слова Дмитрия Рогозина о том, что в течение длительных перерывов в нашей работе он вновь и вновь возвращался к обдумыванию поставленных вопросов, поиску наиболее релевантных выражений в рассказе о своем прошлом, примерно в таком же состоянии пребывают люди и после завершения интервью. Некоторые довольно долго испытывают ощущение оборванной мелодии. Замечу, что это чувство знакомо и мне...

Все сказанное выше обосновывает мое предложение Гарольду Зборовскому поучаствовать в обширном предъюбилейном биографическом интервью. Замечу, повод – более чем серьезный, 80 лет, в любом случае, – это время для обзора прожитого-сделанного. Конечно, я лишь сейчас просуммировал сделанное вместе с Гарольдом на момент начала интервью, тогда было лишь ощущение предстоящей интересной работы и комфортного общения. И это крайне важно. Наконец, беседа со Зборовским, проведенная в 2013 г., знакомство с некоторыми из его книг, наблюдение его высокой включенности в подготовку V Всероссийского социологического конгресса в Екатеринбурге давали мне основание рассчитывать на получение новой, собственно историко-социологической, информации. Все мои предчувствия оправдались.

На момент начала нашей беседы слово «роман» – ключевое в заголовке настоящего текста – означало характер полустолетних отношений социолога Гарольда Зборовского с социологией. Понятно, что это были в целом добрые, желанные, по-своему интимные отношения человека не просто со своей профессией, но с любимым делом, захватывающем его (почти) целиком, а иногда – и более того. Это отношение, в котором проявляется личность человека и которое во многом формирует эту личность. В моем понимании подобный роман здесь присутствует. Для Зборовского социология – не только профессия, дело, которым он занимается более полувека, но это и область его постоянных размышлений, пространство главных линий его общения, сфера энергетических затрат и накоплений. Временами было трудно, да и сейчас – нелегко,

но социология продолжает интересовать Гарольда, манит его, а он верно служит ей.

Теперь же, после завершения беседы и появления автобиографического текста, слово «роман» приобрело и другое значение. Это – литературный жанр, в котором жизнь главного героя представлена в развернутом виде на широком социально-историческом фоне. А это значит, что можно пролистать страницы романа и остановиться на тех или иных его сюжетах. Замечу, что в данном случае слово «пролистать» – лишь образ, в действительности я сейчас не читаю роман, а перечитываю его. Ведь на моих глазах роман как текст рождался.

Пожалуй, для меня главным итогом годовой беседы со Зборовским стало изменение моих представлений о нашем социологическом поколении. До первой беседы со Зборовским мне казалось, что социологи III когорты – родившиеся в интервале 1935–1946 гг. – активно включились в преподавание, подготовку социологических кадров лишь в перестроечные годы. Хотя я сам вел семинары по социологии уже в начале 1970-х и некоторые из моих респондентов, представляющих III поколение, читали различные курсы в разных институтах, но все же своим основным делом они считали участие в теоретико-эмпирических исследованиях и разработке методологии социологического познания. В моем понимании, наше поколение формировалось социологами первого призыва как их помощники в овладении достижениями западной социологии и математическими приемами обработки информации. Ни в одной из когорт советских/российских социологов не было такого количества «математиков», как в третьей. В команде Здравомыслова–Ядова начинали работу следующие молодые ученые с математическим или физическим образованием: Борис Докторов, Людмила Докторова и Галина Саганенко, в коллективе О. И. Шкаратана – Владимир Рукавишников, Сергей Розет и Юрий Щеголев. В Москве, в отделе Г. В. Осипова, делали первые шаги в социологию математики и физики: Владимир Андреев, Самуил Клигер, Михаил Косолапов, Михаил Мацковский, Елена Петренко, Галина Татарова, Юлиана Толстова, Франц Шереги; прошу прощения у тех, чьих фамилий я не назвал. В Новосибирске под крылом Т. И. Заславской, В. Э. Шляпен-

тоха и В. Н. Шубкина тоже работала сильная группа математиков. Еще одна группа новобранцев-социологов включала в себя тех, кто знал языки и был готов осваивать новые достижения западной социологии или профессионально заниматься переводами. Так в социологию пришли Эдуард Беляев, Валерий Голофаст и Елена Башкирова в Ленинграде, во вступлении на стезю социологии Гарольда Зборовского имело серьезное значение знание им английского и французского языков, по которым он сдавал кандидатский минимум в начале 1960-х гг.

Безусловно, шли в социологию и молодые специалисты с иным базовым образованием, но – как показывают годы и что следует из интервью с этими людьми – в любом случае подавляющее большинство ориентировалось на собственно научную деятельность. Но здесь важно отметить и то обстоятельство, что в доперестроечные времена сотрудникам академических институтов, как правило, давали разрешение на совместительство в вузе лишь при наличии степени доктора наук.

И вдруг Гарольд Зборовский вынес в заголовок нашего первого интервью модификацию своего утверждения: «Я ощущаю себя в первую очередь не ученым (упаси господь крупным), а профессором»⁷⁷. Конечно, я помнил это утверждение, и уже в новой беседе при первой же возможности попросил его проинтерпретировать сказанное. Каждый может вернуться к тексту интервью, найти раздел «Социология образования» и прочесть, что основную форму своей профессиональной деятельности он видел в создании «научно-образовательного знания». Соответственно, с учетом такого понимания – хотя, скорее всего, оно не сразу сложилось – соотношения научного знания и образования, а далее – роли профессора, Зборовский более четверти века посвятил написанию учебников и учебных пособий по социологии. При этом он охватил огромное в предметном отношении пространство: общую и теоретическую социологию, историю социологии, методологию и методику социологического исследования, социологию образования, культуры, досуга, знания,

⁷⁷ Зборовский Г. Е. «Я ощущаю себя в первую очередь профессором» (Интервью Б.З. Докторову) // Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. – М., 2014–2017. – С. 29.

социологию управления. Замечу, что хотя учебники Зборовского созданы, прежде всего, для «своих» студентов, его книгами пользуются многие преподаватели и студенты многих российских университетов. Они стали своего рода научно-образовательной классикой.

Далее, ощущение себя профессором давала и продолжает давать Зборовскому его многолетняя работа с аспирантами и докторантами (либо с соискателями, пишущими кандидатские и докторские диссертации). Причем такая практика сложилась давно, Гарольд просто не помнит такого времени, когда бы у него не было соискателей, аспирантов, а в последние лет 20–25 – и докторантов. По его собственной статистике, под его руководством были защищены 48 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Я не собирал и не анализировал данные о подготовке российскими социологами специалистов с кандидатскими и докторскими степенями, но, по моим прикидкам, показатели Зборовского – среди социологов III поколения – в диапазоне высших достижений.

Среди тех, с кем я провел интервью, Зборовский был первым представителем III поколения, который преподавание назвал доминантой своей профессиональной деятельности. Однако, кроме него, с преподаванием в большей или меньшей степени связаны и другие члены этой когорты: В. И. Бакштановский, Ю. Р. Вишневский, А. С. Готлиб, Р. Т. Насибуллин, И. В. Травин, А. В. Тихонов, Л. Н. Федотова, Ф. Э. Шереги, В. Н. Ярская-Смирнова. Так что можно утверждать, что и эта профессионально-возрастная группа уже многие годы участвует в подготовке социологических кадров.

В настоящем интервью со Зборовским «образование» обсуждено как форма его деятельности и как один из предметов его многолетних исследований. По обеим линиям сделано много, но не могу – пусть кратко – не сказать и о двух других его многодесятилетних исследовательских пристрастиях: социологии времени и истории социологии. Отмечу, что понимаю его интерес к темам и отчасти завидую ему. Так случилось, что мое вхождение в социологию в 1968 г. было связано с изучением бюджетов времени, но задолго до того и позже меня не отпускали философия, физика и культурология времени. Что касается истории социологии, то это – основное направление моих поисков в наступившем веке.

Гарольд начал заниматься проблематикой времени осенью 1963 г., и до сих пор она располагается в центре поля его научных интересов. Им самим и с соавторами опубликовано несколько книг по социологии времени, которые давно известны специалистам. Он показал, что изучение времени как социальной характеристики деятельности общества помогает понять многие особенности поведения разных социальных общностей. В последние годы со своей ученицей, ныне доктором социологических наук Полиной Амбаровой, они анализируют проблемы нелинейности и множественности социального времени. Мне представляется такой подход современным, крайне интересным и перспективным. В теоретическом плане в нем просматривается синтез философской, естественно-научной и социолого-культурологической трактовки времени. В прикладном – акцент на изучении социальных процессов.

Что касается историко-социологических изысканий Зборовского, то они более чем естественны в его «научном портфеле», и удивительным было бы их отсутствие. Отчасти они предопределены его историческим образованием, но здесь связка не очень прямая. Среди социологов первых трех-четырёх поколений немало историков, но история социологии – вне их актуальных научных интересов. Сам Зборовский увязывает начало изучения истории социологии с анализом социального времени, вот это уже существенное единение. Но есть и другая генетическая предопределенность в направлениях исследований Зборовского – социология образования и история социологии: в обоих случаях открывается пространство для проявления познавательного потенциала концепции «научно-образовательного знания». Ведь свои курсы истории социологии Гарольд строит как элемент подготовки социологов.

Говоря о составляющих романа Гарольда Зборовского с социологией, я отметил и специфику структуры его коммуникационного пространства. Ведь это – несколько групп социологов, с которым жизнь его надолго связала: социологи-«учителя», социологи-«коллеги» и социологи-«ученики». Это – прекрасное, гармоничное сочетание, мечта каждого исследователя и профессора. Уходят наставники, и разряжается

пространство давних коллег. Но не наступает одиночество. Более того, окружение молодеет.

Задумайтесь о рассказе Гарольда Ефимовича Зборовского, сделанном в преддверии его славного юбилея. Это роман о своей жизни в социологии и о месте социологии в его жизни. Как назвать такой баланс внешнего и внутреннего? Помоему – счастьем профессионала и радостью человека.

И становится все ясно относительно этого более чем полувекового романа с социологией. Это – счастливый роман.

Г. Е. Зборовский

Г. Е. Зборовский является автором более 600 научных трудов. В представленный ниже список вошли наиболее значимые монографии, учебники, учебные пособия, брошюры, статьи (включая зарубежные), тезисы докладов и выступлений, рецензии.

Монографии, брошюры

1. Досуг: действительность и иллюзии. – Свердловск, 1970 (в соавторстве).
2. Проблемы социологической теории свободного времени. – М., 1970.
3. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974.
4. Опыт исследования образа жизни учительства. – Свердловск, 1978 (в соавторстве).
5. Комплексный план коммунистического воспитания учащихся профессионально-технического образования Свердловской области (1983–1985). – Свердловск, 1983.
6. Инженер-педагог: образ жизни и профессиональная деятельность. – Свердловск, 1983 (в соавторстве).
7. Повышение эффективности использования трудовых ресурсов в сельскохозяйственном производстве Челябинской области. Вып. II // Информационный бюллетень. – Челябинск, 1985 (в соавторстве).
8. Образ жизни классов и социальных групп советского общества: сходство и различия. – М., 1987.
9. Социальная политика КПСС и совершенствование социалистического образа жизни. – Свердловск, 1987.
10. Профессиональная и внепроизводственная деятельность инженера-педагога. – Свердловск, 1987.
11. Молодой рабочий УралАЗа: социальные проблемы формирования и становления (Опыт конкретно-социологического исследования). – Челябинск, 1989 (в соавторстве).
12. Как стать незаменимым. – Свердловск, 1989.
13. Культура досуга. – Киев, 1990 (в соавторстве).

14. Готовность инженерно-педагогических кадров к работе в новых социально-экономических условиях (отв. ред.). – Екатеринбург, 1992 (в соавторстве).

15. Российский инженерно-педагогический работник перед лицом новых проблем (отв. ред.). – Екатеринбург, 1992 (в соавторстве).

16. Подросток и клуб (рук. авт. колл.). – Екатеринбург, 1995.

17. Профессиональное образование и социальная ответственность на рабочих местах в России и Германии (на рус. и нем. языках). – Екатеринбург, 1996 (в соавторстве).

18. Проблемы взаимоотношений преподавателей и студентов УрГППУ. – Екатеринбург, 1996 (в соавторстве).

19. Система образования г. Краснотурьинска: социокультурное пространство. – Екатеринбург, 1996 (в соавторстве).

20. Молодежь района: социальные проблемы и пути их решения. – Екатеринбург, 1996 (в соавторстве).

21. Потребности в образовании и самообразовании как социально-педагогическая проблема учебного заведения – Екатеринбург, 1998 (в соавторстве).

22. Образование: от XX к XXI веку. – Екатеринбург, 2000.

23. Социологическое образование в России. – М., 2003 (в соавторстве).

24. Телевизионное образование: опыт социологического исследования. – Екатеринбург, 2008 (в соавторстве).

25. Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. – Екатеринбург, 2008 (в соавторстве).

26. Теория социальной общности. – Екатеринбург, 2009.

27. Социология педагогического образования. – Екатеринбург ; Сургут, 2011 (в соавторстве).

28. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. – Сургут ; Ханты-Мансийск, 2012 (в соавторстве).

29. Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования. – Сургут, 2012 (в соавторстве).

30. Методология и методика конкретно-социологического исследования проблем обучения и социальной адаптации детей мигрантов в ХМАО–Югре. – Сургут, 2012 (в соавторстве).

31. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург, 2013.

32. Учительство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность. – Тюмень, 2013 (в соавторстве).

33. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. – Екатеринбург, 2014 (в соавторстве).

34. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу. – Екатеринбург, 2014.

35. Взаимосвязь образования и знания // Зарубежная социология образования : колл. монография. – Великий Новгород, 2014.

36. Дети в системе дополнительного образования северного города: методология и методика социологического исследования. – Тюмень, 2014 (в соавторстве).

37. Уральские социологические чтения: историко-социологическое исследование. – Екатеринбург, 2015 (в соавторстве).

38. Дети мигрантов в школе (в соавторстве) // Глобальная социология образования: зарубежный опыт решения социальных проблема в сфере образования : колл. монография. – Великий Новгород ; М., 2015.

39. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности : колл. монография. – Екатеринбург, 2016 (в соавторстве).

40. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе : колл. монография. – Екатеринбург, 2017 (в соавторстве).

41. Время социальной общности. – Екатеринбург, 2017 (в соавторстве).

42. Может ли университетский менеджер управлять изменениями в современном вузе (в соавторстве) // Управление изменениями в высшей школе : колл. монография / под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, С. Д. Резника. – М., 2018. – 384 с. (Научная мысль).

Учебники, учебные пособия

43. Социология для студента (отв. ред.). – Свердловск, 1991 (в соавторстве).

44. Введение в социологию. – Екатеринбург, 1992 (в соавторстве).

45. Социология профтехобразования. – Челябинск, 1992.

46. Теоретическая социология : программа учебного курса. – Екатеринбург, 1992 (в соавторстве).

47. Основы социологии (рук. авт. кол.). – Екатеринбург, 1993 (в соавторстве).

48. Основы социологических знаний (рук. авт. колл.). – Екатеринбург, 1993 (в соавторстве).

49. Социология образования. Ч. 1 : Социология допрофессионального образования. – Екатеринбург, 1993.

50. Социология образования. Ч. 2 : Социология профессионального образования. – Екатеринбург, 1994.

51. Социология. – М., 1995 (в соавторстве).

52. Общая социология : курс лекций. – Екатеринбург, 1997.

53. Общая социология. – Екатеринбург, 1999.

54. История социологии: классический этап. – Екатеринбург, 2001.

55. Прикладная социология. – Екатеринбург, 2002 (в соавторстве).

56. История социологии: классический и современный этапы. – Екатеринбург, 2003.

57. Социология управления. – Екатеринбург, 2003 (в соавторстве).

58. Методические материалы по курсу «Права человека». – Екатеринбург, 2003 (в соавторстве).

59. Общая социология. – 3-е изд. – Екатеринбург, 2003.

60. Использование групповых дискуссий в учебном курсе «Права человека» : учеб.-метод. пособие. – М., 2003 (в соавторстве).

61. История социологии. – М., 2004.

62. Общая социология. – М., 2004.

63. Социология управления. – М., 2004 (в соавторстве).

64. Прикладная социология. – М., 2004 (в соавторстве).

65. Методические материалы по курсу «Права человека». – М., 2004 (в соавторстве).

66. Изучение прав человека в школе : варианты учебных планов и рабочих программ. – М., 2005 (в соавторстве).
67. Социология образования. – М., 2005 (в соавторстве).
68. Социология досуга и культуры. – М., 2006.
69. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург, 2007.
70. История социологии: классический этап. – Сургут ; Екатеринбург, 2014.
71. История социологии: современный этап. – Сургут ; Екатеринбург, 2015.
72. Эмпирическая социология. – Сургут ; Екатеринбург, 2016 (в соавторстве).

Статьи, тезисы докладов и выступлений, рецензии

73. Трактовка свободного времени в буржуазной «социологии досуга» // Философские науки. – 1964. – № 6 (в соавторстве).
74. Бастионы бездумья и баррикады борьбы // Молодой коммунист. – 1966. – № 3.
75. Правильное использование свободного времени школьников – одно из средств воспитания // Советская педагогика. – 1966. – № 6 (в соавторстве).
76. Буржуазная социология и свободное время трудящихся // Культурно-просветительная работа. – 1966. – № 8.
77. Буржуазная социология о свободном времени молодежи капиталистических стран // Молодежь: труд, учеба, досуг. – Свердловск, 1967. – Вып. I.
78. Антинародная сущность «массовой культуры» // Культурно-просветительная работа. – 1967. – № 6.
79. Человек и его свободное время в кривом зеркале буржуазной социологии // Духовное развитие личности. – Свердловск, 1967.
80. Проблемы «массовых коммуникаций» в буржуазной социологии // Философские науки. – 1968. – № 3 (в соавторстве).
81. Методологические проблемы на исследоването на свободното време в марксистката и буржоазната социология // Философска мисъл. – 1968. – № 8.

82. Проблемы активности в современной буржуазной социологии // Молодежь – общественная активность. – Свердловск, 1968.
83. Probleme der Massenkommunikation in der burgerlichen soziologie // Gesellschaftswissenschaftliche Beitrage. – Berlin, 1968. – № 11.
84. Проблема свободного времени и стандартизации личности в буржуазной социологии // Молодежь, ее интересы, стремления, идеалы. – М., 1969.
85. Психологизм буржуазной социологии и проблема свободного времени молодежи капиталистических стран // Молодежь: труд, учеба, досуг. – Свердловск, 1969. – Вып. II.
86. Научная работа студентов по философии // Основные направления работы кафедр философии. – М., 1969.
87. Проблемы свободного времени в домарксовом обществоведении // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 12. – Свердловск, 1970.
88. Критический анализ буржуазной концепции «цивилизации досуга» // Актуальные проблемы свободного времени (ред.). – Свердловск, 1970.
89. Problems of Sociological Theory of Leisure Time // Sociological Abstracts. – N.Y., 1970. – Vol. XVIII.
90. Проблемы свободного времени трудящихся в зарубежной социологии // Философские науки. – 1970. – № 5.
91. Свободное время как объект социально-исторического анализа // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 16. – Свердловск, 1972.
92. Свободное время: структура и использование // Политическое самообразование. – 1973. – № 7.
93. Методологические вопросы изучения социалистического образа жизни // Проблемы изучения социалистического образа жизни : сб. науч. тр. СГПИ (отв. ред.). – Свердловск, 1976.
94. Соотношение рабочего и вне рабочего времени // Резервы рабочего времени и пути их эффективного использования : сб. науч. тр. СГПИ. – Свердловск, 1976.
95. Социалистический образ жизни и вопросы образования // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ (отв. ред.). – Свердловск, 1977.
96. Социалистический образ жизни как категория научного коммунизма // Проблемы изучения социалистического

образа жизни : сб. науч. тр. СГПИ (отв. ред.). – Свердловск, 1978.

97. Учитель: проблемы исследования образа жизни // Советская педагогика. – 1978. – № 12 (в соавторстве).

98. Образ жизни при социализме: некоторые методологические проблемы // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ (отв. ред.). – Свердловск, 1979.

99. Идеино-политическое воспитание будущего учителя в системе профессиональной подготовки // Советская педагогика. – 1980. – № 2 (в соавторстве).

100. Останется ли молодой учитель в школе // Молодой коммунист. – 1980. – № 11.

101. Образовательная деятельность как элемент социалистического образа жизни (на примере учительства) // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ (отв. ред.). – Свердловск, 1980 (в соавторстве).

102. Методологические проблемы анализа социалистического образа жизни, его структуры и места в ней деятельности в свободное время // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ (отв. ред.). – Свердловск, 1981.

103. Процесс становления инженера-педагога // Профессионально-техническое образование. – 1983. – № 1 (в соавторстве).

104. Инженер-педагог: проблемы и принципы подготовки // Советская педагогика. – 1983. – № 4 (в соавторстве).

105. Социалистический образ жизни и деятельность в свободное время (проблемы методологии) // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ. – Свердловск, 1983.

106. Ориентация инженерно-педагогических работников на профессиональную деятельность // Социально-политические проблемы молодого пополнения рабочего класса. – Челябинск, 1983 (в соавторстве).

107. Образ жизни инженера-педагога: черты социально-профессионального портрета // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. – Свердловск, 1983 (в соавторстве).

108. От слов о труде – к реальному труду // Молодой коммунист. – 1984. – № 3.

109. О подготовке инженерно-педагогических кадров // Социс. – 1984. – № 3 (в соавторстве).

110. Структура образа жизни инженерно-педагогических работников // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ. – Свердловск, 1984.

111. Соотношение производственной и внепроизводственной деятельности в образе жизни инженера-педагога // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ. – Свердловск, 1985 (в соавторстве).

112. Свободное время: его рациональное использование // Политическое самообразование. – 1985. – № 12.

113. Время – это мы // Профессионально-техническое образование. – 1985. – № 11.

114. Срез по вертикали // Профессионально-техническое образование. – 1985. – № 4 (в соавторстве).

115. Свободен ... От чего? // Профессионально-техническое образование. – 1986. – № 3.

116. Бюджет рабочего времени инженера-педагога // Советская педагогика. – 1986. – № 12.

117. Образ жизни и бюджет времени инженера-педагога // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ. – Свердловск, 1986.

118. Человек – обществу, общество – человеку. Штрихи к социальному портрету рабочего человека // Урал, революцией призванный. – Свердловск, 1987.

119. Как стать незаменимым? // Советская культура. – 1988. – 19 июля.

120. Молодой рабочий: становление, развитие, внутригрупповая дифференциация // Формирование молодого рабочего. – Свердловск, 1988.

121. Инженер-педагог глазами социолога // Социально-психологические особенности личности инженера-педагога. – Свердловск, 1988.

122. Еще раз к вопросу о вопросах теории // Урал. – 1988. – № 12.

123. Образ жизни и свободное время учащихся профтехучилищ // Социалистический образ жизни и проблемы образования : сб. науч. тр. СГПИ. – Свердловск, 1989.

124. Социализм и фактор времени // Научный коммунизм. – 1989. – № 3.
125. Cum se poate deveni om de neinlocuit? // Omul: mijloc sauscop? – М., 1989 (на румынском языке).
126. Легко ли изучать молодых? // Молодой коммунист. – 1989. – № 9.
127. К спору о школе, и не только о ней // Урал. – 1989. – № 9.
128. Методологические проблемы исследования молодого рабочего и его образа жизни // Социальные проблемы формирования молодежи (отв. ред.). – Свердловск, 1989.
129. Выпускники ПТУ на производстве: адаптация, удовлетворенность трудом, профессиональное и квалификационное продвижение // Социальные проблемы формирования молодежи (отв. ред.). – Свердловск, 1989 (в соавторстве).
130. Не того мы ждали // Учительская газета. – 1989. – 5 дек.
131. Прогноз на сегодня // Профтехобразование. – 1990. – № 8.
132. Молодежь в условиях обновления советского общества // Молодежь и проблемы обновления социалистического общества (отв. ред.). – Свердловск, 1990.
133. Сближение рабочего класса и ИТР в основных сферах социалистического образа жизни // Динамика образа жизни трудящихся: проблемы социального управления. – Свердловск, 1990.
134. Учебники по социологии – у них и у нас // Социс. – 1991. – № 2.
135. Предисловие к реферативному переводу учебника Э. Гидденса «Социология. 1990-е» (ред.). – Челябинск, 1991.
136. Социальная политика и ее культура // Политика и культура. – Екатеринбург, 1991.
137. Стратификация и классовая структура. Перевод с англ. главы из учебника Э. Гидденса «Социология 1990-х» // Социс. – 1992. – № 9, 11.
138. Гражданское становление личности учащегося в школе и ПТУ // Образование: время перемен. – Екатеринбург; Н. Тагил, 1992 (в соавторстве).
139. Социология в вузе: первые шаги // Социс. – 1993. – № 1.
140. Социология профессионального образования: достижения и проблемы // Профессионально-педагогическое образование. Ч. 1. – Екатеринбург, 1994.

141. Systems of Vocational Education in Different Countries: Some Reports of Correlation // Sociological Abstracts. – N.Y., 1994.
142. Sociological Aspects of Russian Educational Reform // XIII Weltkongress der A.I.E.J. – Potsdam, 1994.
143. Социологическая теория и отраслевое знание // Проблемы теоретической социологии: сб. науч. тр. – СПб., 1994.
144. Профессиональное образование и моральная социализация молодых работников: сравнительное российско-немецкое исследование // Вестник УНМО вузов России по профессионально-педагогическому образованию. Вып. 4. – Екатеринбург, 1996 (в соавторстве).
145. Berufliche Bildung und soziale verantwortung am Arbeitsplatz in Russland und Deutschland // Zeitschrift für Berufs- und Wirtschaftspädagogie. – 1996. – № 6 (в соавторстве).
146. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социс. – 1997. – № 2.
147. Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века. Предисловие, науч. ред. – Екатеринбург, 1997.
148. Самообразование как социологическая проблема // Социс. – 1997. – № 10 (в соавторстве).
149. Modern Stage in the Development of Vocational Pedagogic Educations State System in Russia // Selected Theses of the First International Seminar on Higher Vocational Technical Teachers Education. – Tianjin (China), 1997 (в соавторстве).
150. Повышение уровня профессионального образования за рубежом: ситуация накануне XXI в. // Вестник УМО по профессионально-педагогическому образованию. – Екатеринбург, 1997 (в соавторстве).
151. Социологические исследования в профессиональном образовании // Профессиональное образование. – 1998. – № 2.
152. Профессиональные самооценки вузовской подготовки выпускниками УГППУ // Повышение качества подготовки специалистов в профессионально-педагогическом университете. – Екатеринбург, 1998 (в соавторстве).
153. Self-Education as a Sociological Problem // Russian Education and Society. 1998, October (в соавторстве).

154. Актуальные проблемы развития теоретической социологии // Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений. Ч. 1. – Екатеринбург, 1999.

155. Профессиональное образование и его перспективы в зеркале социологического видения // Образование и наука. Известия Уральского научно-образовательного центра РАО. – Екатеринбург, 1999. – № 1.

156. Самообразование как фактор развития профессионально-педагогического образования: социологический аспект // Образование и наука. – 1999. – № 1 (в соавторстве).

157. Еще раз о реальных проблемах современной социологии // Социс. – 1999. – № 6.

158. От Дюркгейма до Мангейма // Образование и наука. – 1999. – № 2.

159. Парадигмы образования: социологический подход // Образование в Уральском регионе в XXI веке: научные основы развития. – Екатеринбург, 2000.

160. Социология образования во второй половине XX века // Образование и наука. – 2000. – № 1.

161. Образование: научные подходы к исследованию // Социс. – 2000. – № 6.

162. Развитие образования в зеркале парадигмального анализа // Образование и наука. – 2000. – № 2.

163. Инновации в профессиональном образовании: проблемы исследования // Образование и наука. – 2000. – № 3 (в соавторстве).

164. Существует ли региональная социология? // Социс. – 2001. – № 1.

165. Реформирование российского образования глазами социологов // Образование и наука. – 2001. – № 2 (в соавторстве).

166. Потребность молодежи региона в профессиональном образовании // Образование и наука. – 2001. – № 2 (в соавторстве).

167. Образование в меняющемся мире. «Круглый стол» // Образование и наука. – 2001. – № 2.

168. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социс. – 2001. – № 8 (в соавторстве).

169. Задачи социологии образования с точки зрения современных научных подходов // Социология в российской

провинции: тенденции, перспективы развития. Ч. 1. – Екатеринбург, 2002.

170. Учебник нового поколения // Вестник Московского университета. Сер. 18 : Социология и политология. – 2002. – № 2.

171. Профессиональное образование и рынок труда в регионе: проблемы управления // Управление социальными процессами в регионах. Ч. 2 : Социология регионального управления. – Екатеринбург, 2002 (в соавторстве).

172. Негосударственное образование в оценках студентов // Высшее образование в России. – 2002. – № 6.

173. К взаимодействию религиозного и светского образования в современных условиях // Социс. – 2002. – № 12 (в соавторстве).

174. Рецензия на книгу Ж. Т. Тощенко «Парадоксальный человек» // Человек. – 2002. – № 4.

175. Социология в провинции и социологический провинциализм // Социология в российской провинции: тенденции и перспективы развития. Ч. 1. – Екатеринбург, 2003.

176. Самообразование как условие свободы личности в постиндустриальном обществе // Коллизии свободы в постиндустриальном обществе. – Екатеринбург, 2003 (в соавторстве).

177. Социология в структуре современного образования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 1.

178. Профессиональное образование и рынок труда // Социс. – 2003. – № 4 (в соавторстве).

179. Интервью с профессором Г. Е. Зборовским // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4.

180. О периодизации истории социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4.

181. П. Сорокин и проблемы социологического образования в XIX–XX вв. // Актуальные проблемы социологической науки и практики. – М., 2003. – Т. 1.

182. Социологический провинциализм как научный феномен // Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX–XXI веков. – Барнаул ; М., 2003.

183. Образование: научные подходы к исследованию // Социология образования перед новыми проблемами. – М. ; Омск, 2003.

184. Парадигмы образования: социологический подход // Общество и социология: новые реалии и новые идеи. – СПб., 2003.

185. Ностальгия российских эмигрантов: пробный опрос в Финляндии // Социол. исслед. – 2003. – № 8 (в соавторстве).

186. Самообразование – парадигма XXI века // Высшее образование в России. – 2003. – № 5 (в соавторстве).

187. Провинциализм как социологическая проблема // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – Челябинск, 2003.

188. Подходы к определению задач социологии образования // Актуальные проблемы образования. – М., 2003.

189. Образование и самообразование в контексте социологии знания // Кросскультурные и гендерные исследования. Социологические проблемы образования, семьи, молодежи. Ч. II. – Екатеринбург, 2004 (в соавторстве).

190. Образование и самообразование в информационном обществе: новые возможности, новые конфликты // Информационная эпоха: мир – Россия – Урал. Т. 2. – Екатеринбург, 2004 (в соавторстве).

191. Социокультурный подход к исследованию самообразования // Педагогическая культурология: теоретические, методологические и методические основы формирования и развития педагогической культуры. – Уфа, 2004 (в соавторстве).

192. Образовательные потребности студентов в малом городе // Высшее образование в России. – 2004. – № 9 (в соавторстве).

193. Понятие, функции и структура социологического образования // Социология. – 2004. – № 3–4.

194. Историческая социология: опыт и перспективы. «Круглый стол» // Социс. – 2005. – № 1.

195. Проблема социального сравнения в социологии / Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии. Ч. I // Вестник УГТУ–УПИ. – Екатеринбург, 2005. – № 3.

196. Россия в зеркале институциональных трансформаций. Взгляд социолога // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России. – Екатеринбург, 2005.

197. Ценности образования и образование как ценность // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России. – Екатеринбург, 2005 (в соавторстве).

198. Образование как ресурс информационного общества // Социс. – 2005. – № 7 (в соавторстве).

199. Social Comparison, Social Memory and Disasters: What do Russians Remember and What do They Forget // Russian Sociology: Changes and Problems. – М., 2005.

200. Social Comparison, Social Memory and Disasters: What do Russians Remember and What do They Forget // Rethinking Inequalities. Abstracts. – Torun, 2005.

201. Образование. – URL: www.krugosvet.ru. – М., 2005.

202. Институциональные трансформации в современной России // Россия и мир: вызовы времени. – Уфа, 2005.

203. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема // Социс. – 2005. – № 12.

204. Социальное сравнение как общественный и индивидуальный феномен в современной России // Социальная жизнь России: теории и практики. – М., 2005.

205. Власть и безвластие в образовании // Власть и властные отношения в современном мире. Т. 2. – Екатеринбург, 2006.

206. Социальные ценности как фактор формирования политического имиджа страны // Политическая имиджология. – М., 2006 (в соавторстве).

207. Социология образования: задачи и парадигмы // Высшее образование в России. – 2006. – № 1 (в соавторстве).

208. Эффективность профессиональной подготовки: проблемы социологического измерения // Высшее образование в России. – 2006. – № 3 (в соавторстве).

209. Переосмысливая неравенство // Социс. – 2006. – № 7 (в соавторстве).

210. Методологические проблемы социологического исследования регионального социального пространства // Социум и власть. – 2006. – № 2.

211. Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи // Социс. – 2006. – № 12.

212. Образование и бизнес: проблемы взаимосвязи. Социологический подход // Российское бизнес-образование: зарождение евразийской концепции. – Екатеринбург, 2006.

213. Национальное образование в России в контексте европейского образовательного пространства // Проблемы социодинамики культуры в современном обществе. – Уфа, 2007 (в соавторстве).

214. Повседневные практики в системе образа жизни // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках. Т. 1. – Екатеринбург, 2007.

215. Высшее образование и бизнес. Взгляд социолога: проблемы институционального взаимодействия. Взгляд социолога // Высшее образование в России. – 2007. – № 1.

216. Человек и повседневные практики в системе его образа жизни // Педагогический журнал Башкортостана. – 2007. – № 3.

217. Социологическое образование и социологическое знание: проблемы взаимосвязи // Глобализация и социальные изменения в современной России. – М., 2007.

218. Современная Россия в зеркале теоретической социологии // Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект. Т. 1. – Екатеринбург, 2008.

219. Особенности, достижения и проблемы развития социологии на Урале // Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект. Т. 1. – Екатеринбург, 2008 (в соавторстве).

220. Метaparадигмальная модель теоретической социологии // Социс. – 2008. – № 4.

221. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социс. – 2008. – № 6 (в соавторстве).

222. Л. Н. Коган и проблемы социологии образования // Л. Н. Коган. Феномен многогранной творческой личности. – Екатеринбург, 2008.

223. Российское социальное пространство как взаимодействие социальных общностей // Современная Россия: путь к миру – путь к себе. Т. 1. – Екатеринбург, 2008.

224. Социология в регионах – проблемы и перспективы // Социс. – 2008. – № 6.

225. Противоречия в современном российском образовании // Социология образования. – 2008. – № 10.

226. Социологическое исследование целевой аудитории регионального телевизионного образовательного канала (в соавторстве) // Вишневский Ю. Р., Зборовский Г. Е.,

Шапко В. Т. Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. – Екатеринбург, 2008.

227. Перспективы развития теоретической социологии в современной России // Вишневский Ю. Р., Зборовский Г. Е., Шапко В. Т. Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. – Екатеринбург, 2008.

228. Вклад уральских социологов в развитие отечественной социологии (в соавторстве) // Вишневский Ю. Р., Зборовский Г. Е., Шапко В. Т. Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. – Екатеринбург, 2008.

229. Социально-гуманитарное знание как фактор развития просвещения и образования в регионе // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. – Уфа, 2008.

230. Образование как сфера межкультурного взаимодействия // Мультикультуральная современность: Урал – Россия – Мир. Т. 2. – Екатеринбург, 2009.

231. Социология кризиса и кризис социологии // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. 2–3. – Екатеринбург, 2009.

232. Противоречия в современном российском высшем образовании: взгляд социолога // Студенчество стран ШОС: социокультурное измерение. – Екатеринбург, 2009.

233. Структура научного творчества в современном социально-гуманитарном знании // Педагогический журнал Башкортостана. – 2009. – № 2.

234. Высшее образование как диалог: размышления социолога // Высшее образование в России. – 2009. – № 8.

235. Образование в области прав человека // Права человека : энциклопедический словарь. – М., 2009.

236. Образование сквозь призму пространственно-временного подхода // Социология образования. – 2009. – № 10.

237. Образование в пространственно-временном континууме // Российское общество в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. – Екатеринбург, 2009.

238. Образование и информационное общество // Российское общество в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. – Екатеринбург, 2009 (в соавторстве).

239. Образование в зеркале междисциплинарного изучения // Общество и образование. – М., 2009.

240. Модернизация образования в условиях неопределенности // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Т. 1. – Екатеринбург, 2010.

241. Теоретические основания изучения социальной общности // Социс. – 2010. – № 4.

242. Модернизация образования сквозь призму социальной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – № 1.

243. Социальная политика и модернизация образования // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. 2. – Екатеринбург, 2010.

244. Социальная эффективность модернизации российского образования: ожидания и реальность // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования. – Екатеринбург, 2010.

245. Отношение еврейской молодежи к национальному образованию как социокультурному фактору этнонациональной идентификации // Актуальные проблемы социологии молодежи. – Екатеринбург, 2010 (в соавторстве).

246. Региональное социальное пространство как социологический феномен // Социум и власть. – 2010. – № 6.

247. Модернизация образования как фактор изменения требований к профессии педагога // Вестник Сургутского государственного университета. – 2010. – № 4.

248. Модернизация педагогического образования за рубежом сквозь призму его компаративного анализа // Педагогический журнал Башкортостана. – 2010. – № 6.

249. Научно-педагогическая общность как социологическая и практическая проблема // Актуальные проблемы социологии молодежи. – Екатеринбург, 2010.

250. Социальное пространство региона как социологический феномен // Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ. Ч. 1. – Челябинск, 2010.

251. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. – СПб., 2010.

252. Культура образования как реальный феномен и научная проблема // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 1.

253. Модернизация педагогического образования // Социс. – 2011. – № 2 (в соавторстве).

254. Культура образования как социологическая проблема // Социология образования. – 2011. – № 4 (в соавторстве).

255. Научные подходы к исследованию педагогического образования: социологический анализ // Поиск. – 2011. – № 5 (в соавторстве).

256. Уроки неудавшейся модернизации образования // Социальная стратегия российской системы образования. – СПб., 2011.

257. Образование в постсоветской России: трудный путь модернизации // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации. – Екатеринбург, 2011.

258. Управление образованием: социологический взгляд на возможность модернизации // Управление и общество: назревшие проблемы, исследования и разработки. – М., 2011.

259. Проблема знания в социологии и социологическом образовании // Проблемы теоретической социологии. Вып. 8. – СПб., 2011.

260. Образовательное знание как предмет научного исследования // Педагогический журнал Башкортостана. – 2012. – № 2.

261. Социологическое и социальное знание: сравнительный анализ // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. II. – Екатеринбург, 2012.

262. Актуальные проблемы обучения детей мигрантов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2 (в соавторстве).

263. Образовательное знание как проблема социологии // Социс. – 2012. – № 2.

264. Социологическое знание и образование: проблемы взаимосвязи // Социс. – 2012. – № 8.

265. От образования – к образованности [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. – М., 2012.

266. Социологический провинциализм: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. – М., 2012.

267. Мигранты и проблема обучения их детей в ХМАО–Югре: Новые вызовы системе образования [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. – М., 2012 (в соавторстве).

268. От социологического знания – к социологическому образованию [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. – М., 2012.

269. Образовательное знание социума // Социум и власть. – 2012. – № 3.

270. Социологическое знание и образование: путь к сближению // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6.

271. Методологические принципы социологического исследования учительства // Учительство региона как социально-профессиональная общность. – Сургут, 2012.

272. The Modernization of Pedagogical Education // Russian Education and Society. – 2012. – V. 54, № 6.

273. Взаимодействие учителей и детей-мигрантов (на материалах конкретно-социологического исследования в ХМАО–Югре) // Социология образования. – 2012. – № 10 (в соавторстве).

274. Проблемы знания и образования в творчестве К. Манхейма // Актуальные проблемы социологии. – Екатеринбург, 2013.

275. Нужна ли социологу история его науки? // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. – Екатеринбург, 2013.

276. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социс. – 2013. – № 2 (в соавторстве).

277. Перспективы и сценарии развития социологии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2.

278. Дети мигрантов в северном регионе: социологический анализ проблем социокультурной адаптации // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2.

279. Социальное неравенство и его виды как социологическая проблема // Вопросы политологии и социологии. – 2013. – № 2.

280. Теоретическая социология: quo vadis? // Социс. – 2013. – № 9.

281. Роль социологии в научном управлении обществом // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6.

282. Публичная социология в регионе // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2.

283. Обучение детей мигрантов как социально-педагогическая проблема // Педагогический журнал Башкортостана. – 2013. – № 2.

284. Учительство как социально-профессиональная общность: социологический анализ // Педагогический журнал Башкортостана. – 2013. – № 5.

285. Почитая старое, обретаешь новое // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 3.

286. Социальное самочувствие учительства как социологическая проблема // Социология образования. – 2013. – № 11 (в соавторстве).

287. «Меня тревожит раскол в российской социологии». Интервью Б. Докторову // Социологический журнал. – 2013. – № 4.

288. Interaction between schoolteachers and migrants' children (based on materials of a concrete sociological survey in KhMAO-Iugra) // Russian Education and Society. – 2013. – V. 55, is. 11 (в соавторстве).

289. Дети мигрантов как объект региональной образовательной политики (на материалах исследования в ХМАО–Югре) // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 1 (в соавторстве).

290. Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы теоретического изучения // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 3 (в соавторстве).

291. Управление темпоральными стратегиями поведения профессиональных общностей: проблемы и возможности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 5 (в соавторстве).

292. Социология как ресурс управления в современном российском обществе // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : материалы Всерос. науч.-практ. конф. памяти В. Т. Шапка (Екатеринбург, 28 февраля 2014 г.). – Екатеринбург, 2014.

293. Развитие социологии в современном российском обществе // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : материалы XII Всерос. науч. конф. «Файнбургские чтения» (25 ноября 2013 г., г. Пермь). – Пермь, 2014.

294. Социология и власть: как быть вместе, живя врозь? // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2.

295. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (в соавторстве).

296. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 3 (в соавторстве).

297. Об отношениях социологии и власти: некоторые уроки прошлого и настоящего // Социум и власть. – 2014. – № 4.

298. Социология без власти и власть без социологии: возможно ли это в России? // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 3.

299. Гражданское общество в зеркале социологии // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 4.

300. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. – 2014. – № 12 (в соавторстве).

301. Социология и власть: уроки отношений между ними в России // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2014. – № 1101.

302. О пользе научно-исторической литературы. Предисловие научного редактора // Докторов Б. З. Гиганты американской рекламы. – Екатеринбург, 2014.

303. Сейчас в истории отечественной социологии меня особенно волнуют ее отношения с политикой и властью (Ин-

тервью Бориса Докторова с Гарольдом Зборовским) // Телескоп. – 2014. – № 5.

304. Система социального управления // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2014.

305. Социология управления сквозь призму интеграции социологического знания // IX Ковалевские чтения «Социология и социологическое образование в России» (к 25-летию социологического образования в России и факультета социологии) (Санкт-Петербург, СПбГУ, 14–15 ноября 2014 г.). – СПб., 2014.

306. Социология – политика – власть – гражданское общество // Вопросы политологии и социологии. – 2014. – № 4.

307. Social communities through a prism of temporal characteristics // International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014), Psychology and Psychiatry, Sociology and Healthcare, Education. Conference proceedings. V. II. Sociology and Healthcare (Albena, Bulgaria, 1–10 sept. 2014). – Albena, 2014.

308. Социология управления и управление социологией // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «XX Уральские социологические чтения» (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.). – Екатеринбург, 2015.

309. Время социальной общности как проблема социологического исследования // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие : материалы Междунар. междисциплинар. науч. конф. (Саратов, СГТУ, 25–26 сентября 2015 г.). – Саратов, 2015 (в соавторстве).

310. Time as the resource of development of the modern manager in the conditions of the economic crisis in Russia // The Conference Proceedings The 9th International Days of Statistics and Economics (10–12 sept. 2015). – Prague, 2015 (в соавторстве).

311. Freelancers in Russia: innovative approaches to time management // The Conference Proceedings The 9th International Days of Statistics and Economics (10–12 sept. 2015). – Prague, 2015 (в соавторстве).

312. Социального управления система // Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2015.

313. Социального управления принципы // Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2015.

314. Объект социального управления // Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2015.

315. Задачи социально ориентированного управления // Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2015.

316. Субъект социального управления // Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2015.

317. Учительство как социально-профессиональная общность // Социологические исследования. – 2015. – № 2 (в соавторстве).

318. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социс. – 2015. – № 5 (в соавторстве).

319. На перекрестке естественно-научного и социологического знания: опыт исследования одной проблемы // Социс. – 2015. – № 9 (в соавторстве).

320. О периодизации истории отечественной социологии // Социологический журнал. – 2015. – № 1.

321. Время в жизни преподавателя вуза глазами социологов // Высшее образование в России. – 2015. – № 2 (в соавторстве).

322. Образовательно-адаптационные практики трудовых мигрантов и их детей (на материалах исследований в ХМАО-Югре) // Социология образования. – 2015. – № 3 (в соавторстве).

323. Образовательные и адаптационные практики детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 1 (в соавторстве).

324. Плюрализм методологических подходов как проблема научного исследования // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 3.

325. Институционализация отечественной социологии и ее роль в становлении гражданского общества в России // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2015. – № 1.

326. Типология социологов как научная проблема // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2015. – № 2.

327. Образовательные практики мигрантов как потенциал их социокультурной адаптации в северном регионе: социологический анализ // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2015. – № 2 (в соавторстве).

328. Социальная общность как субъект социального времени // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2015. – № 3.

329. Поколенческая общность сквозь призму темпоральных характеристик // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2015. – № 4.

330. Возрастная общность: понятие и методология ее темпорального исследования // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2015. – № 6.

331. Социология на Урале: проблема становления и развития // Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век. – Екатеринбург, 2015 (в соавторстве).

332. Л. Н. Коган – основатель уральской социологии // Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век. – Екатеринбург, 2015 (в соавторстве).

333. Управление временем социальных общностей: стратегия и методы исследования // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 6 (в соавторстве).

334. Дети мигрантов в западноевропейских школах: проблемы обучения и адаптации // Педагогический журнал Башкортостана. – 2015. – № 6 (в соавторстве).

335. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы // Социс. – 2016. – № 7 (в соавторстве).

336. «Стрела социологического знания» через призму «стрелы времени», или путь к их сближению // Социс. – 2016. – № 9 (в соавторстве).

337. Временная перспектива образовательных общностей // Социс. – 2016. – № 10 (в соавторстве).

338. Концептуальные основы перехода к нелинейной модели высшего образования в регионе // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 4 (в соавторстве).

339. The temporal dimension of professors' human capital // The 10th International Days of Statistics and Economics. The Conference

Proceedings (September 8–10, 2016, Prague, Czech Republic). – Prague, 2016 (в соавторстве).

340. Time as an element of students' human capital // The 10th International Days of Statistics and Economics. The Conference Proceedings (September 8–10, 2016, Prague, Czech Republic). – Prague, 2016 (в соавторстве).

341. About the possibilities of implementing a non-linear model of higher education in the Russian region // 9th annual International Conference of Education, Research and Innovation: ICERI2016 Proceedings (Seville, Spain, 14–16 November 2016).

342. Features and structure of the non-linear model of higher education in the Russian region // 9th annual International Conference of Education, Research and Innovation: ICERI2016 Proceedings (Seville, Spain, 14–16 November 2016).

343. Дети мигрантов в Западной Европе: ситуация в образовании и социальные проблемы // Социология образования. – 2016. – № 2 (в соавторстве).

344. Теоретические основания концепции динамики образовательных общностей в условиях социальной неопределенности // Социология образования. – 2016. – № 6 (в соавторстве).

345. Эмпирическая методология и методика исследования нелинейной модели высшего образования // Социология образования. – 2016. – № 7 (в соавторстве).

346. Обучение детей мигрантов в Великобритании: образовательная политика и реалии повседневных практик // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – № 1 (в соавторстве).

347. Теоретические основания концепции единства и противоречивости времени социальной общности // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – № 2 (в соавторстве).

348. Методологические подходы к исследованию нелинейной динамики образовательных общностей мегаполиса // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – № 4 (в соавторстве).

349. Методология исследования перспективных практик, проблем и возможностей управления российским волонтерством // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – № 4 (в соавторстве).

350. Обучение детей мигрантов в Западной Европе: существующие подходы и их эффективность // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. – 2016. – № 1 (в соавторстве).

351. Общностный подход как методология социологического исследования // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. – 2016. – № 1.

352. Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе как объект социологического исследования // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. – 2016. – № 4.

353. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности // Высшее образование в России. – 2016. – № 4 (в соавторстве).

354. Нелинейность развития высшего образования: контуры концепции и возможные макрорегиональные практики // Высшее образование в России. – 2016. – № 12 (в соавторстве).

355. Поворот к времени диалога и диалогу «времен» // Журнал социальной антропологии и социологии. – 2016. – Т. XIX, № 2 (в соавторстве).

356. Образовательные общности вузов как стратегические партнеры управления мегаполисом // Вопросы управления. – 2016. – № 5 (в соавторстве).

357. Нелинейные траектории развития образовательных общностей в мегаполисе // Педагогический журнал Башкортостана. – 2016. – № 4 (в соавторстве).

358. Научно-образовательное знание как знаниевая основа нелинейной модели высшего образования // Вестник ПНИПУ. Сер. : Социально-экономические науки. – 2016. – № 4.

359. Категориальный анализ времени: социологический подход // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 2 (в соавторстве).

360. Предпосылки и проблемы концепции нелинейного развития высшего образования в российском макрорегионе (ст. 1) // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 5.

361. Предпосылки и проблемы концепции нелинейного развития высшего образования в российском макрорегионе (ст. 2) // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 6.

362. Интервью сердитого эксперта // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2016. – Т. 2, № 4 (в соавторстве).

363. Образовательные общности в зеркале темпоральных противоречий // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и социологии управления : материалы науч.-практ. конф. памяти В. Т. Шапо (Екатеринбург, УрФУ, 24–25 февраля 2016 г.). – Екатеринбург, 2016.

364. О противоречиях между линейностью и нелинейностью высшего образования в регионе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость : материалы V Всерос. социол. конгресса (Екатеринбург, 19–22 октября 2016 г.). – М. ; Екатеринбург, 2016.

365. Противоречия в развитии образовательных общностей мегаполиса // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость : материалы V Всерос. социол. конгресса (Екатеринбург, 19–22 октября 2016 г.). – М. ; Екатеринбург, 2016.

366. Российское общество в зеркале социального неравенства // Социс. – 2017. – № 4.

367. Сетевое взаимодействие вузов в системе высшего образования Уральского макрорегиона // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 2 (в соавторстве).

368. The influence of demographic factors on the structural changes of the student community // The 11th International Days of Statistics and Economics. The Conference Proceedings (September 14–16, 2017, Prague, Czech Republic). – Prague, 2017 (в соавторстве).

369. Существует ли система высшего образования? // Социс. – 2017. – № 11 (в соавторстве).

370. Typology of universities as a structural basis of the nonlinear model higher education in the Russian macroregion // 9th annual International Conference on Education and New Learning Technologies (Barcelona, Spain, 3–5 July, 2017) (в соавторстве).

371. Network interactions of universities as a factor of development of the higher education in the Russian macro-region // 9th annual

International Conference on Education and New Learning Technologies (Barcelona, Spain, 3–5 July, 2017).

372. Высшее образование в уральском макрорегионе: возможности нелинейного развития // Интеграция образования. – 2017. – Т. 21, № 3 (в соавторстве).

373. З. И. Файнбург: «Жизнь моя была тяжела, но не была бременем» // Социологический журнал. – 2017. – № 1 (в соавторстве).

374. Темпоральные противоречия возрастных общностей: типологический анализ стратегий преодоления // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23, № 2 (в соавторстве).

375. Network interaction in higher education of Russia: case of cooperation between two universities // 11th annual International Technology, Education and Development Conference (INTED2017): Proceedings of INTED2017 conference (6–7 March 2017, Valencia, Spain) (в соавторстве).

376. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – № 3.

377. Сетевое взаимодействие вузов в Уральском федеральном округе // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – № 2 (в соавторстве).

378. Сетевое взаимодействие вузов на Урале // Вестник СурГПУ. – 2017. – № 2.

379. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. – 2017. – № 4 (в соавторстве).

380. Методологические подходы к исследованию трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную модель // Вестник ННГУ. Социальные науки. – 2017. – № 3.

381. Типология вузов в макрорегионе как структурная основа нелинейной модели развития высшего образования // Социология образования. – 2017. – № 4 (в соавторстве).

382. Время как фактор социальной дифференциации образовательных общностей в вузах мегаполиса // Социология образования. – 2017. – № 1 (в соавторстве).

383. Факторы формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей // Известия высших учебных

заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2017. – № 1 (в соавторстве).

384. Управление университетами в зеркале оценок образовательных общностей // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – Т. 21, № 3 (в соавторстве).

385. Возрастные общности и проблемы регулирования темпоральных стратегий их поведения // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 3 (в соавторстве).

386. Волонтеры «серебряного» возраста: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – № 4 (в соавторстве).

387. Образовательные и внеобразовательные ресурсы развития студенчества в мегаполисе // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 3 (в соавторстве).

388. Стратегии развития образовательных общностей в вузах Уральского макрорегиона: предпосылки и возможности реализации // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – № 1.

389. Темпоральные стратегии поведения возрастных общностей в контексте экологического подхода // Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, Башкирский государственный университет, 15–17 мая 2017 г.). – Уфа, 2017.

390. Студенты глазами преподавателей вузов Уральского федерального округа // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, ННГУ им. Н. Н. Лобачевского, 14–15 сентября 2017 г.). – Н. Новгород, 2017.

391. Недоверие versus доверие в высшем образовании Уральского макрорегиона // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты : материалы V Тюменского междунар. социол. форума (Тюмень, 5–6 октября 2017 г.). – Тюмень, 2017.

392. Трансформации в российском высшем образовании как проблема социологического анализа // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии : материалы Сибирского социолог. форума с междунар. участием (Новосибирск, 24 ноября 2017 г.). – Новосибирск, 2017.

393. Регион в зеркале пространственно-временного подхода // XXI Уральские социологические чтения «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, УрФУ, 15–16 марта 2018 г.). – Екатеринбург, 2018.

394. Teachers and students of Russian universities: how to be together? // The 10th annual International Conference on Education and New Learning Technologies (EDULEARN2018, 2–4 July, 2018, Palma de Mallorca, Spain).

395. Non-linear development strategies of the pedagogical community in universities of the Russian macro-region // The 10th annual International Conference on Education and New Learning Technologies (EDULEARN2018, 2–4 July, 2018, Palma de Mallorca, Spain).

396. Стратегии развития образовательных общностей в вузах Уральского макрорегиона: предпосылки и возможности реализации // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – № 1.

397. Л. Н. Коган: «Я жил» // Социологический журнал. – 2018. – № 1 (в соавторстве).

398. Понятие и структура доверия в высшем образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2.

399. Доверие к высшему образованию: социологические подходы к исследованию проблемы // Вестник ПНИПУ. Сер. : Социально-экономические науки. – 2018. – № 2.

400. Социальные технологии управления переходом к нелинейной модели высшего образования в российском макрорегионе // Социология образования. – 2018. – № 4 (в соавторстве).

Äÿ çàlàôê

Äÿ çàlàôê

Научное издание

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович

**РОМАН С СОЦИОЛОГИЕЙ
ДЛИНОЮ БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА**

Беседы Бориса Докторова с Гарольдом Зборовским

Редактор С. В. Фельдман
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать **XX.XX.2018**. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 15,14. Усл. печ. л. 19,59. Тираж 500 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3
Лицензия № 2114 от 26.04.2014

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
620089, г. Екатеринбург, ул. Луганская, д. 59/4.

Зборовский Гарольд Ефимович (р. 1938) – профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, доктор философских наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Выпускник Уральского государственного университета. Начиная с 1963 г. преподает в вузах г. Свердловска (ныне г. Екатеринбург).

Автор более 600 научных трудов (в том числе свыше 60 учебников, учебных пособий, монографий) по проблемам методологии, теории и истории социологии, социального пространства и времени, социальной общности, образа жизни, личности, социологии образования, социологии управления, социологии культуры, социологии досуга, прикладной социологии. Ряд материалов опубликован в зарубежных изданиях. Читал лекции и выступал с докладами в Германии, США, Китае, Болгарии, Чехии, Испании. Участвовал в работе многих международных социологических конгрессов и конференций. Первый вице-президент Российского общества социологов, член редакционного совета журнала «Социологические исследования». За вклад в развитие социологической науки награжден Серебряной медалью имени Питирима Сорокина и Почетным знаком «Заслуженный деятель Российского общества социологов».

Докторов Борис Зусманович (р. 1941) – российский социолог. В 1964 г. окончил мат.-мех. ф-т ЛГУ, с 1968 г. работает в социологии, доктор философских наук (1985 г.), профессор. Многие годы работал в социологических институтах АН СССР в Петербурге (Ленинграде) и в Москве; с 1994 г. живет в США, независимый исследователь. Почетный доктор Института социологии РАН, член редколлегий ряда российских социологических журналов. Автор более 600 публикаций - около 20 книг, статей, эссе; активно публикуется в Интернете.

С 2000 г. разрабатывает два направления: историю изучения общественного мнения в США и историю советской / российской социологии. Последние книги по первой тематике: «Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения» (М., 2011); «Первопроходцы мира мнений. От Гэллапа до Грушина» (М., 2017); «Отцы-основатели: история изучения общественного мнения» (М., 2018). Второе исследовательское направление представлено в книгах «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» (СПб, 2013); «Все мы вышли из "Грушинской шинели"» (М., 2014); «Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём» (М., 2016).

